

Георгий Аствацатуров

Бендерская крепость

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО БОЛГАРИСТОВ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Георгий Аствацатуров

БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Научный редактор
доктор исторических наук Н.Д. Руссев

Бендеры,
2007

ББК 63.3(4Молд–П)
А91

Книга подготовлена и издана на средства
ООО «ПЕТИЦА»

Генеральный директор — П.К. ЖЕКОВ

Аствацатуров Г.

А91 Бендерская крепость. – 2-е изд., исправ. – Бендеры, 2007. – 176 с.,
ил. – 1000 экз.

Книга Г. Аствацатурова является первым монографическим исследованием истории Бендерской крепости. Историк обобщил и проанализировал все доступные архивные документы по истории города и крепости периода XIV-XIX вв. Широко используется научная литература, изданная учёными Молдовы, Румынии, России, Украины и других стран. Автор вписывает изучение прошлого крепости в широкий исторический контекст, обращается к ряду серьёзных проблем раннего периода истории Молдовы. Книга рассчитана не только на специалистов, но и на всех любителей истории родного края.

**Рукопись рекомендована к печати
доктором кандидатом исторических наук П.П. Бырня**

Научно-популярное издание

Георгий Осипович Аствацатуров

~~БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ~~

Редактор *В.Н. Валавин*

Сдано в набор 12.04.07. Подписано в печать 18.04.07.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. листов 10,29. Тираж 1000 экз. Заказ 716.

Отпечатано на ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»
Министерства информации и телекоммуникаций ПМР,
ул. Пушкина, 52.

© Аствацатуров Г., 1997.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый раз, проезжая по мосту через Днестр, ищу взглядом старую крепость, ставшую символом Бендер. Здесь я родился, хотя детство и юность мои прошли в селе, раскинувшемся на левом берегу реки, в Парканах. Им я и посвятил свою первую книгу «Очерки истории села Парканы», вышедшую двумя частями: в 1995 и 1996 годах. Но уже в ходе работы над «Очерками...» не раз приходилось обращаться к истории города Бендеры. Несмотря на кажущееся обилие книг и публикаций об этом древнем городе, можно сделать однозначный вывод о том, что над наиболее полной и серьезной книгой историкам и краеведам еще предстоит потрудиться.

При изучении многочисленной литературы о Бендерах в первую очередь бросались в глаза противоречивые и порой взаимоисключающие друг друга утверждения и версии о различных событиях из истории города. Такая пестрота суждений лишний раз подчеркивает тот факт, что исследователям еще есть над чем поработать. Гипотетичность и приблизительность особенно неприемлемы при решении узких краеведческих опросов. История Бендер неразрывно связана со старой крепостью, уже несколько столетий возвышающейся на крутом правом берегу Днестра. Думаю, что ограничив исследование лишь изучением истории этого уникального архитектурного памятника, мы сможем получить ответы и на целый ряд более общих вопросов, связанных как с историей города, так и с историей Молдовы в целом. На сравнительно небольшой территории часто разворачивались события, затрагивавшие судьбы не только местных жителей, но и целых народов.

Бендерской крепости посвящено много страниц в работах исследователей. Имеются отдельные статьи и брошюры.

Первое по времени известное описание Бендерской крепости принадлежит турецкому путешественнику Э. Челеби¹, который в 1657 году, бывав в крепости, не только описал ее, но и попытался изложить историю ее возникновения. Его многотомная «Книга путешествия» стала известна в Европе в конце прошлого столетия, но была доступна лишь немногим специалистам. Интерес к книге Э. Челеби огромен: всегда представляется любопытным познакомиться с воспоминаниями представителя так сказать «противоположного лагеря», тем более написанными ярко и подробно. Наряду с этим исследователи творчества турецкого писателя предупреждают о необходимости осторожного подхода к фактам, излагаемым в его произведении. Отдавая должное великолепному стилю автора «Книги путешествия», известный тюрколог И.Ю. Крачковский подчеркивал в то же время, что Э. Челеби «предпочитает легенду сухой исторической передаче, легко увлекается преувеличением и не останавливается иногда перед самым смелым вымыслом»². В правомерности этого утверждения нам не раз представится возможность убедиться.

После присоединения Бессарабии к России в 1812 г. была командирована группа офицеров для описания и картографирования края. Один из них, П.П. Свиньин в своем «Описании Бессарабской области»³ уделяет значительное место описанию Бендерской крепости. При всех недостатках, на которые неоднократно указывали исследователи, работа ценна тем, что она написана в 1816 году, то есть вскоре после того, как крепость покинули турецкие войска и ее сооружения еще не были затронуты перестройками.

В 1850 году известный молдавский просветитель К. Стамати публикует в Одессе описание бессарабских крепостей. Однако писатель, не обладая большой информацией о Бендерской крепости, уделил ей в своей работе лишь несколько фраз.

В статьях и книгах членов Одесского общества истории и древностей с середины XIX столетия все чаще упоминается Бендерская крепость и описываются различные эпизоды, связанные с ее историей. В 1863 году вышла в свет работа члена Общества, офицера Генерального штаба А. Защука «Военное обозрение Бессарабской области»⁵. Составной частью книги стала написанная им «Летопись Бендерской крепости». Долгое время она была основным источником для историков и краеведов, занимавшихся этой проблемой.

В 1917 году бывший начальник штаба Одесского военного округа Н.А. Марк опубликовал небольшую брошюру «К истории Бендерской крепости»⁶. Вышедшая в годы военного лихолетья, она стала букинистической редкостью и фактически неизвестна массовому читателю. Научная ценность брошюры возрастала в связи с тем, что в ней была напечатана фотография высеченной на мраморной плите и впоследствии утерянной турецкой надписи, укрепленной над воротами цитадели.

В 1928 году вышла, пожалуй, лучшая публикация о Бендерской крепости, до сих пор сохранившая научную актуальность. Ее автором был бессарабский историк Штефан Чобану⁷. Объемная научная статья, снабженная целым рядом фотографий крепости, ее планов и схем, была написана на основе фактически всех известных к тому времени исторических работ и опубликованных документов. Работа историка отличалась исключительной добросовестностью и носила глубокий исследовательский характер.

В послевоенные годы появилось несколько книг краеведческого плана, но в них крепости уделялось мало места, а сами книги основывались на багаже исторических работ общего характера. В силу своей специфики, фундаментальные исследования по истории Молдовы не могли отразить все проблемы ранней истории города. Лишь в последние годы появилось несколько специальных работ, где немало места уделено истории крепости.

Прежде всего, это книга знатока истории Бендер и его окрестностей Д. Поштаренку «Из истории Тигины»⁸. Один из ее очерков посвящен крепости. Работа этого историка является серьезным научным исследованием. Он не приемлет дилетантского подхода в краеведении и подвергает научно

обоснованной критике имевшиеся версии об основании города литовским князем Вивовтом и утверждение об идентичности упоминаемой византийским императором Константином Багрянородным Тунгаты с Тигиной. В работе Д. Поштаренку предпринята попытка обогатить свое исследование данными, неизвестными ранее Ш. Чобану и тем историкам, кто до него уже обращался к истории крепости.

В последние годы появилось несколько научных монографий по средневековой истории юга Молдовы, то есть региона, попавшего в свое время под прямое турецкое владычество⁹. Многие страницы в них посвящены как истории крепости, так и города в целом. Уже много лет над изучением сложнейших процессов, происходивших в средние века на юге Прутско-Днестровского междуречья, плодотворно работает И.Г. Киртоагэ. На основе своих общих исследований историк опубликовал очерк «Тигина»¹⁰, в котором изложено значительное число ранее неизвестных фактов из истории города и крепости в период турецкого господства. В публикации И.Г. Киртоагэ привлекают внимание многие тонкие наблюдения из истории нашего края.

Несмотря на обилие имеющихся исторических работ, полностью или частично касающихся бендерской истории, все же ощущается настоятельная необходимость в новом исследовании. Во-первых, много еще неясных страниц таит в себе история крепости и Бендер в целом. Во-вторых, следует заполнить своеобразный вакуум, возникший в последние годы, когда в силу нынешних социально-экономических потрясений кажется, что сейчас не до книг и исследований. Вопреки всем трудностям появляется все больше людей, интересующихся прошлым своего края, неудовлетворенных поверхностными публикациями краеведческого характера, которые время от времени появляются на страницах местных газет.

В предлагаемой работе сделана попытка привлечения и анализа максимально возможного числа источников и исторических работ, в большей или меньшей степени затрагивающих историю города и крепости на Днестре. Это особенно важно при изучении прошлого Бендер и всей истории Молдовы XIV–XVI вв. Необычайно сложное переплетение фактов, событий того времени требует крайне осторожного подхода к их трактовке, учета конкретно-исторических условий возникновения известных документальных источников. Нельзя не согласиться с мнением Е. Скржинской о начале тревожной эпохи турецкого владычества: «Без тщательного рассмотрения и уяснения этой сложнейшей исторической обстановки нелегко понять любой источник, возникший в гуще событий того времени: непременно требуется включить его в общую историческую картину, сопоставить с обширным кругом других, одновременных или близких ему памятников»¹¹. Безусловно такой комплексный подход необходим и к более раннему монголо-татарскому периоду, и еще недостаточно изученной истории становления Молдавского государства.

Большинство источников, касающихся истории средневековой Молдовы уже достаточно известны, и, пожалуй, нет необходимости в их особом анализе. Однако нередко исследователи, и особенно краеведы, используют документы чисто иллюстративно, без конкретного критического анализа и сравнения друг с другом. К примеру, говоря о первых упоминаниях Тигины в известных торговых привилегиях львовским купцам, как правило, не исследуются конкретно-исторические условия их появления, отсутствует глубокий анализ содержания самих документов. Многие вопросы, связанные с ранней историей Тигины, так и не получили убедительных аргументированных ответов и остались на уровне исследований конца XIX века.

Хотя уже накопилось достаточно большое количество серьезных исследований ученых Молдовы, Румынии, России, Украины и других стран, где в той или иной степени отражены различные моменты истории Нижнего Поднестровья, не всегда историки и краеведы используют их для того, чтобы лучше разобраться в противоречивом прошлом древнего города на Днестре. К примеру, несколько непрофессионально выглядит ссылка одного из наших историков на труды С. Панаитеску для доказательства того, что все крепостные сооружения (и каменные, и земляные) в Тигине построены еще до прихода сюда турок¹². Или по крайней мере наивны рассуждения известного публициста, опирающегося в качестве серьезного источника на «Летопись церковью Бендерского прихода», составленной местным священнослужителем¹³.

Помимо опубликованных в Молдове исторических источников в книге широко используются сборники документов, изданные в Румынии как в прошлом веке, так и в наши дни. Особенно привлекают внимание многотомное издание «Иностранные путешественники о румынских землях» и сборники с переводами турецких источников: «Турецкие хроники касательно румынских земель», «Каталог турецких документов» и «Турецкие документы о румынских странах», где находится много интересных описательных материалов о Бендерской крепости. Исходные данные этих изданий указаны в примечаниях.

Несколько любопытных моментов относительно раннесредневековой истории Нижнего Поднестровья мы встречаем в «Полном собрании русских летописей». Много информации по всему периоду истории Бендерской крепости мы находим в периодических изданиях XIX века: «Сборник русского исторического общества», «Русская старина», «Русский архив». По-прежнему незаменимыми для историков и краеведов являются «Записки Одесского общества истории и древностей». Время пребывания в Бендерах шведского короля Карла XII весьма полно освещается в многотомном издании «Письма и бумаги Петра Великого».

Период многократных казацких походов на Бендеры отражен в украинских хрониках. Большею частью они использованы мной уже в переложении М.С. Грушевского и Д.И. Яворницкого, посвятивших истории казачества многотомные труды.

Отдельные любопытные источники относительно Бендер встречаются и в других сборниках документов, а также в периодических изданиях.

Период истории Бендерской крепости конца XVIII–XIX столетия освещен мною прежде всего по документам архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В первую очередь это малоизвестные документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского Государственного архива древних актов (РГАДА). Большое число весьма ценных свидетельств обнаружено в Национальном архиве Республики Молдова (НАРМ) и Государственном архиве Одесской области (ГАОО).

Сложность поставленных конкретных вопросов вызвала необходимость серьезной проработки предыстории возникновения Бендерской крепости. Ей посвящены первые две главы книги. Ее архитектуре и этапам застройки выделена отдельная глава, разумеется, большое место уделено военной истории оборонительного комплекса. Обилие материала вызвало необходимость разбить этот раздел на несколько глав. Исследование заканчивается концом XIX столетия, то есть упразднением крепости в качестве стратегического военного объекта.

* * *

Признаться, начиная работу над книгой, я представлял ее себе в виде небольшого популярного очерка. Однако накопившийся материал и противоречивый характер многих страниц Бендерской истории заставил отказаться от такого намерения. Я бесконечно благодарен моим коллегам по Научному обществу болгаристов Молдовы, в рамках которого вышли две первых мои книги. Такие профессионалы своего дела, как Н.Д. Русеев и П.П. Бырня убедили меня принципиально изменить первоначальное видение книги. Выражаю также признательность председателю нашего Общества Н.Н. Червенкову за частые методические консультации и материалы из личной библиотеки; моим коллегам Н.В. Кара, И.Ф. Греку, Е.И. Челак, по Институту истории Академии наук Молдовы И.Г. Киртоагэ и Д. Поштаренку за дружескую помощь. Таким же заинтересованным человеком оказался и сотрудник приднестровской госадминистрации Э.Г. Загитов, увлеченно занимающийся изучением богатого прошлого татарского народа.

Особая признательность директору Бендерского авторемонтного завода Н.Ф. Богомолу – человеку неравнодушному и всегда готовому помочь. Благодаря ему зародилась идея написания истории крепости.

Наконец, не могу не выразить слова бесконечной благодарности моему постоянному спонсору – фирме «Петица» и ее генеральному директору П.К. Жекову, благодаря которому наш, казалось, фантастический замысел об издании серии книг по истории родного края становится реальностью, и на суд, надеюсь, самого широкого круга читателей выносятся уже третья наша совместная работа.

КОГДА ЖЕ ВОЗНИКЛА ТИГИНА?

Человеком всегда двигало любопытство. В поисках смысла жизни он постоянно стремился к выяснению своих изначальных корней, первопричин своего бытия. Мудрецы и летописцы начинали свои повествования со времен далеко минувших дней, подробно излагая легенды о возникновении того или иного государства, того или иного города. Подобные легенды и малоубедительные версии существуют и об основании Бендер. В средние века понятия «город» и «крепость» фактически были неразделимы. Поэтому вполне уместно попытаться выяснить время и обстоятельства возникновения древнего города на Днестре.

«Отцами» Бендер назывались и генуэзцы¹, и галицкий князь Даниил², и литовский князь Витовт³, и печенеги⁴. В таком солидном энциклопедическом издании, как «Британника» указывается, что Бендеры существовали еще со II столетия⁵. Одно обилие этих и других подобных версий наводит нас на мысль о недостаточной изученности проблемы. Как правило, подобные утверждения формулировались умозрительно, на основе предположения или по аналогии с каким-либо близлежащим городом, в нашем случае чаще всего с Белгородом-Днестровским. Особенно популярной в XIX веке была «генуэзская» версия строительства крепости. Одни из ворот цитадели так и назывались «Генуэзскими», в сама цитадель считалась средневековым замком, построенным генуэзскими купцами. Ряд исследователей до сих пор придерживаются этой версии.

На смену несколько отвлеченным и часто ненаучным концепциям XIX века приходят новые, основанные на письменных источниках и данных археологии, архитектуры и топонимики. Однако до сих пор ученые так и не пришли к единому мнению о средневековом прошлом города на Днестре. Многие румынские и молдавские специалисты (Н. Йорга, Ш. Чебану, К. Джуреску, Б. Дяконеску, Д. Матей, П. Кокырлэ, И. Киртоагэ, Д. Поштаренку и другие) уверены в существовании раннемолдавского города Тигина. К примеру, румынский историк, К. Джуреску полагает, что уже к концу XIV века Тигина играла важную роль на разветвлении международных торговых путей и к тому же служила причалом для небольших речных судов. Е. Дяконеску и Д. Матей считают Тигину важным оборонительным рубежом на восточных границах Молдавского княжества и ключевым звеном в системе крепостей по Днестру.

Основой для данной версии послужили грамоты молдавских господарей львовским купцам, самая ранняя из которых была датирована 8 октября 1408 года⁶, хотя в этих документах нет прямых свидетельств о существовании поселения или крепости. Во всех торговых «привилеях», в которых упоминается Тигина (а в первых грамотах Тягянкечу), речь идет лишь о таможенном пункте, где устанавливалась «мыто» (таможенная пошлина

– Г. А.) тем, что идут до татар»⁹. Из самих привилеев не видно, чтобы в самой Тигине совершались какие-либо торговые сделки. Татарский товар везли в Сучаву, где взимали «головное мыто» или в другие города, где также взимались отдельные налоги за татарский (то есть привозимый из Кафы и других восточных городов¹⁰) товар. Сведений, почерпнутых из торговых привилеев, явно недостаточно для серьезных выводов о существовании древнего города. Долгое время молдавские ученые механически использовали выводы о Тигине (Бендерах), известные им по уже опубликованным письменным источникам или работам их румынских коллег. Первые попытки чем-то обогатить имеющийся материал нельзя назвать целиком удачными. К примеру, историк Ф. Грекул, ссылаясь на сочинения Дмитрия Кантемира, сообщает о существовании еще с XIII века «сильнейшей крепости Тигинь (Бендеры)» и в подтверждение своих слов упоминает о пригородах города Тирасполя Закрепостная слободка и Кирпичная слободка. Автор статьи был уверен, что они являлись «посадскими слободами» Бендерской крепости¹¹, хотя в исторической литературе достаточно подробно описаны обстоятельства возникновения в 1792 г. крепости Средней, переименованной впоследствии в Тирасполь. Упомянутые пригороды никак не связаны с Бендерской крепостью.

К сожалению, из-за постоянного присутствия в наше время воинских частей исследования ученых на территории самой крепости носили поверхностный характер. В середине 60-х годов кишиневский архитектор В.А. Войцеховский обследовал крепостные стены и обратил внимание на их «двуслойность», а местами и «трехслойность», что позволило ему сделать правильный вывод о неоднократной перестройке крепости. В.А. Войцеховский предположил существование молдавской крепости, которая была затем «надстроена турками»¹². Долгие годы этот известный архитектор увлеченно занимался историей приднестровских крепостей. После успешной защиты кандидатской диссертации по Сорокской крепости он кропотливо собирал материал по всем средневековым крепостям, построенным по Днестру, но, к сожалению, скончался, так и не успев закончить своей безусловно интересной работы.

Проводившиеся осенью 1969 года на территории Бендерской крепости археологические раскопки¹³ носили всего лишь разведывательный характер и не позволяли сделать каких-либо серьезных выводов. Требовались дальнейшие изыскания, чего, впрочем, не произошло. Все же отдельные ученые и краеведы на основе предварительных археологических изысканий и данных В.А. Войцеховского поспешили сделать вывод о существовании древней Тигины¹⁴.

Однако накопившийся за последние десятилетия научный материал в трудах историков и археологов Румынии, Молдовы, России и Украины ставит под сомнение утверждение о существовании на берегу Днестра города до постройки турками крепости в первой половине XVI века. Каковы же аргументы сторонников другой точки зрения?

Во-первых, ни в одной из дошедших до нас 469 (подсчитано Н.А. Мовховым) владельческих грамот молдавских господарей, датированных XV веком, мы не обнаруживаем упоминаний о Тигине или ее пригородах¹⁵. В XV – начале XVI веков происходит активное размежевание молдавских владений между феодалами и монастырями, заверенное господарскими грамотами. Многие из грамот для придания им большей весомости подписаны не только господарем, но и рядом высших сановников, пыркэлабов (военных комендантов) городов-крепостей, но ни разу в подобных документах не упоминается пыркэлаб Тигины.

Во-вторых, о молдавском городе на Днестре не сохранилось прямых свидетельств ни в записках путешественников, ни в летописях и хрониках соседних государств первой половины XV века. Несколько легковесно утверждение румынского историка К. Джуреску о том, что большинство русских купцов и паломников направлялись в Царьград (Константинополь, Стамбул) через Тигину¹⁶. Прямых свидетельств об этом нет¹⁷. Наиболее полным и максимально приближенным к интересующему нас региону является «Хожение иеромонаха Зосимы», датированное 1419 годом. Отправившись к святым местам из Москвы вместе с купцами, Зосима довольно подробно описывает свое полное опасностей путешествие, отмечая даже расстояние между пройденными пунктами. После полугодового пребывания в Киевской лавре иеромонах «с купцами и вельможами знатными» направился в город Брацлав на реке Буг. После недельной стоянки «пошли в поле татарское, которое называется Великий Дол, встретили большую реку под Митиревыми Кышынами, которая называется Днестр. Тут была переправа и пограничный рубеж волошский. С той стороны переправы волохи пошлины берут, а с этой – великий князь Витовт, потом между собой делятся. Оттуда идти до Белгорода (Белгород-Днестровский – Г. А.) три дня по волошской стороне»¹⁸.

Исследователь Л.Л. Полевой считал, что Зосима переправился через Днестр «в районе нынешних Бендер»¹⁹. В свою очередь, авторы примечаний к сборнику «Иностранные путешественники о румынских землях» полагают, что описываемое Зосимой место «вероятно, Ямполь напротив Сорок»²⁰. Версия Л.Л. Полевого предпочтительнее, так как историк, скорее всего, подразумевал высокий правый берег Днестра, где стояли «Митиревы Кышыны» и под ними русло реки, что соответствует описанию Бендерской местности, а также расчет расстояния от Бендер до Белгорода-Днестровского.

До сих пор ученые не определились с упомянутым в документе топонимом «Митиревы Кышыны». Научный редактор данной книги Н.Д. Руссев в беседе со мной предположил, что речь идет о зимовье татарского хана Дмитрия, известного по русским и литовским летописям.

Но где оно находилось до сих пор остается загадкой. Безусловно, упоминание Зосимы о Митиревых Кышынах крайне важно, и мы к нему обязательно вернемся. В любом случае, русский иеромонах не оставил нам каких-либо сведений о существовании города Тигина.

Из средневековых путевых заметок привлекают внимание записки «барварского оруженосца» Иоанна Шильтбергера. Возвращаясь в 1427 г. после своих злоключений в турецком плену, он описывает маршрут обратной поездки: Константинополь – Килия – Белгород (Днестровский – Г.А.) – Сучава – Львов²¹. На противоположном берегу Днестровского лимана – Аспар-Сарай. Но Тигина не упоминается.

Средневековый дипломат Гильберт де Ланнуа оставил воспоминания о своей поездке в Крым в 1421 году. Великий князь литовский Витольд снабдил его сопроводительными письмами, написанными по-русски, по-татарски и по-латыни, дал в охрану 16 человек русских и волохов и «татарского князя». Из Каменца-Подольского посольство направилось «по Малой Валахии через большие пустыни». Гильберту де Ланнуа было известно о смутах в Турции, вооруженных стычках между наследниками султанского престола, и он решает отправиться «сухим путем в Кафу (современная Феодосия в Крыму – Г.А.)». Путешественник-дипломат мог переправиться через Днестр в районе Тигины, но он достигает сначала Монкастро (Белгорода), а затем направляется степью в Крым²². Во всяком случае и в этом средневековом документе нет описания города на Днестре.

Возникает вполне естественный вопрос: а был ли торговый город Тигина, если не сохранилось документальных свидетельств о его существовании? Помимо «Хожений» русских купцов и паломников, мемуаров западноевропейских дипломатов и авантюристов, известен ряд карт и путеводителей XIV–XVI вв. Один из таких путеводителей сохранился в русских летописях под названием «Список русских городов дальних и ближних». Летописец указывает не только русские, но и болгарские, волошские, польские города. Академик М.Н.Тихомиров, первым подвергший научному анализу «Список...», подчеркнул его большую достоверность и определил время его составления концом XIV века. Нас, разумеется, в первую очередь интересуют «гради волоски»: «А по Дунаю ... Килия. А на устье Дуная Новое село, Акалякра. А на устье Днестра под морем Белгород. Черн. Ясский торг на Пруте реке. Романов торг на Молдове. Немечь в горах. Корочюнов камен (Пятра Нямц Г.А.)²³ Сочава. Баня. Чечунь. Коломыя. Городок на Черемоше. На Днестре Хотень»²⁴. Позже вокруг датировки «Списка...» в ученом мире разгорелась оживленная дискуссия. В одной из последних публикаций, посвященных этому вопросу, Е.П. Наумов предполагает включение «Списка городов...» в качестве дополнения к летописному своду 1409 г.²⁵ Существуют и другие версии датировки «Списка...», но их временная граница не опускается ниже 1390-х годов. Высокую оценку этому важному источнику дал румынский историк А. Андроник, подчеркнув, что это самое древнее упоминание о молдавских городах, причем данные «Списка...» подтверждаются археологическими изысканиями румынских ученых²⁶.

В достоверности документа сомневаться не приходится, но, как видим, Тигине в достаточно подробном списке городов места не нашлось.

Впервые в русских путеводителях и картах Тигина появляется в середине XVI века, то есть после занятия ее турками. В «Книге большому чертежу» описываются приднестровские города: «А на Нестре (Днестре Г.А.) город Нарока (Сороки – Г.А.), от устья 130 верст, а ниже Нароки 20 верст Устья (ныне село с одноименным названием – Г.А.), а ниже Устья 20 верст Орыга (Оргеев – Г.А.), а ниже Орыги 20 верст Тегиння»²⁷.

Примерно в это же время обозначение города *Tehynie* появляется на карте Г. Райхерсдорфа, напечатанной в 1550 году (см. приложение).

* * *

Средневековое прошлое приднестровского города связано со сложными и драматичными молдавско-турецкими и молдавско-татарскими взаимоотношениями, которые недостаточно изучены. Первые упоминания о таможенном пункте на Днестре появились на стыке исторических эпох в зоне влияния и стратегических интересов целого ряда государств: прежде всего молодого Молдавского княжества; доживающей свои последние десятилетия Золотой Орды; Польши и Литвы; а также зарождавшегося на обломках империи Чингисхана агрессивного Крымского ханства и укрепившейся на Балканах и полной захватнических замыслов Османской империи. Именно данная историко-географическая зона вызывает у историков значительный интерес и заметное расхождение в выводах.

Противоречивость фактов заставила многих исследователей осторожно обращаться к проблеме Тигины. К примеру, такой авторитет румынской исторической науки, как Н. Йорга, отрицал существование на Днестре молдавской каменной крепости. Такого же мнения придерживается и Ш. Чобану²⁸. Исследователь П.П. Бырня убежден, что город Тигина-Бендеры возник не ранее второй половины XVI – начала XVII веков²⁹. «Оборонительная система молдавского государства, – пишет он, – состояла не из укрепленных городов, а из девяти крепостей, шесть из которых располагались близ одноименных городских поселений: Белгород, Килия, Хотин, Сучава, Нямц и Роман. Остальные три крепости – Цецин (Чечунь), Хмелев и Сороки в это время (XV век – Г.А.), представляли собой деревянно-земляные сооружения чисто военно-оборонительного значения»³⁰.

Известный знаток средневековой Молдовы Л.Л. Полевой в своих историко-географических очерках описывает 29 молдавских городов, но пренебрежительно обходит вниманием Тигину³¹. Отсутствует она и в его же описании средневекового зодчества Молдовы³².

Осторожность в оценках упомянутых и ряда других ученых вполне оправданна. Появление города – это весьма важный и сложный процесс, обусловленный своими закономерностями. Многие румынские и молдавские историки уже определились в том выводе, что большинство молдавских горо-

дов возникало в результате слияния нескольких сел или разрастания одного села. Румынский историк М. Матей в своем исследовании, посвященном истории молдавских средневековых городов, подверг убедительной критике существовавшую теорию о возникновении румынских и молдавских городов лишь на торговых путях³³. Автор этого солидного исследования обратил также внимание, что на юго-востоке Молдовы в XIV–XVI вв. не появилось ни одного значительного города³⁴.

В XIV–XV вв. еще не возникло серьезных предпосылок для появления города на правом берегу Днестра. Говоря о слабой заселенности земель южной зоны между Прутом и Днестром, следует учесть, что в данном случае речь идет не о простой миграции населения, а о коренной перемене всего образа жизни, складывавшейся веками системе хозяйствования. Переселенцы из района лесистых Кодр должны были обосноваться в степной зоне Нижнего Поднестровья по соседству с многочисленными скотоводческими племенами³⁵.

С другой стороны, удобное расположение на важном торговом пути казалось, благоприятствовало возникновению города. Однако именно в районе Тигины столкнулись интересы нескольких государств и народов с различным социально-культурным потенциалом. Бескомпромиссная борьба между ними долгое время не способствовала возникновению здесь большого поселения, а тем более города.

Исследования многих ученых позволяют сделать вывод о том, что восточная граница Молдовы в начале XV века не проходила строго по Днестру. Нет сомнения в том, что к моменту своего образования 1359 г. «граница Молдавского государства еще не доходила до Днестра и проходила где-то у реки Прут»³⁶. Автор фундаментальной работы по ранней истории Молдовы румынский историк В. Спинея уверен поэтапном расширении Молдавского княжества и сохранении значительного влияния монголо-татар на южные территории Молдовы, что отразилось в последующем ее административном делении на «Тага Jos» и «Тага de Sus», то есть на «Нижнюю» и «Верхнюю»³⁷.

Видимо, еще значительное время степной юг Прутско-Днестровского междуречья оставался своеобразной буферной зоной между молдавскими владениями и татарскими кочевьями. Письменные и археологические источники не сохранили нам свидетельств о массовом освоении земель восточнее Прута, и край еще долгое время оставался слабо заселенным. Зато молдавские, русские и польские летописи сохранили многочисленные описания татарских набегов. «В лето 6947 (1439 г. – Г.А.) приидоша тагаре и планиша до Ботушани. И паки приидоша в лето 6948 (т.е. на следующий год – Г.А.) декабря 12 и пожегоша Васлуй и Брълад»³⁸, – сообщает автор Бистрицкой летописи. Набеги татар продолжались в течение всего периода существования Золотой Орды и ее наследника – Крымского ханства.

Но было бы в корне неверным ограничивать татарское влияние лишь набегами кочевников. «По сути, это были отношения двух разных миров с

абсолютно разными хозяйственными укладами, с контрастными природными условиями»³⁹. Такая характеристика В.Л. Егоровым отношений Древней Руси с ее южными соседями вполне применима и для отношений средневековой Молдовы с кочевниками. Татарские беги (беи) стремились вмешиваться в экономическую и политическую жизнь молодого Молдавского государства⁴⁰ и одновременно с этим ощущали на себе его определенное влияние. Особенно острой была борьба за торговые пути, контроль за которыми обещал большие прибыли.

Татарские беги не против были поживиться столь лакомым куском доходов и взимали свою соответствующую долю со сборщиков налогов. В связи с этим довольно любопытна господарская грамота с привилегиями львовским купцам от 29 июня 1456 года, где привлекает внимание следующий фрагмент: «... А тото мыто татарское, что было установлено у Белом городе, а мы тото мыто львовчанам отпустили, абы не давали ни пинязя (т.е. ни гроша – Г.А.), хоть от тысячном, хотя боуд (т.е. «будет» – Г.А.) там татарский царевич, хотя не боуд»⁴¹. Видимо, кто-то из татарских бегов или ханских сыновей ощутило тревожил белгородцев, приезжая время от времени за своей добычей.

Молдавские господа всегда были озабочены своим беспокойным восточным соседом. Правда, военные походы чередовались с периодами относительно мирного сосуществования. Многие представители татарской племенной знати приходили на службу к господарскому двору. В грамотах господарей XV–XVI вв. часто встречаются имена пыркэлабов и других сановников явно тюркского происхождения: Бучим – пыркэлаб нямецкий, а затем хотинский⁴²; Домонкуш – стольник⁴³; Карагюзял – пыркэлаб хотинский⁴⁴; Ризан – пыркэлаб хотинский⁴⁵; Чакыр-джелеп⁴⁶; Чорсан-кнез⁴⁷ и другие. Общеизвестен факт, что молдавский господарь Дмитрий Кантемир вел свою родословную от крымско-татарских мурз и сообщал о прибытии своего предка Федора Кантемира на службу к Стефану Великому, который жаловал ему два села в Фалчинском уезде⁴⁸. В наши дни ученые подвергли серьезной критике утверждение молдавского монарха о своем происхождении, однако, отметим само явление, характерное для всех стран, граничащих с ордынскими кочевьями, когда для подтверждения знатности рода местная знать обращалась к татарским корням.

Следует признать, что широкому читателю еще мало известна и история наших средневековых степей. Кочевники, как правило, представляются ему дикой однообразной массой, хотя племена порой значительно отличались друг от друга и по языку, и по своему этногенезу, и по обычаям, традициям. Кочевавшие в Нижнем Поднестровье в течение ряда столетий тюркские племена, безусловно оказали свое влияние на развитие юго-восточной Молдовы.

Итак, обратимся непосредственно к приднестровскому региону и стараемся разобраться, какова роль кочевников в его истории. Еще с IX столетия⁴⁹ степные воины облюбовали удобную переправу через Днестр, чему безмолвным свидетельством являются многочисленные курганы-могильники по обоим берегам Днестра. Начиная с устья реки, это была, пожалуй, первая наиболее удобная переправа. Широкий Днестровский лиман не способствовал переправе кочевников в районе Белгорода или Маяк. К северу от них мешали заросли и болотистая местность притоков Днестра. В районе же Бендер река несколько раз изгибается причудливым образом, образуя своеобразный выступ, напоминающий подкову. Уже на первом повороте крутой правый берег становится пологим, на втором повороте река замедляет свое течение. Именно это место издавна стало служить переправой для многочисленных кочевых племен, проносившихся по причерноморским степям и ведших между собой многочисленные войны за пастбища и удобные переправы.

В XI веке на берегах Днестра появляются половцы, которые подчинили себе кочевавшие здесь до них племена печенегов и торков-огузов⁵⁰. В западноевропейской исторической литературе половцев называли куманами, в восточной – кыпчаками. Арабские и персидские путешественники, а впоследствии и турецкие хронисты стали называть обширные степи от Прута до Урала «Дешт-и-Кыпчак». У половцев-кыпчаков появляется своя государственность, кочевья все чаще приобретают локальный характер. Часть кочевников остается в стойбищах не только зимой, но и летом, обрабатывая вокруг своих стоянок поля. Богатые кочевники стремились отделиться от своих соплеменников укреплениями – своеобразными феодальными замками⁵¹. Они назывались кешками и представляли собой глинобитные сооружения с башнями. Подобные замки-кёшки кочевой аристократии описываются в основном в Средней Азии. Однако упоминание Константином Багряно родным (X век) «крепостей» по Днестру Аспрон, Тунгата, Кракнаката и других⁵² позволяет предположить существование таких сооружений и в Северном Причерноморье. Конечно, вряд ли стоит торопиться вслед за П. Крушеваном отождествлять Тунгату с Тигиной⁵³, тем более, что существует версия, будто византийский император Константин «перепутал» Днестр с Днепром⁵⁴. Однако мы можем предположить, что Константин Багрянородный назвал крепостями замки печенежской знати. Позже укрепленные глинобитные замки, обнесенные рвами, появляются на зимних стоянках золото ордынского периода⁵⁵. Вполне вероятно, что подобное сооружение могло стоять и на месте или недалеко от нынешней каменной крепости.

Большие изменения происходят в причерноморских степях с приходом монголо-татарских завоевателей. Упоминания о половецкой кочевой аристократии, так хорошо известной по русским летописям и шедшей даже

вдоль Днестра «на Дунай воевать»⁵⁶, исчезают из письменных источников. Отсутствуют и погребения кочевой знати в захоронениях XIII и последующих столетий⁵⁷. Понадобилось определенное время, чтобы кыпчакская племенная знать возродила свое могущество, смирившись с верховенством потомков Чингисхана.

Одной из областей концентрации кочевых племен стало Нижнее Поднестровье, где находился улус «возмутителя спокойствия» в Золотой Орде темника Ногая (погиб в 1300 г.). Обратимся за помощью к археологам. В конце XIX – начале XX вв. на левом берегу Днестра в непосредственной близости от Бендер археологами-любителями супругами И.Я. и Л.С. Стемпковскими было раскопано и описано более 400 курганов-могильников. Из них 130 в одних только Парканах⁵⁹. Однако ни сами исследователи, ни их покровитель и помощник, директор Херсонского археологического музея В.И. Гошкевич не могли в свое время по достоинству оценить важность этих уникальных находок. Лишь в беспокойные 1930-е годы вышла статья В.И. Гошкевича с описанием найденных в районе Тирасполя монет. Найденные и описанные супругами Стемпковскими и В.И. Гошкевичем захоронения и монеты позволили археологам и историкам сделать несколько очень важных открытий. Наличие в ряде могильников монет золотоордынских ханов Токты (Токтогу, годы правления – 1291–1313)⁶⁰, Узбека (1313–1342)⁶¹, причем в ареале не более 30 км, свидетельствовало о резком увеличении числа кочевников в районе Бендер в начале XIV века⁶².

В 1986 году одесский археолог А.О. Добролюбский, работая в архиве Ленинградского отделения института археологии АН СССР, обратился к оригиналам дневников раскопок супругов Стемпковских и сделал действительно сенсационное открытие. Он обнаружил описание и рисунки семи могил захоронения воинов с отдельными ямами для лошадей. Во всех случаях всадники были захоронены в дорогах шелковых красных, расширенных золотыми драконами, халатах китайского производства. «Это и есть та самая родовая кочевая знать, перешедшая со своими родами и улусами на службу победившему Ногаю хану Тохте и осуществлявшая контроль на западных рубежах огромного золотоордынского государства на торговом пути, связывавшем основные поволжские центры орды со странами Юго-Восточной Европы»⁶³. А.О. Добролюбский особенно акцентирует внимание на социальном положении погребенных. Чрезвычайно дорогие китайские халаты, конечно, были предметами кочевой роскоши и могли принадлежать наиболее богатой аристократической верхушке⁶⁴.

Разумеется, обнаруженные захоронения татарской родовой знати являются лишь небольшой частью дошедших до нас кочевых погребений. Охота за сокровищами была довольно распространенным промыслом еще в средние века. Чаще всего, к сожалению для ученых, археологи не являются первооткрывателями захоронений.

После смерти хана Джанибека (1342–1357) в Золотой Орде наступает длительный период междоусобных войн. Кочевая знать дальних западных

улусов фактически продолжает политику Ногая по превращению Нижнего Поднестровья во второй, после Волжско-Донского, военно-политический центр монголо-татарского государства и даже чеканит собственную монету в Старом Орхее⁶⁵. Однако междоусобица ослабляет силы кочевников. Литовский князь Ольгерд Гедиминович (1345–1377) в битве на р. Синие Воды (река Синюха, приток Буга) в 1362 году (согласно другим документам – в 1363) наносит сокрушительное поражение трем татарским беям (бегам) Кутлабуге, Хаджибею и Димитрию. Возможно, местная топонимика сохранила имена летописных персонажей: Катлабух – озеро в низовьях Дуная. Хаджибей стоял на месте нынешней Одессы. Правда, источники второй половины XIV века (русские летописи, польские хроники, летописание Рашид ад-Дина) дают нам несколько Кутлабуг и Хаджибеев, и к этимологии указанных топонимов следует подходить весьма осмотрительно. Венгерские хроники упоминают о «землях князя Дмитрея». В. Спинеи считает, что улус Дмитрея следует искать между северной Добруджей и южной Молдовой⁶⁶.

Однако попробуем локализовать поиски зимовья татарского князя с таким нетатарским именем (может это искаженное «Тимур» и производные от него «Темир», «Руктимир», «Уруктимур»?) и вспомним об упоминавшихся иеромонахе Зосимой «Митиревых Кышынах. Учитывая часто встречающиеся искажения топонимов и антропонимов, особенно тюркских, мы вполне можем предположить тождественность Митиревых Кышын и «Дмитриевых Кышын». И вероятнее всего, они находились в районе нынешних Бендер.

Займемся некоторыми расчетами. Итак, Зосима сообщает, что шел до Митиревых Кышын со своими спутниками от Брацлава на Буге (ныне г. Брацлавль) пятьдесят итальянских миль, «а миля до пяти верст»⁶⁷. В начале XV столетия только началось употребление русской путевой меры «верста» (в первых упоминаниях – «поприще») и часто длина верст в различных источниках была разной. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона поясняет нам, что старая верста XV века «равнялась 656 нынешним сажням»⁶⁸ (1 сажень равна 2,13 м). Небольшой арифметический расчет расстояния от Брацлава до Митиревых Кышын дает нам число в 350 километров. Первая версия (Ямполь), выдвинутая румынскими историками, видимо, отпадает, так как до него от современного Брацлавля всего лишь около 130 км. Зато вычисленное расстояние определенно вписывается в маршрут Брацлавль-Бендеры. Кроме того, вспомним еще одно конкретное указание Зосимы о том, что от Митиревых Кышын до Белгорода – три дня пути. Срок вполне приемлемый для тех, кто отправлялся из Бендер и не очень реальный для тех, кто шел из Ямполья или Сорок.

Вокруг толкования топонимов «Кышына», «Кешенев», «Кишинев» между учеными разгорелись серьезные дискуссии. Одна из наиболее распространенных версий – со значением старомолдавского слова «родник», «источник»⁶⁹. Думается, все же правы те специалисты, которые видят в этом топониме тюркское начало. Топонимы «Кышыны», «Кишинев» в Молдове (Акбашев

кешенев, Червленный кишинев, Великий кешенев) встречаются прежде всего в районах бывших татарских кочевий. Но вряд ли можно согласиться с В.Г. Фоменко, считающим, что слово «кишеня» означает лишь «надгробный памятник», «место погребения»⁷⁰. Действительно, многие татарские кладбища остались единственными свидетелями бывших поселений. Но такое узкое понимание термина затруднит нам поиски.

Вероятно, «кышына» – это один из вариантов термина «кошун», обозначающий вотчину (зимовье) татарского князя или мурзы. Этот термин появился в персидских источниках в конце XIV века⁷¹. «Кышыны» прослеживаются не только в Молдове, но и на Украине (населенные пункты Кишин, Кищенцы, Кищина слобода)⁷².

Возникает вопрос о связи Митиревых Кышын с Тягянкечу. Зосима сообщает о первых в 1419 году, то есть уже после имевшегося первого упоминания Тягянкечу в 1408 г. Если даже предположить тождественность Митиревых Кышын и Тягянкечу, то все равно нельзя говорить о каком-то противоречии. Топонимы всегда отличались своей живучестью, и русский иеромонах вполне мог пользоваться информацией своих предшественников. К примеру, того же высокопоставленного церковного сановника Пимена, побывавшего в Царьграде в 1389 году. Да и сам Зосима не первый раз направлялся туда. Известно, например, о его пребывании в Царьграде еще в 1411 году в числе лиц, сопровождавших дочь великого князя Московского Василия Дмитриевича⁷³. Впоследствии Митирева Кышына могла стать «Тегининой Кышыной», то есть уже известным нам Тягянкечу-Тегинекечу.

Из исторических персонажей на роль «хозяина» Митиревых Кышын кроме князя Дмитрея может претендовать и Руктимир – глава татарского рода Ширинских, муж сестры золотоордынского хана Тохтамыша, если предположить, что «Митирь» – это искаженное имя татарского бея. Возможно, Руктимир и Дмитрий – одно и то же лицо.

Для подтверждения этой, на первый взгляд, маловероятной версии продолжим наблюдения за теми изменениями, которые происходили на берегах Днестра во второй половине XIV века. Поражение трех татарских князей на Синих водах в 1362 (или 1363) году, а затем жестокое поражение Мамай на Куликовом поле в 1380 г., несомненно, ослабили позиции кочевой знати Нижнего Поднестровья. В упорной борьбе с золотоордынскими ханами началось формирование молодого Молдавского княжества. Отдельные письменные источники сообщают, что после насильственной смерти литовского князя Юрия Кориартовича в Пруто-Днестровских степях утвердился некий Костя-воевода. П.Ф. Параска считает, что в 1386–1387 гг. эти земли вошли в состав Молдавского княжества⁷⁴.

На мой взгляд, историк несколько упрощает сложнейшую военно-политическую ситуацию, возникшую в конце XIV в. на юго-востоке Молдовы. Владения переходили из рук в руки, и молдавские господа чувствовали

себя в низовьях Днестра довольно неуютно. Скорее это можно назвать «заявкой» молодого государственного образования на новую территорию, нежели обладание ею. Жестокие поражения кочевников во второй половине XIV в. еще не означали их ухода из причерноморских степей и Восточной Европы в целом. Напомню, что вслед за Куликовской битвой последовало сожжение Москвы в 1382 г., и монголо-татарское господство на Руси продолжалось еще около ста лет. А после поражения на Синих водах кочевники Северного Причерноморья не раз совершали свои набеги вплоть до берегов Балтики.

В 1380 г., воспользовавшись поражением темника Мамай на Куликовом поле, в Золотой Орде на ханском престоле воцарился Тохтамыш, который развернул активную политику по возрождению былого могущества кочевой империи. Особое внимание он уделил своим дальним западным улусам. Он посылает Кутлу-Буга в Литву к великому князю Ягайло с известием о своем восшествии на престол⁷⁵. Тохтамыш требовал от сопредельных с Ордой государств признания прежних ханских владений. В ярлыке польскому королю в 1393 г. он требовал, чтобы тот «давал выход Белой Орде»: «То нам наше дайте, а что вашей державы под нами, а мы за то не стоим вам. Ищите своего, а мы вам дамо». Особо Тохтамыша волновало восстановление торговых связей, приносящих ханской казне немалый доход. «А ище что было меж нас, – говорилось далее в послании, – как издавна гостям (купцам – Г.А.) путь чист. И вашим и нашим торговцем. Без приим, без пакости»⁷⁶.

Однако кочевая знать дальних улусов уже не была заинтересована в укреплении власти золотоордынских ханов. Многие татарские беи переметнулись в лагерь всесильного Тимура (Тамерлана). Ему Тохтамыш в свое время был обязан своим возвышением и с ним же вступил в непримиримую борьбу.

В упоминавшемся ярлыке польскому королю 1393 г. Тохтамыш перечисляет своих неблагодарных «головних слуг», которые перебежали на службу к «Аксак-Темиру – Железная нога» (кстати любопытная подробность о хромом Тамерлане). Среди перечисленных «предателей» нас привлекает князь Тегин (в документе – «Тикня»). Это первое упоминание о Тегин-бее, сыне Руктимура (Руктимира) и внуке Тохтамыша по материнской линии. В родословной князей Ширинских записано, что глава рода Руктимир-бей всегда находился при золотоордынском хане. Тохтамыш выдал за Руктимир-бея свою родную сестру Джанаки, «от которой он, Руктимир-бей, имел сына **Тегин-бея** (выделено мной – Г.А.)⁷⁷».

Впоследствии татарский князь Тегин несколько раз встречается нам в русских летописях. В декабре 1408 г. он перечисляется среди татарских князей, пришедших вместе с темником Едигеем (фактическим главой Золотой Орды начала XV в.) «ратью на Русскую землю»⁷⁸. В 1420-е годы Тегин-бей стал уже главой татарского рода Ширин. Татарский род Ширин («Ширин» по В. Радлову – «прекрасный»), в русском написании Ширинских, являлся

одним из влиятельнейших родов в наиболее поздний период существования Золотой Орды и самым влиятельным в появившемся не без их активного участия Крымском ханстве. Ширинские имели свое войско, свои владения, свою «столицу» (г. Старый Крым или Эски-Крым) и даже иногда, минуя крымского хана, пытались вступать в непосредственные дипломатические отношения с соседними государствами⁷⁹. Турецкие султаны и русские цари искали дружбы с могущественными Ширинскими бейами (бегами). На государственных собраниях голос Ширинского бейа имел наибольший вес, и его воля имела обычно большее значение, чем воля самого хана⁸⁰. Вероятнее всего, Ширинские принадлежали к одному из огузских племен, и их симпатии к Едигею из племени мангитов не случайны. Несколько позже мы еще вернемся к их этнической принадлежности.

Ширинские бейа ворвались в Крым в середине XIV века, придя туда с берегов Волги, где имели обширные владения. Их зимовья были рассеяны по нескольким татарским ханствам, но основной резиденцией стал Крым⁸¹. Есть серьезные основания полагать, что бедным из дальних зимовий Ширинских беев во второй половине XIV века стал район нынешних Бендер. Помимо личности Тегин-бейа, к такому выводу нас подталкивают воспоминания турецкого летописца Ибрахима Печеви.

Будучи на службе у одного из бейлербеев (турецких наместников), он посещал наши края в 1618 году и описал средневековое родовое татарское кладбище на левом берегу Днестра. Особое внимание летописца привлекли остатки некогда пышного захоронения одного из видных татарских сановников: «Мне, многоничтожному бедняку, случилось отправиться в сторону Аккермана (Белгорода-Днестровского – Г.А.) к Бендера. Как раз супротив Бендера находились развалины одного высоко-сводного здания, именно входная часть его. На ней были четким почерком написаны слова: «Сия могила Ширин...», – остальное же уничтожилось»⁸².

И.Печеви приписывает разорение могил воинам Тимура, что, впрочем, маловероятно и справедливо подвергается сомнению историком XIX века В.Д. Смирновым⁸³, потрясающим знатоком турецко-татарского средневековья. Ученый полагает, что разорение родового кладбища произошло позже. Конечно, если бы турецкому летописцу удалось прочесть всю надпись, это существенно облегчило бы наши поиски.

Однако в дальнейшем мы еще не раз будем ощущать присутствие Ширинских беев на берегах Днестра. Их могущество в Крыму и далее на запад росло стремительно.

Всесильный Тегин-бей сыграл главную роль в возвышении Хаджи-Гирея, родоначальника династии крымских ханов⁸⁴. Он же способствовал восшествию на золотоордынский престол Улу-Мухаммеда, а в 1428 г. вмешался в спор двух русских князей Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича за великокняжеский престол и выступил на стороне последнего⁸⁵.

На случай войны уже к концу XV века Ширинские могли выставить до 20000 всадников. Турецкий султан Мехмед II, готовясь к военной экспедиции в Молдавское государство пригласил бея Эминека, внука Тегин-бея, присоединиться к нему со своей армией⁸⁶. Играя ведущую роль в Крымском ханстве, Ширинские беи стремились взять под свой контроль главнейшие переправы через Днепр, Днестр, Буг и другие причерноморские реки, наилучшие пастбища. Где именно устраивали свои зимовья многочисленные отпрыски клана Ширинских, трудно определить. Достоверно известны лишь их владения в Крыму с резиденцией в Эски-Крыме, где глава рода содержал многочисленный придворный штат и управленческий аппарат, в который входили калга-султан, каймакан, муфтий, нуреддин и кадиаскер⁸⁷. Турецкие летописцы сообщают об участии в последнем турецком завоевательном походе в пределы Молдовы в 1538 г. крымско-татарских войск. Среди прочих беев упоминается и «бейлербей» (то есть «главный бей») вилайета Ширин⁸⁸.

Связан ли как-то Тегин-бей с Тигиной? Случайно ли совпадение во времени первых упоминаний о приднестровском городе (а точнее, таможенном пункте) с годами жизни этого Ширинского бея? Но отвлечемся на время от последовательного исторического повествования...

* * *

Тюркские племена дали названия целому ряду поселений нынешней Молдовы, в первую очередь ее южной части. Ученые-тюркологи пришли к выводу, что название многих современных болгарских и гагаузских сел представляют собой отчасти идентичные, отчасти искаженные наименования кыпчакских родов и племен⁸⁹. Как же в подобное утверждение вписывается Тигина? Следуя логике Н.А. Баскакова можно связать этот топоним с огузским племенем текинцев, близким к ясам (аланам)⁹⁰ и онгутам, мангутам. «Чингис-хан присоединил племя тикин к племени онгут, и они с тех пор совместно кочевали»⁹¹, – сообщает нам Рашид ад-Дин. Известно, что основная часть текинцев осела в Средней Азии, и у нас нет свидетельств их кочевания в Северном Причерноморье. Но и полностью отбрасывать эту версию нельзя.

Хочу пригласить читателя в увлекательное путешествие в смежную с исторической наукой топонимику, то есть науку о географических названиях. Ученые давно пришли к единодушному мнению, что названия населенных пунктов всегда историчны и возникают не случайно. Как правило, они свидетельствуют о происхождении городов у мест переправы, маршрутах торговых путей, первоначальном занятии населения и т.д. Часто географические названия рассказывают о принадлежности населенного пункта кому-либо или о существовании городов-крепостей. В свою очередь неправильное толкование топонимов приводит к серьезным ошибкам, искаженным представлениям о прошлом данной местности и далеким от науки всякого рода домыслам.

О происхождении топонима «Тигина» в XIX веке существовало несколько версий. Отдельные краеведы, беря за основу одно из написаний города как «Тягинь», считали, что название берет начало от славянского «тянуть». Понималось место переправы, где перетягивали лодки с грузом с одного берега на другой. Авторы «Летописи бендерских церквей» были убеждены в итальянском происхождении Тигины, предполагая, что это «испорченное латинское слово *te Hennae* (тебе Генуя)»⁹². В дальнейшем все же исследователи пришли к выводу о тюркском происхождении названия города, переводя его значение как «корыто», «чашка», «сковорода»⁹³, что выражало, по их мнению, своеобразие местности, крутой изгиб Днестра. Сложнее оказалось с первоначальными упоминаниями «Тягнякечу», «Тигинекячу». Шт.Чобану предположил, что выражение «кичу», «кечу», «кячу» есть не что иное как старославянское «кяща», то есть «дом», «шатер», «шалаш», «поселение», «село»⁹⁴. Хотя слово «кяща» (у болгар «къща») вне сомнения имеет тюркские корни.

Молдавский исследователь-тюрколог И. Дрон посвятил этимологии Тигины несколько статей. Он трактует ее древнее первоначальное название «Тигинекечоу/Тягнякечю» как «переправа у Тигины»⁹⁵. Действительно, подобная версия ближе других к истине, однако настораживает дальнейшая трансформация названия города, а точнее, местности. Топонимы, берущие свое начало от слов «корыто», «котел», «сковорода» сохранили свое тяготение к первоначальному «тиган», «таган». Это часто приводимые специалистами в качестве примера район Таганка в Москве, город Таганрог. Эти примеры можно дополнить упоминаниями о средневековых причерноморских крепостях Таган из сочинений Э. Челеби⁹⁶ и других восточных источников, селом Таганча на Украине, деревнями Большие и Малые Тиганы в Татарии и т.д.

Неужели топоним «Тигина» больше видоизменился, чем его остальные тезки? Шт. Чобану собрал все варианты названия Тигины, имеющиеся в различных документах XVI–XVII вв.: Тегин, Тигинь, Тигиня. В более поздних русских и украинских источниках: Тегинь, Тягинь и Тягиня. В польских и латинских актах: *Tehinia*, *Tehyna*, *Teghinea*, *Tehin*, *Thehinia*, *Tehyn* и *Tekin*⁹⁷. Правда, ученый не разделил упоминаний «Тягина на Днестре» и «Тягина на Днестре», что в данном случае весьма существенно.

Со значительной долей уверенности можно говорить о правдоподобности и другого варианта толкования топонима Тигина. Тот же самый словарь В.В. Радлова, на который, как правило, ссылаются специалисты, истолковывает слово «тегин», «тэггин», как «принц», «князь», «высшее достоинство», «самый почетный»⁹⁸. На мой взгляд, этот термин имеет самое прямое отношение к нашему вопросу, претендуя на историческое обоснование.

Впервые термин «тегин» встречается в далекой от нас Туве в нашумевших в свое время орхонских находках – могильных каменных плитах с надписями на месте захоронения Кюль-тегина, датированных VIII веком и

связанных с историей тюркского каганата. Китайские летописи сохранили подробное повествование о посылке императорских послов на пышные похороны знатного тюрка. Император приказал высечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую Кюль-тегина⁹⁰. Известные тюркологи В.В. Бартольд и Л.Н. Гумилев поясняют, что «тегин» – это не имя, а титул, причем самый высший после ханского¹⁰⁰. О том, что этот термин использовался у огузских племен, мы узнаем у уже упоминавшегося Рашид ад-Дина: «Во время Чингисхана предводителем и эмиром онгутов был некий человек, которого называли Алакуш-тегин-кури. Алакуш является именем, а тегин-кури прозвищем»¹⁰¹, – уточняет летописец.

В китайских летописях мы находим еще более ранние упоминания «тегинов». Известно, например, что одним из уделов каганата в VI веке владел Тегин-шад¹⁰².

Вместе с тюркскими племенами огузов термин «теган» «перекочевывает» из предгорий Алтая в Среднюю Азию. Документальные источники упоминают десятки имен принцев (князей)-тегинов. Они проявляют чудеса храбрости на полях сражений и участвуют в дворцовых интригах, завоевывают новые места для кочевий и в отчаянной борьбе теряют старые. Эволюция кочевого общества приводит к тому, что здесь появляются долговременные стоянки кочевников. Лучшие земли получали тегины, как лица, наиболее приближенные к ханам. Арабские хронисты и географы упоминают населенные пункты Каратегин¹⁰³, Чуртегин¹⁰⁴, Бератегин¹⁰⁵, Паратегин¹⁰⁶. Пятью торговыми селениями в нижнем течении Аму-Дарьи владел Бег-тегин¹⁰⁷.

Вглядимся в карту средневековой Средней Азии. По соседству с несколькими Тегинами расположился город Яссы (ныне город Туркестан в южном Казахстане), ставший в конце XIV в. ареной борьбы между золотоордынским ханом Тохтамышем и могущественным Тимуром¹⁰⁸. Неподалеку, по дороге в Китай, находился город Хотан¹⁰⁹. Не правда ли, невольно напрашиваются ассоциации с картой Молдавского государства: Тигина, Яссы, Хотин? Конечно, при выяснении этимологии каждого из топонимов необходимы отдельные исследования и к аналогиям следует прибегать предельно осторожно. Относительно ее известно, что уже в X веке родственные текинцам племена ясов (аланов) кочевали в причерноморских степях. Знаменитый русский князь-полководец Святослав в 965 году победил не только хазар, но и ясов и косогов¹¹⁰. С их именем ученые связывают название появившегося XIV в. Молдавского поселения, называвшегося поначалу «Ясский торг»¹¹¹ – будущая столица молдавского княжества.

После Средней Азии ближе к нам топоним «Тегин» встречается гораздо реже: Тягинка в Херсонской области, р. Тегень, станицы Тенгинка и Тенгинская на Кубани, вероятно, Тягун Винницкой области. Причины этого явления связаны прежде всего с монголо-татарским завоеванием, когда вместо огузско-кыпчакской терминологии при обозначении кочевой знати стала преобладать новая. На смену «тегинам» пришли «огланы» и «нойоны»,

«беги» и «даруги»¹¹². Кыпчакские племена сохранили этот термин в основном в именах: кроме упоминавшегося Тегин-бея в документах о Крымском ханстве встречается его дальний потомок Тегинкаш (середина XVII в.). Среди исторических персонажей известен легендарный «якутский царь» Тыгын (ум. 1632). Вероятно, слово «тегин» еще долго сохранялось в языке огузов.

Помимо хронологического совпадения первых упоминаний о Тигине и годов жизни Тегин-бея (умер около 1456 г.¹¹³), примечательным является совпадение вариантов названий Тигины с написаниями в различных источниках имени Тегин-бея: «Ширин-Тягиня», «Тегиня»¹¹⁴ «Тэгэнэ-мурза»¹¹⁵, «Tekin»¹¹⁶, «Тегинь»¹¹⁷. И, наконец, вспомним полустертую надпись, прочитанную турецким летописцем под Бендерами.

* * *

Итак, со значительной долей вероятности можно предполагать существование построенного в XIV веке родового татарского замка в районе нынешней крепости, одного из зимовий Ширинских беев. Замок – кёцк – вероятно, был обнесен рвом, который был обнаружен при раскопках археологом И. Хынку и датирован XV веком¹¹⁸.

Ранние упоминания таможенного пункта как «Тягянкечу» или «Тегенекячу» лишний раз свидетельствуют о его тюркском происхождении. В.В. Радлов дает нам широкий выбор для толкования слов «каш», «каша», «кош», «кошун», «кеч», «кечин», «кечу», «кеча», соответственно объясняя их как «возвышение, высокий берег, сторожа, рубеж»; «забор из прутьев, баня»; «ставка, лагерь, войско»; «армия, войско»; «зимовье»; «брод, переправа»; «стойбище»; «караул»; «кочевье»¹¹⁹. Любопытно, что наряду с известным казацким «кош» («военный лагерь», «стоянка») долгое время в украинском языке употреблялось слово «киш»¹²⁰. Думаю, было бы несправедливым ограничиваться объяснением топонима лишь как «брод при Тигине».

Мы имеем вполне весомые основания предполагать происхождение названия «Тягянкечу/Тегенекячу» и как «замок Тегина», «ставка Тегина» или «зимовье Тегина», понимая в данном случае «Тегин» как «принц», «князь» или непосредственно увязывая его с конкретным историческим персонажем Ширин-Тегиним. Примечательно параллельное развитие, наряду с днестровской, еще одной Тигины (Тягина) на Днестре (ныне с. Тягинка Херсонской обл.), также издавна выбранной кочевниками для переправы и зимовок. Вблизи современной Тягинки археологами обнаружены следы поселений эпохи бронзы и скифского времени, найдены пять статуй кочевников XI–XIII вв., исследованы остатки крепости и могильник XV–XVI вв.¹²¹. Недалеко от этого поселения один из порогов на Днестре получил название «Тегинина забора», причем часто встречается пояснение «или Княгинина»¹²², то есть уже местный перевод татарского топонима. Недалеко от Тегининой (Княгининой) заборы на Днестре находится Княгинин остров.

Труднопроизносимое название таможенного пункта на Днестре первых десятилетий XV века сменилось на более легкое «Тигина» к середине XV

века. Последний раз мы встречаем громоздкое «Тигинеячу» в грамоте господаря Петра Арона от 29 июня 1456 г.

* * *

Однако появление топонима «Тигина» еще не означало появление города на правом берегу Днестра. Прежде всего так назывался таможенный пункт и, вероятно, близлежащая местность. Выше я уже упоминал об отсутствии названия Тигина во владельческих грамотах. Лишь в одной из копий грамоты, датированной 5 апреля 1453 года и обнаруженной в 1798 г., упоминается «Кристя-пыркэлаб Тигины», однако документ признан специалистами плохо сфабрикованной фальшивкой¹²³.

Отсутствует упоминание Тигины и в славяно-молдавских летописях, написанных в XV – начале XVI века. Наиболее ранняя летопись, где сообщается о «молдавском замке Тигина», захваченном турками¹²⁴, написана во второй половине XVI века. Этот и некоторые последующие молдавские документы XVI–XVIII веков носили ярко выраженный политический характер: стремление доказать исконную принадлежность Молдове поднестровской территории, в данном случае Тигины и ее окрестностей. Подобные споры известны издревле. Встречаются они между государствами и сейчас. в нашем цивилизованном мире, стоящем на пороге третьего тысячелетия. Поэтому неудивительно, что труды некоторых молдавских летописцев и первых отечественных историков были «запрограммированы» на ошибку в случае с Тигиной. Печально другое: когда отдельные современные ученые принимают утверждения своих предшественников за аксиому, не подвергая критическому анализу их положения и описания тех или иных событий. Подобная цепь заблуждений порой приводит к тупиковым ситуациям, которые часто возникают при изучении раннего периода истории Молдовы.

Рассмотрим более поздние молдавские летописи XVII–XVIII вв. Григорий Уреке (1590–1647), хотя и начинает свое повествование с 1359 г., впервые упоминает о Тигине только в 1574 г. в связи с борьбой Иона Лютого с османами¹²⁵. Ион Некулче (1672–1745) предваряет свою летопись, начинающуюся с 1662 г., большим экскурсом в молдавскую историю времен Штефана Великого («О самэ де кувинте»), однако о Тигине того периода никаких сведений мы у него не находим¹²⁶.

Накопившееся за последние десятилетия большое число новых опубликованных документальных источников, исторических и топографических исследований ученых Молдовы, Румынии, России, Украины и других стран, данных археологических изысканий обогащают представление о средневековом прошлом нашего края.

Но несмотря на это, уже давно назрела острая необходимость серьезных археологических раскопок в самой Бендерской крепости, которые во многом помогут снять многие накопившиеся у историков вопросы и снизить накал научных дискуссий относительно Тигины.

ПРЕДЫСТОРИЯ БЕНДЕРСКОЙ КРЕПОСТИ

Убежденный в существовании татарского зимовья на месте или рядом с современной крепостью, все же допускаю определенную гипотетичность некоторых рассуждений. Нельзя со стопроцентной уверенностью настаивать на существовании в XIV–XV веках татарского родового замка-кёшка. Построенный на глинобитной основе, а затем, вероятно, разрушенный строителями каменной крепости или сожженный молдавскими или польскими отрядами, он превратился в прах и фактически не оставил после себя никаких следов. Много ли осталось от более поздних многочисленных татарских деревень, расположенных южнее Бендер и описанных путешественниками XVI–XVIII веков, от колоритных ханских построек в Каушанах – столице Буджакского ханства?

Изменение характера татарских жилищ, появление родовых замков знати свидетельствовали о новом витке кочевой цивилизации: частичной оседлости и создании долговременных стойбищ-стоянок¹.

Политическая история Нижнего Поднепровья в конце XIV – начале XVI столетия изобилует войнами, карательными походами, стремительными набегами татарской конницы. Методично усиливается влияние турецкой Османской империи. Турция и Польша все активнее вмешиваются в противоборство Молдавского княжества и кочевников. Сложная и во многом противоречивая обстановка в Тигине представлена в источниках фрагментарно, но все же постараемся проследить за событиями, предшествовавшими строительству крепости.

К концу XIV века передовые рубежи Молдавского государства выдвинулись к берегам Днестра. О том, насколько были сильны позиции молдавских господарей в Тигине и ее окрестностях, источники представляют нам скудные и противоречивые сведения. Татары охотно уступали заботу об устройстве таможенных пунктов соседним государствам, требуя от них регулярной выплаты доли доходов. Однако они по-прежнему считали эти земли зоной своих кочевий и улусов. Сведения о подобной практике встречаются в описаниях путешественников польско-татарских и русско-татарских рубежей конца XIV и всего XV столетий².

Своей активной политикой в западных улусах золотоордынский хан Тохтамыш фактически заложил основы нового кочевого государства: Крымского ханства. Татарские беи все увереннее чувствовали себя на берегах Днестра. Итальянец Э. Пикколomini, составивший в середине XV века по приказу римского папы Пия II свою «Космографию», сообщает о присутствии по Днестру кочевых народов, «которых сегодня называем татарами»³.

Первые контакты Тохтамыша с Польшей и Литвой, часто за спиной молдавских господарей, были продолжены первыми крымскими ханами.

Именно к польскому королю Сигизмунду в 1434 г. бежал будущий основатель крымской династии хан Хаджи-Гирей, боясь расправы соперников⁴.

Кочевая знать западных улусов без оглядки на золотоордынских ханов проявляет заметную активность в контактах с сопредельными странами. В 1402 г. татары, пройдя через Молдову, поспешили на помощь турецкому султану Баязиду и участвовали в трагической для него схватке с могущественным Тамерланом⁵. А в 1431 г. кочевники помогли господарю Молдовы Александру чел Бун в его войне с Польшей⁶.

До сих пор мы не располагаем письменными свидетельствами о масштабах миграции молдавского населения к берегам Днестра. Безусловно, в ходе становления государства у молдавских господарей появлялось все больше причин претендовать на эти территории. Однако целый ряд обстоятельств: сопротивление кочевников, активизация Турции на южных рубежах Молдавского княжества, двойственная политика Польши, почти непрекращающееся соперничество с Валахией и внутривосточная борьба с собственным боярством – мешали молдавским господарям в полной мере осуществить свои замыслы.

Предположение о совместном (в течение непродолжительного времени) молдавско-татарском контроле в Тигине отчасти подтверждается грамотой господаря Александра II от 24 февраля 1452 г., данной монахам Бистрицкого монастыря о владениях приднестровскими озерами: «...А кто будет от нас держать (владеть – Г.А.) Тегине ни оны (другой – Г.А.) никто да се не умешает у tych озеры»⁷. Видимо, речь идет о гарантиях Александра-воеводы монахам о неприкосновенности озер только со своей стороны.

История молдавско-турецких и татарско-турецких отношений в XV веке до сих пор является недостаточно изученной. В частности, противоречивы мнения историков о времени и обстоятельствах присоединения Тигины и близлежащих сел к Османской империи.

Долгое время считалось, что Тигина отошла к туркам после взятия ими Белгорода и Килии или, по крайней мере, сразу же после смерти Штефана Великого⁸. В противовес этой точке зрения многие историки, исходя из своей уверенности в принадлежности Тигины Молдавскому княжеству, считают, что она была захвачена турками в 1538 г.⁹ во время последующей экспедиции султана Сулеймана Великолепного в Молдову. Некоторую сумятицу в изыскания ученых внесло высказывание Д. Кантемира о передаче туркам «на вечное владение Тигины с двенадцатью селами» Ароном Тираном¹⁰, правившим в 1591–1595 гг. Исследователи творчества просвещенного монарха давно указывали на необходимость критического подхода к излагаемым Д. Кантемиром фактам¹¹. Несоответствие информации молдавского господаря известным историческим событиям очевидно. Но ошибки не возникают на пустом месте. Иногда выяснение их причин тоже помогает разобраться в истинном положении дел.

Почему и насколько ошибался Д. Кантемир? Будучи вначале заложником, а затем и представителем молдавского господаря при Османской порте¹², он имел доступ к огромному числу трудов европейских и турецких ученых и летописцев и весьма плодотворно использовал свое пребывание в Турции. Там же, в Константинополе, началось научное творчество Д. Кантемира. Исторические труды нашего великого предшественника до сих пор не потеряли своей актуальности. На них по-прежнему часто ссылаются исследователи и краеведы. Однако следует вспомнить, в каких конкретных условиях создавалось знаменитое «Описание Молдавии».

Д. Кантемир пишет свои основные исторические произведения в российской эмиграции. Не всегда необходимые ему книги и документы находились под рукой, и экс-господарь восстанавливает многие читанные им факты по памяти. Иногда, сомневаясь в достоверности, вместо дат он оставляет пропуски в рукописях, производит дописки, поправки на полях. Иногда допускает теперь очевидные для нас погрешности. Относительно Бендер (Тигины), по моему мнению, произошла вполне объяснимая ошибка Д. Кантемира. Повествуя об обстоятельствах передачи Тигины туркам, он, вероятно, перепутал Арона Тирана с Петром Ароном, господарем Молдовы в 1451–1452 и 1454–1457 гг. Попробуем для доказательства истинности нашего предположения построить небольшую логическую цепочку.

Итак, вот что пишет Кантемир об Ароне Тиране: «Из-за своей жестокости и тиранства, которые он проявлял по отношению к молдаванам, был изгнан знатью из своего государства, бежал к турецкому султану, обещав ему, что если будет восстановлен на престоле, то он уступит его войску и отдаст на вечное правление Тигину с двенадцатью селами, чего султан давно домогался. Прельщенный таким даром, султан восстановил его на престоле, получив взамен наиболее укрепленный город всей страны, опору в борьбе против поляков и татар»¹³. Фактически Д. Кантемир рассказал биографию Петра Арона, дважды занимавшего господарский престол и известного своей протурецкой ориентацией. В свою очередь, Арон Тиран (1591–1595), примкнувший к антитурецкой коалиции, вряд ли заслужил подобное обвинение. Следовательно, факты, о которых идет речь, могли иметь место в середине XV века, и описанные события никак не могли происходить в конце XVI в., когда город и так уже давно был турецким. Действительно, в середине XV столетия происходит ряд любопытных событий, радикально изменивших судьбу Тигины и окрестных сел. После совместного молдавско-татарского контроля над таможенным пунктом там наступает период нарастающего турецкого присутствия и обострения ситуации в юго-восточных приднестровских землях. Это отразилось в переносе молдаванами таможенного пункта из Тигины в Лапушну, о чем упоминает и сам Д. Кантемир. Об этом же сообщает нам господарская грамота львовским купцам от 29 июня 1456 года: «А что было мыта у Тегенякичу, то мы сказали, абы там ни гроша мыта не было, але у Лапушном»¹⁴. Отношения Молдавско-

го княжества с крымскими татарами снова ухудшаются. В лице Османской империи крымские ханы нашли надежного союзника и покровителя в своих грабительских набегах на Молдову, Польшу, Россию и другие государства.

Начавшийся еще в конце XIV века сложный период турецко-татарских взаимоотношений, завершился полным подчинением Крымского ханства и превращением его в своенравного вассала Османской Порты. Не лучшим образом складывается внешнеполитическая ситуация и для Молдавского княжества. В том же 1456 году Молдова впервые начинает платить харадж (дань) Турции. Сохранилась полная отчаяния грамота господаря Петра Арона, понимавшего, что лучше откупиться, чем повторить участь покоренной уже турками Валахии и павшего в 1453 году Константинополя: «...А не давали им, сами себе возьмут, как и дотоле брали жен, детей и братьев наших»¹⁵.

Многие ученые говорили, что между Молдовой и Османской империей уже 9 июня 1456 г. было достигнуто не только соглашение о выплате дани, но и фактически подписан первый вассальный договор¹⁶. Именно с этого времени в многочисленных турецких документах молдавские господа называются не иначе как «беями», то есть подчиненными Порте вассалами.

* * *

Вторая половина XV века ознаменовалась беспрецедентным противостоянием небольшого Молдавского княжества огромной Османской империи. О непокорном Стефане Великом заговорила вся Европа. Даже турецкие летописцы, рассыпая проклятия в его адрес, отдавали дань его мужеству и воинскому мастерству.

Нас, разумеется, интересует, как изменилось положение Тигины при господае Стефане. Летописцы сообщают о нескольких экспедициях молдавских войск против своих беспокойных восточных соседей – татарских беев. В результате первых же военных походов таможенный пункт снова переместился из Лапушны в Тигину. «А у Тегине (да платят) как же и сперва платили мыто, тым же обычаем и теперь имают платить»¹⁷. – сообщает в грамоте молдавского господаря от 3 июля 1460 г. Однако это лишь единственное свидетельство о Тигине среди большого числа документов, сохранившихся от весьма длительного (1457–1504) периода правления Стефана Великого¹⁸.

Положение Молдавского государства на восточных рубежах еще больше упрочилось после взятия господаем Стефаном Килии в январе 1465 года, что не могло не вызвать озабоченность Турции. Последняя все чаще обращается к услугам Ширинских беев для совершения ими опустошительных походов в Молдову. Тигина становится местом концентрации татарских войск перед их вступлением в пределы Молдавского княжества. Этот маловероятный, на первый взгляд, вывод напрашивается при более детальном рассмотрении обстоятельств молдавско-татарских столкновений.

Несколько источников сообщают о набеге на Молдову татарского войска во главе с сыном и братом «хана Мамака»¹⁹. Среди золотоордынских ханов нет такого. Зато известен по ряду документов Ширинский бей Мамак – преемник Тегин-бея²⁰. Ширинские беи все чаще стали совершать самостоятельные вылазки, без участия всех войск Крымского ханства. Очередная такая экспедиция завершилась для них полной катастрофой.

Разграбив молдавские поселения, ширинцы двинулись в обратный путь, обремененные богатой добычей, пленными и угнанным скотом. 20 августа 1469 года состоялась известная по молдавским летописям битва при Липницкой дубраве недалеко от Сорок. Немногим татарам удалось уйти живыми за Днестр. В плен попали брат и сын Мамака (имена не указаны). Мамак отправил в Молдову большую группу посланников, требовавших освободить ближайших родственников Ширинского бея. Но в ответ перед изумленными татарами сын Мамака был расчленен на четыре части, а вся многочисленная делегация перебита. Лишь один из посланников Мамака был оставлен в живых и с отрезанным носом отправлен домой рассказать об увиденном²¹.

Таковы были жестокие законы средневековья, и нам остается лишь следить за ходом происходивших пять с лишним столетий назад событий и по возможности проверять достоверность того или иного источника. Известно, что Штефан Великий чаще всего не убивал в назидание своих извечных врагов, а содержал пленных татарских сановников в качестве заложников, что позволяло ему увереннее вести переговоры с золотоордынцами, крымскими ханами и Ширинскими бегями. «Седи Ахматови (хан Золотой Орды – Г.А.) сынове у наших руках²², – удовлетворенно сообщал Молдавский господарь в 1462 г. В начале 1470-х годов в крепости Четатя Албэ (Аккерман, Белгород-Днестровский) находился и внук Тегин-бея Эминек, которому 3 марта 1473 года удалось бежать²³. Вскоре Эминек-мурза возглавил род Ширинских. С его приходом активность татарских окраинных западных улусов еще более возросла. Эминек устанавливает прямые контакты с турецким султаном, минуя крымского хана. Имея под своей командой до 20000 конницы, он был готов самостоятельно или совместно с турецкими войсками выступить против Молдавского государства.

Несмотря на большую военную активность великого молдавского господаря, внешнеполитическое положение княжества продолжало ухудшаться. Штефан Великий внимательно следил за происходящими изменениями.

Несомненно, на судьбе региона не могло не отразиться завоевание турками Кафы и других крымских торговых городов в 1475 году. Султан Мехмед II представил неприкрытую агрессию против Крымского ханства как полюбовную сделку с ним. Установлению господства Турции в Крыму во многом содействовала позиция главы рода Ширинских Эминика. Он открыто высказывал свое неудовольствие в адрес крымского хана Менгли-Гирея и приветствовал прибытие в Крым турецкого экспедиционного корпуса. За

что незамедлительно был вознагражден. Известный знаток истории Турции А.Д. Новичев отмечает, что татары получили материальную компенсацию за свои потери: «Степная часть Крыма и земли в нижнем течении Днестра были переданы крымскому хану»²⁴. Безусловно, сюда направились в первую очередь стада Ширинских беев.

Документальным подтверждением этому факту служит участие Эминека уже на следующий год в совместном с турками комбинированном походе на Молдавское княжество. Правда, набег Ширинского бея на молдавские земли в новой экспедиции окончился для него весьма плачевно. В письме турецкому султану от 19 октября 1476 г. он сообщает о своем сокрушительном поражении от отрядов Штефана Великого, в результате чего татарский предводитель «остался лишь с одной лошастью»²⁵.

Письмо Эминека-мурзы не дает нам точных данных о маршруте его конницы. Другие источники содержат противоречивую информацию. Историк Т.Джемил предполагает, что Эминек переправился через Днестр в районе Рашкова и двинулся обычным для татар маршрутом в долине Реута, сжигая и разоряя по пути молдавские поселения²⁶. Однако вполне вероятно, что и Тигина могла стать местом концентрации конницы Эминека перед началом его похода в Молдову. Во всяком случае письменные источники всегда сообщают нам о набегах кочевников намного западнее и севернее Тигины, в долинах Реута и Прута.

Уже через несколько лет татарские беи вновь участвуют в совместном походе против Молдавского княжества. Турецкие летописцы сообщают о коннице хана Менгли-Гирея, принявшей самое деятельное участие в осаде Килии и Аккермана. Помимо богатых подарков, татары получили право на пастбища в Буджаке²⁷. Можно сделать однозначный вывод о том, что позиции татарских беев в Тигине к концу XV века упрочились.

Ошибочное представление ряда историков о принадлежности Тигины и ее окрестностей Молдавскому княжеству приводит к невероятной путанице и созданию своеобразного информационного вакуума о регионе чуть ли не до середины XVI века. Сложившаяся сеть подобных рассуждений строится лишь на догадках, предположениях, но никак не на фактах. К примеру, отдельные исследователи считают, что в связи с усилением угрозы Османской империи, Крымского ханства и других татарских объединений Молдавское княжество начало укреплять свои южные и восточные рубежи. «У удобных перевозов на Днестре, – утверждает И. Киртоагэ, – ... были построены крепости Сорока, Тигина и Юргеч»²⁸. Однако убедительных доводов относительно Тигины историком не приводится. И.Г. Киртоагэ предполагает, что Тигина была укреплена земляным валом, над которым возвышалась деревянная стена²⁹.

Дальнейшая судьба Тигины (с конца 70-х годов XV столетия) непосредственно связана с внешнеполитической переориентацией Молдавского княжества. За почти полувековой период своего правления Ште-

фан Великий показал себя не только умелым и храбрым полководцем, но и дальновидным государственным деятелем. Оказавшись в политической изоляции и не надеясь на поддержку Польши, молдавский господарь круто изменяет свое отношение к Турции. В 1487 году он заключает мир с султаном и обязуется возобновить выплату дани³⁰. В 1492 г. был заключен договор между Молдавским княжеством и Крымским ханством³¹. Видимо, в дальнейшем Стефан, желая обезопасить свои восточные рубежи в преддверии предстоящей войны с Польшей, был вынужден отказаться от своих претензий на Тигину. Тот же Д. Кантемир в книге о своем отце господаре Константине Кантемире обронил любопытную фразу: «Бендеры лежат в Бессарабии. Сия область, составляя в древние времена Молдавского княжества третью провинцию, ... еще при жизни Стефана Великого отнята и... досталась в разделе туркам и татарам»³². О существовании в мирном договоре пункта о разделе сфер влияния между Молдавским княжеством, Османской империей и Крымским ханством заставляет нас задуматься и письмо Сулеймана Великолепного польскому королю Сигизмунду, написанное в ноябре 1542 года, где он сообщает, в частности, о получении татарами на 30 лет земли «для пастбищ» из территории Молдавского княжества³³.

Тигина по-прежнему оставалась владением татарских беев, управлявших как своими соплеменниками, так и немногочисленными пока молдавскими переселенцами, обосновавшимися в окрестностях татарского замка. Любопытно в этом плане свидетельство турецкого чиновника XVIII века, давшего следующую историческую справку о Бендерской крепости: «Раньше Бендер был менее значительным и служил местопребыванием назначаемого крымским ханом бея с однохвостным бунчуком»³⁴.

Изменилось и отношение Стефана Великого к своим извечным врагам Ширинским беям. Отдельные представители этого влиятельнейшего рода пришли в услужение к молдавскому господарю. Упоминание об одном из них мы встречаем в грамоте, адресованной русскому царю из Крыма, 17 апреля 1503 года посланники великого князя Московского Ивана Васильевича (Ивана III) сообщали ему о молдавском господаре следующее: «И Стефан, государь воевода оттуда из (Сучавы – Г.А.) прислал ко царю к Менгли Гирею своего человека доброго *Максима Яна Тягинича* о том с грамотою и речми»³⁵. Это свидетельство, несомненно, требует некоторых пояснений. Конечно, можно предположить, что в данном случае речь идет о некоем выходеце из Тигины. Но реальнее говорить об одном из потомков Тегин-бея. Разросшийся клан Ширинских стал дробиться. За верховенство в нем после смерти главы рода всегда начиналась острая борьба. Формально по традиции главой рода становился самый старший из Ширинских беев. Но часто на это место претендовали сыновья умершего главы рода. В первую очередь за лидерство в клане Ширинских боролись потомки Тегин-бея или «Тегинины дети» – «Тягиничи». Ширинский бей «Агиш Когушев сын» в послании Великому князю Московскому в 1508 г. о своем праве на главенство в

роде подчеркивал, что «Тегинины дети равны есмя», то есть он имеет такие же права на первенство, что и потомки Тегин-бея, в частности Довлетек, сын известного уже нам Эминака-мурзы³⁶.

Впрочем, вернемся в Тигину конца XV столетия. Серьезные проблемы в исследовании историков внесло сообщение турецкого путешественника Э.Челеби о существовании на месте Бендер в конце XV века небольшой крепости, построенной турками по просьбе татар. Проигноировать такой важный факт нельзя, поэтому приведем выдержку из «Книги путешествия», с которой начинается «Описание крепости Бендеры»: «Когда в 1484 году Баязид-хан (султан Баязид II – Г.А.) завоевал крепость Аккерман, то Гедик Ахмед-паша (великий везир – Г.А.) построил в этом месте башню небольшую, но полезную для переправы жаждущих встречи с врагом татар. Эти укрепления казаки разрушили еще во времена Сулейман-хана (султана Сулеймана, правившего с 1520 по 1566 г. – Г.А.)»³⁷.

Мы уже приводили высказывания специалистов о творчестве Э.Челеби, но опять же и за возможной неточностью должен скрываться какой-то факт. Готовясь в свою длительную экспедицию, турецкий путешественник, выполнявший ответственные поручения султана, прочел много документов и книг о тех городах и странах, которые он намеревался посетить³⁸. Вероятно, обилие почерпнутой информации несколько подвело путешественника, и в данном случае Э.Челеби привел известный специалистам факт о строительстве крепости Тягин на Днестре. Не мудрено было ошибиться при созвучном названии и прошествии 150 с лишним лет.

Вкратце суть дела состояла в следующем. В июне 1492 года крымский хан Менгли-Гирей сообщил русскому царю Ивану III о строительстве крепости на Днестре: «К тебе, брату моему, хотим близко быти, на Непре город велел есми делати»³⁹. Это известие отнюдь не обрадовало русского царя, и в дипломатичной форме он попросил хана не делать этого. Несмотря на уговоры, крепость была построена, что встревожило не только Россию, но и Польшу и Литву. Литовцы прислали отряд казаков и те разрушили крепость⁴⁰. Можно допустить, что Э.Челеби ошибся и в связи с другим событием, происшедшим позже: взятием и уничтожением казаками в 1583 году небольшой крепости, располагавшейся напротив Бендер на левом берегу Днестра. Но об этом событии мы поговорим отдельно в следующей главе.

Вероятно, упомянутая крепость Тягин на Днестре также связана с деятельностью Ширинских беев, желавших закрепиться на торговом пути в Крым, и совпадение их названий вряд ли случайно. Так «Тягиничи» желали увековечить память о себе. Характерно, что вместо разрушенной крепости в скором времени южнее была построена крепость Очаков. С проезжавших купцов бралась тамга (плата) не только в пользу крымского хана, но и «на ширинского князя с головы по 3 алтына без дву денег», причем, если купцы ехали в Крым не через Очаков, а старой дорогой через Перекоп, все равно с них взималась отдельная «Очаковская тамга»⁴¹.

Несомненно, Ширинские беи надеялись укрепиться и на Днестре, также построив каменный замок в Тигине. Расположенная на важном Татарском торговом пути, тигинская таможня приносила большую прибыль. Правда, заметную конкуренцию старой, давно известной дороге составил Молдавский торговый путь⁴², связывавший Центральную и Восточную Европу через Сучаву и Белгород со средневековыми городами Крыма и Малой Азии. Видимо, с окончательной потерей Молдавским государством надежд на Тигину в качестве важного стратегического пункта на Днестре возросло значение поселения Чобурчиу (не путать с одноименным населенным пунктом на левом берегу Днестра), которое в начале XVI века превратилось в небольшой город с пыркълабами на торговом пути в Четатя Албэ⁴³ и по замыслу молдавских господарей обязано было соперничать с Тигиной.

Строительству татарами каменной крепости в конце XV начале XVI веков помешала развернувшаяся борьба крымских ханов Сеадет-Гирея, а затем и Сагиб-Гирея с родом Ширинских⁴⁴. В Крымском ханстве началась полоса раздоров и междоусобиц. Многие царевичи и родовые князья самовольно стали совершать грабительские набеги на молдавские земли. В молдавских летописях сообщается о рейдах кочевников в 1503⁴⁵, 1513⁴⁶, 1518⁴⁷ годах. Особенно своевольничал сын крымского хана Мухамед-Гирея (1515–1523) царевич Алп-султан. После неудачного набега на польские земли в 1517 г.⁴⁸ уже на следующий год⁴⁹ он решает пожить в Молдове. Но эта авантюра татарского царевича едва не стоила ему жизни. Господарь Штефан Молодой (Штефэницэ), узнав о приближении конницы Алп-султана, двинулся к Пруту, приказав подойти туда же ворнику Нижней Молдовы Карабэцу. «И был, и ударил тот ворник на них, – восхищенно пишет летописец, – поразил их и много побил, а живых взял в плен очень много, и поймали двоих мурз великих, а прочих гнали и били по полю, убивая и рубя до самого Днестра, так что только с малым количеством людей убежал тот Алп-султан»⁵⁰.

Очередной подробно описанный татарский налет также не обошелся без Ширинских беев и мурз. Молдавские летописцы не сообщают нам имен убитых и плененных татарских князей, но из других источников нам известно, что во время неудачной экспедиции царевича Алп-султана в молдавские земли погиб «Асан – Темиров, сын Мангытский, большой мурза»⁵¹, принимал участие в ней и «Ебелек Бостаев княжий сын Ширинов», который приходился дядей самовольному татарскому царевичу⁵². В описаниях набега на Польшу вместе с Алп-султаном также упоминаются ширинские князья: «Токузан-мурза Ширинов-Агишев сын княжий, да Кудаш-мурза Бектерев сын Ширинов, ... да Алпов царевичев шурин»⁵³. Как видим, Ширинский род пытался активизировать агрессивную политику Крымского ханства в западном направлении. Уже через три года, в 1521 году, господарь Молдовы Штефан Молодой (Штефэницэ) жаловался турецкому султану на то, что крымский хан Мехмед-Гирей совершил новый набег на его земли⁵⁴.

Участившиеся татарские набеги свидетельствовали об ослаблении Молдавского государства после смерти Штефана Великого. Нижнее Поднестровье в начале XVI в. стало прочным плацдармом для стремительных рейдов Ширинских беев за Прут и в пределы Польши.

Итальянец Г.-Б. Монталбани в 1620 г. называет Тигину бывшей татарской крепостью, захваченной турками, причем утверждает с удивительной категоричностью, что «76 лет(?) как этот регион находится в турецком владении»⁵⁵.

Разумеется, по прошествии нескольких десятков лет итальянский миссионер мог ошибиться. Поэтому воспользуемся информацией источников начала XVI века, достоверность и основательность которых не вызывает сомнения у современных исследователей. «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского появился в печати в 1517 г. Наблюдательный польский монах подробно рассказывает о татарах – «уланах», т.е. огланах, князьях, пришедших с Волги в Крым. «Со времени их прихода на остров (Крымский полуостров – Г.А.), живут в луговых частях по своей исконной привычке, а вне острова владеют такими же луговыми пространствами Сарматии Европейской близ Меотидских болот и Понтийского (Черного – Г.Л.) моря вплоть до Белого Замка (Белгорода-Днестровского – Г.Л.)»⁵⁶. Наряду с двумя Тигинами (Тягинами) в низовьях северочерноморских рек существовало несколько Белгородов. Но М.Меховский повествует нам о том «Бялыгроде», который «захватили и владеют им турки, а кругом в степях живут татары»⁵⁷. Каких пределов вверх по Днестру достигали кочевники, неясно. Нет и описания Тигины.

«Не увидел» ее и Сигизмунд Герберштейн, опытный австрийский дипломат, девять раз побывавший с различными поручениями в Венгрии (с 1530 по 1552 гг.), семь раз в Польше (с 1529 по 1552 гг.) и дважды в России (в 1517 и 1526 гг.). Европейский дипломат был принят даже турецким султаном Сулейманом Великолепным⁵⁸. С. Герберштейн, как и М. Меховский, упоминает о захвате Белгорода турками, «Да и царь Таврический (крымский хан – Г.А.), перейдя Борисфен (Днепр – Г.А.), подверг разорению обширное пространство»⁵⁹. На сопровождавшей описания С.Герберштейна карте Тигина не была обозначена. В обоих случаях источники не сообщают о существовании города на восточных рубежах Молдовы, и неясно, где проходят границы государства.

* * *

Новые исследования и публикуемые документы постепенно заставляют историков пересмотреть уже устоявшееся мнение о событиях, предшествовавших полному подчинению Молдовы Турцией в 1538 году после похода Сулеймана Великолепного. Г. Гонца предполагает несколько этапов вассальной зависимости Молдовы от Османской империи и существовании особого молдавско-турецкого договора еще задолго до последнего похода

Сулеймана⁶⁰. На эту же мысль наводит нас, к примеру, сообщение Д. Кантемира о наследнике Штефана Великого господаря Богдане III: «Он отдал Молдавию туркам в ленную зависимость и первый толкнул ее в то бедственное положение, в котором она находится и по сей день»⁶¹.

В свою очередь турецкие летописцы считают Молдову завоеванной Османской империей еще в 1476 году⁶², а последующие турецкие походы организовывались в основном для подавления восстаний непокорных господарей. Так же, как и другие вассалы Турции, молдавские господа участвовали по приказу султана в карательных походах против своих соседей, а в письмах в Стамбул так же, как и господарь Валахии, как и крымский хан, уничижительно подписывались «бедные», «ничтожные», «покорные рабы»⁶³.

Долгое время оставались несколько загадочными обстоятельства, при которых Тигина с окрестными селами стали турецким владением. Многие исследователи напрямую связывают этот факт с последним походом Сулеймана Великолепного в Молдову в 1538 году. Основным источником для подобного утверждения является не совсем убедительная фраза из молдавско-польской летописи. После захвата столицы Молдавского княжества Сучавы, согласно источнику, «...турецкий царь, побыв немного в Сучаве, пошел обратно в Турцию, в земле приказал ничего не портить, однако же до того (выделено мной – Г.А.) взял в свое владение один замок молдавский Тигину»⁶⁴. Как видим, сам летописец не убежден в захвате Тигины Сулейманом именно в 1538 году, а предполагает ее более ранний захват.

Мы подступились к весьма серьезной принципиальной проблеме, которая до сих пор не получила однозначного разрешения. Между тем, неверное истолкование имеющихся источников во многом мешает истинному представлению событий конца 1530-х годов. В исторической науке принято считать доказанным факт захвата турками Тигины в 1538 г. В данном случае ученые ссылаются на выводы Н. Йорги⁶⁵, Ш. Чобану⁶⁶ и М. Губоглу⁶⁷. Впрочем, сам Н. Йорга не был столь категоричен, как его современные интерпретаторы. «До сегодняшнего дня аннексия Тигины (турками – Г.А.) не была зафиксирована хронологически»⁶⁸, – констатирует румынский ученый в конце XIX в. Видимо, сомнения долгое время не покидали историка. Не удивительно поэтому, что в работе, посвященной двум другим молдавским городам, Килии и Четатя Албэ (Белгороду), Н. Йорга так много уделил внимания Тигине (Бендерам). Накопившиеся косвенные «доказательства», как правило, датированные уже после 1538 г., в конце концов привели румынского историка к ошибочному выводу о захвате Сулейманом Тигины. «Вероятно, Сулейман возвращался из Сучавы в Тигину»⁶⁹, – развивает эту гипотезу Ш.Чобану. Наконец, дешифровку М. Губоглу надписи над воротами Бендерской крепости принято считать еще одним «существенным» доказательством подобной трактовки событий. Однако тот же М. Губоглу внес существенную лепту в опровержение данной версии. Об этом чуть позже.

К сожалению, ошибочные представления о том или ином историческом событии могут привести к довольно серьезным заблуждениям. Гипотеза Н. Йорги, возведенная в абсолют, постепенно стала обрастать небылицами и мифами. Особенно если за описание этих события берется представитель художественного жанра. Богатая фантазия украинского писателя П. Загребельного рисует перед читателем несостоявшийся на деле рейд турецких войск вниз по Днестру, «стояние» султана Сулеймана под Тигиной на обратном пути из Сучавы и его личное руководство строительством Бендерской крепости под сенью роскошных шатров⁷⁰. Однако будем руководствоваться только фактами.

Что же нам сообщают другие источники? Достаточно подробно освещены все завоевательные походы Османской империи турецкими летописцами. Особенно впечатляет трактат И. Печеви – первого турецкого историографа, широко использующего иностранные источники, прежде всего венгерские. Кроме того, во время своих экспедиций султаны приказывали писать журналы (рузнаме), в которых кратко описывались события, происходившие в походах⁷¹. Однако ни разу в описании экспедиции 1538 г. в турецком маршруте Тигина не упоминается⁷². Турецкие летописцы Н.Матракчи, Люфти-паша, М.Джелал-заде, Мехмед-паша и другие⁷³ скрупулезно описывают чуть ли не каждый день столь удачного для турецкого оружия военного похода в Молдову. Некоторые из хронистов были его непосредственными участниками. Однако никто из них не упомянул ни о взятии Тигины, ни о каких-либо других событиях, связанных с ней.

Известный румынский тюрколог М. Губоглу на основе турецких летописей досконально проследил все этапы похода Сулеймана Великолепного в Молдову осенью 1538 года. После взятия и грабежа Сучавы, отпустив татарскую конницу Сагиб-Гирея, султан Сулейман отдал распоряжение о возвращении своих полчищ по Ботошанской дороге. Построив мост через р. Прут у местности Легэтуриле Морий, турки переправились и достигли Исакчинской равнины. Здесь состоялся большой диван – подведение итогов кампании и раздача богатых подарков всем участникам грабительского похода. В начале ноября Сулейман Великолепный прибыл в Адрианополь, где провел всю зиму, развлекаясь охотой⁷⁴. Как видим, войско Сулеймана двигалось вдоль Прута и не приближалось к Днестру.

1538 г. стал годом окончательного закабаления Молдавского княжества. Правда, в отличие от балканских земель здесь не был создан пашалык, а сохранилось господарское управление. Исходя из представления о принадлежности Тигины и ее окрестностей Молдавскому государству, ряд исследователей подчеркивают тяжелые последствия ее потери⁷⁵. Но факты свидетельствуют о несколько другой, весьма своеобразной ситуации. Можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что в данном случае Турция решила окончательно снять проблему спорной территории, существовавшей между Молдавским государством и татарскими ханами. На правах силь-

нейшего султан расположил в Тигине свой гарнизон, и на многие столетия таможня и прибрежные села стали турецким владением.

Турецкие летописцы описывают политические последствия последней экспедиции Сулеймана и характер взаимоотношений между Портой и Молдавским государством: земли между Прутом и Днестром входят в непосредственное управление Турцией, а на запад от Прута «остается править воевода из вилайета грешных гяуров (т.е. «неверных») – Г.А.»⁷⁶. В документах сообщается о распоряжении султана построить на реке Прут две крепости: Берудчин и Фэлчин (ныне г.Фэлчиу в Румынии). «Первая отдаленно напоминает Бендерскую крепость..., а Фэлчиу, вероятно, ошибка», – считает И. Киртоагэ⁷⁷. Этому же мнения придерживаются и авторы примечаний к румынскому переводу турецких хроник⁷⁸. Однако такая трактовка весьма сомнительна. Во-первых, во всех документах речь идет о реке Прут. Во-вторых, крепость Фэлчин (Фэлчиу) упоминается сразу в нескольких турецких хрониках, следовательно, и это не случайность и не описка. В-третьих, маловероятно такое неправдоподобное искажение названия Бендер, так как в противном случае речь тогда шла бы о турецком названии крепости, и летописцы не могли так «дружно» ошибиться в знании своего родного языка. Попробуем решить эту загадку. В турецких летописях хронисты называют реку Прут как «Беруд», «Пурут» т.е. В данном случае «Берудчин» или «Берудчейн» (сравни: города Чин, Мачин, Вичин, Фэлчин и др.) означает «укрепление на Пруте», и, следовательно, мы никак не можем увязывать строительство двух крепостей на р. Прут с Бендерской крепостью на Днестре.

* * *

И все же, при каких обстоятельствах была построена Бендерская крепость? Обратимся снова к Э.Челеби: «Так как русы (казаки – Г.А.) разбили татар, когда татарское войско переправлялось через Днестр, то татарский хан попросил Сулеймана хана (султана Сулеймана Великолепного – Г.А.) построить в этом месте крепость и по высочайшему указу крепость была воздвигнута»⁸⁰. Если следовать за рассуждениями турецкого писателя, то наиболее вероятной является версия об имевшем место поражении войска крымского хана Сагиб-Гирея у Штефэнешть от господаря Петра Рареша в 1538 году⁸¹. Несмотря на неудачу, Сагиб-Гирей I (1532–1551) принял самое деятельное участие в завоевательном походе турецкого султана и был щедро вознагражден. После взятия Сучавы султан пять дней праздновал с крымским ханом победу⁸², там, возможно, и состоялась их договоренность о строительстве крепости. Подобные сделки татар с турками были уже нередкостью. Если учесть, что одновременно с Бендерской началось сооружение Перекопской крепости⁸³, значительно усилены укрепления Очакова, то можно сделать вывод о создании турками и татарами целой системы оборонительных сооружений. Обогатившиеся в результате граби-

тельских походов в русские земли, Молдову, Польшу крымские ханы и беи видели в строительстве каменных замков-крепостей символ утверждения своей государственности, а также создание более надежных плацдармов для своих опустошительных набегов, и не жалели для этого денег. Лишь на сооружение уже упоминавшейся крепости Тягин на Днестре Менгли-Гирей заплатил туркам 150000 золотых⁸⁴.

Еще одно материальное свидетельство о строительстве Бендерской крепости – надпись на мраморной плите, долгое время висевшая над воротами цитадели. Эту надпись видел в свое время Э.Челеби в 1657 г.: «На четырехугольной плите белого мрамора имеется тарих (хронограмма в прозе или стихах – Г.А.)». Путешественник жаловался, что не мог списать надпись, так как она висела достаточно высоко и на оживленном месте⁸⁵. 21 апреля 1882 г. окружное инженерное управление Одесского военного округа передало Одесскому обществу истории и древностей срисованную копию хронограммы. В свою очередь одесские историки отправили ее в Санкт-Петербург для дешифровки. Большая часть надписи была переведена, однако переводчики жаловались на неудачное копирование военными последних двух строчек. Несмотря на это, результаты изысканий были опубликованы в очередном номере «Записок Одесского общества истории и древностей»⁸⁶. Надпись была датирована 1534 годом и в дальнейшем эта дата вызвала вполне объяснимые сомнения у исследователей, поскольку в начале 1530-х годов султан Сулейман был занят военными делами в Персии.

В 1917 году Н.А. Маркс в своей брошюре «К истории Бендерской крепости» опубликовал фотокопию мраморной плиты. Следует отдать должное автору книги, сумевшему организовать сложные в техническом отношении фотосъемки. Это особенно важно в связи с тем, что впоследствии плита была демонтирована и бесследно исчезла. Перевод хронограммы для книги Н.А. Маркса осуществил одесский востоковед И. Спафарис. В результате появилась еще одна дата составления надписи – 1529 год.

В 1956 году в Бухаресте была опубликована обстоятельная статья уже упоминавшегося румынского профессора М. Губоглу «Надпись Сулеймана Великолепного во время последней экспедиции в Молдову»⁸⁷. Ученый детально исследовал всю хронограмму, особенно ее две последние ключевые строки, в которых содержалась наиболее важная для историков информация об обстоятельствах, а главное, о времени составления надписи. Приведем целиком ее перевод:

«Я – раб Аллаха и повелитель этого мира султан. Аллах сделал меня верным руководителем народа Магомета, я – любимец Всемилостивого.

Мудрость Аллаха и чудотворная сила Магомета – мои спутники. Я – тот Сулейман, в имени которого читалась «Хутба» (молитва – Г.А.) в святых местах.

Я – тот, кто отправлял корабли в моря Европейское, Африканское и Индийское. Я – шах Багдада и Ирака, царь Рима (Византии – Г.А.) и султан Египта.

Трона и золотой короны венгерского короля я добился из сочувствия и великодушия моего, он (король – Г.А.) – покорный раб султана.

А также воеводу Петра, мятежника многозлобного, я изгнал. Когда от подков коня моего поднялась пыль, я завоевал Богдан (Молдову – Г.Л.).

Год 945 (по мусульманскому календарю – Г.А.), Хасан-бей, новый кадий Бендер, укрепивший переправу, помог морским беям. Я – Сулейман, потомок Османов, который построил крепость и написал хронограмму»⁸⁸.

Почти каждое слово последних двух строчек несет в себе большую смысловую нагрузку. М. Губоглу определил дату составления хронограммы 1538 годом. По манере исполнения тариха и написания отдельных элементов ученый сделал вывод о том, что хронограмма была высечена искусным татарским мастером-каменотесом из Бахчисарая, Кафы или какого-то другого города Крымского ханства⁸⁹. Фраза «новый кадий Бендер» дает нам возможность предположить присутствие турок на таможенном пункте задолго до строительства крепости. Факт, характерный для турецкой истории. Завоеванию султанами Константинополя, Кафы и других городов предшествовала турецкая колонизация этих мест. Назначаемые там кадии (судьи) защищали интересы своих соплеменников и являлись для них представителями султанской власти,

К сожалению, несколько непонятна и озадачивает фраза «морские беи». Что вложено в ее смысл? У Э.Челеби мы встречаем должность прибрежного аги. Но, возможно, имелась в виду крымские (вероятно отсюда – «морские») беи, которым Хасан-бей помог построить крепость.

Тщательное исследование румынского ученого многое расставило на свои места. Однако нельзя согласиться с М. Губоглу в идентификации упоминавшейся в турецких летописях крепости Берудчейн (Беруд-чин, Чейн) с Тигиной-Бендерами⁹⁰, о чем выше в этой главе мы, надеюсь, достаточно убедительно говорили.

Тигина не была захвачена турками. В конце 1530-х годов они просто вошли в нее на правах «старшего брата». Строительство крепости по заказу татар стало удобным поводом для султана Сулеймана ввести туда свои войска.

* * *

Итак, подведем некоторые итоги. В течение нескольких веков Тигина и ее окрестности являлись местом значительной концентрации кочевых племен. С образованием Молдавского княжества начинается упорная борьба молодого государства за расширение жизненного пространства. На востоке своих владений молдавские господа столкнулись с набиравшим силу агрессивным Крымским ханством, считавшим себя наследником и правопреемником Золотой Орды. Независимо от результатов многолетнего противостояния и проходившей с переменным успехом борьбы со степняками, в течение всего XV века продолжалось перемещение молдавского населения к берегам

Днестра. Однако о масштабах миграции мы имеем весьма смутное представление. Топоним «Тигина» прочно закрепился за местностью, окружавшей татарское зимовье. Однако у нас нет серьезных оснований говорить о наличии в XV в. самого города. Речь может идти только о небольшом и вряд ли постоянном таможенном пункте. Этим и объясняется «молчание» многих документальных источников XV – начала XVI вв. о Тигине.

С середины XV столетия нарастает влияние Османской империи в регионе. Сближение двух единоверных тюркских государств было вполне предсказуемо. Отношения между Крымским ханством и Турцией эволюционировали от равноправных к вассалитету первого. Относительно Тигины это выразилось в решении расположить в строящейся крепости турецкий гарнизон.

Расхождения в оценках исследователей времени перехода Тигины и окрестных сел в турецкое владычество объясняется в первую очередь тем, что нередко историками игнорируется участие Крымского ханства в борьбе государств за спорные территории. Строительство каменной крепости в Тигине, по замыслу татарских беев, должно было еще больше упрочить их положение. Их, вероятно, даже устраивало политическое вмешательство Турции, так как последняя брала на себя весьма обременительные функции по охране рубежей и содержанию в крепостях регулярных гарнизонов. С другой стороны, Османская империя стремилась упрочить свое положение в Юго-Восточной Европе. В среде историков стала расхожей фраза о том, что Черное море к середине XVI века стало «Турецким озером».

* * *

Турки называли построенную крепость словом «Бендер» (русское окончание «ы» появилось лишь к концу XVIII века). Видимо, настала пора поговорить об этимологии, то есть происхождении, и этого названия. Долгое время в прошлом столетии бытовала красивая легенда о том, как после многократных неудачных попыток штурма молдавской крепости Тигина один из турецких военачальников воскликнул «Бендерим!», что означало «Я хочу!» или «Я говорю!»⁹¹. Неправдоподобность данной версии очевидна, хотя иногда и сейчас о ней вспоминают краеведы, ссылаясь на изыскания некоторых историков прошлого века⁹².

Поиск историко-географических аналогий привел исследователей в соседний с Турцией Иран, где существует целый ряд городов, в название которых входит слово «Бендер»: Бендер-Шах, Бендер-Шахпур, Бендер-Аббас, Бендер-Гез⁹³. Ученые сделали вывод о персидском заимствовании слова, означающего «торговый порт, гавань, пристань». Долгое время эта версия была доминирующей, тем более что в таком случае она лишний раз подтверждала бы существование в Тигине не просто таможенного пункта, а важного торгового города-порта на Днестре⁹⁴.

Однако не все в существовавшей версии устраивало специалистов. Перечисленные города, как правило, были морскими, а не речными портами, и это не совсем подходило для нашего конкретного случая. В настоящее время в спорах ученых о происхождении названия Бендер господствует точка зрения М. Губоглу. Подтверждая ирано-персидское заимствование, ученый ведет его происхождение от двух слов: «бэнд+дер», что означает «укрепленный проход, крепость на переправе». Профессор М. Губоглу подчеркнул, что это заимствованный вариант иранского топонима «Дербенд»⁹⁵, где два составных слова переставлены местами.

Исходя из историзма географических названий, нам, разумеется, необходимо найти подтверждение версии румынского тюрколога. И XVI век, то есть время строительства Бендерской крепости, дает нам массу таких примеров. Не раз турецкие летописцы в описании походов на Молдову, Валахию, Венгрию повествуют о дербендах – укрепленных переправах через Дунай, Прут и другие реки⁹⁶. Однако не может не озадачить тот факт, что мы не встречаем топонимов «Бендер» как в Турции, так и в бывших ее владениях. Окончание «дер», встречающееся в топонимах Нижнего Поднепровья и Буджака (Аджидер, Дермендер, Семендер и др.), позволяет предположить, что присвоение имени городу произошло не без участия крымских ханов.

Привлекает внимание еще одно обстоятельство, когда мы говорим о появлении названия Бендер. В отличие от других захваченных населенных пунктов турки не перевели на свой язык название города, как это случилось, например, с Четатя Албэ (Белгородом-Днестровским, турецкое – Аккерман) и не сохранили старое, пусть искажив его (к примеру, Адрианополь стал называться Эдирне). Появляется совершенно новое название. У турок были серьезные основания считать себя основателями нового города на правом берегу Днестра.

ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КРЕПОСТИ

Бендерская крепость поражала воображение путешественников и писателей прошлых и нынешнего столетий не только мощью оборонительных сооружений, но и своим восточным колоритом. Сохранился ряд ее описаний. Среди них – и достаточно подробные, и поверхностные, порой небрежные. Есть описания всего лишь в несколько фраз, оброненных вскользь, но весьма ценных для историка.

Все, кто описывал оборонительные сооружения, четко выделял два их основных компонента: каменную цитадель и земляную крепость с мощными бастионами и глубокими рвами. Ученые и краеведы уже давно пришли к единодушному мнению, что Бендерская крепость несколько раз перестраивалась, расширялась и занимала к началу нынешнего столетия около 65 га земли. Однако мнения специалистов расходятся в определении этапов совершенствования оборонительной системы Бендерской крепости.

Профессиональный военный, член Одесского общества истории и древностей, А.И. Защук, исходя из распространенной «генуэзской» версии, сделал вывод, что «первоначально постройка замка... была произведена до изобретения пороха, и укрепления назначались для помещения прежних метательных орудий, а потому турки, по овладению этим местом начали приспособлять замок к помещению и действию огнестрельного оружия». Следующим этапом автор считал капитальное переустройство крепости итальянскими инженерами, и оно «принадлежит к началу XVI века»¹. Историк пришел к таким выводам умозрительно, не подкрепляя их документальными фактами.

В свою очередь, Штефан Чобану, опираясь на документальные данные и исследования историков, выделяет после строительства турками крепости в 1538 году ее капитальное переустройство в начале XVIII века². О перестройках XIX столетия этот ученый упоминает вскользь. Занимавшийся изучением приднестровских крепостей архитектор В.А. Войцеховский был уверен, что турки в 1538 г. «надстроили» существовавшую до того «молдавскую крепость», а затем несколько раз перестраивали ее во время русско-турецких войн. Исследовав стены крепости, В.А. Войцеховский выделил 3 периода в строительстве крепости:

«1. Укрепление с тонкими стенами (возможно, возведенное еще в конце XIV века).

2. Усиление «прикладками» стен первого периода после занятия крепости турками в 1538 г.

3. Каменно-земляные укрепления, выполненные в период русско-турецких войн XVIII в.»³

Однако безусловно интересные наблюдения В.А. Войцеховского не были подкреплены документальными данными. Попробуем, опираясь на имеющиеся как известные ранее, так и вновь обнаруженные архивные источники, проследить этапы строительства этого архитектурного памятника.

Наиболее раннее и, пожалуй, самое полное описание Бендерской крепости оставил нам Э.Челеби, побывавший здесь в 1657 г. Однако с окончания строительства крепости прошло более ста лет, и турецкий путешественник рассказывал не о самом первом ее варианте. Поэтому, используя данные Э.Челеби, начнем описание крепости с учетом возможных изменений в ее конструкции.

Каменная цитадель – более древнее сооружение. На высоком скалистом берегу был построен восьмибашенный замок, имеющий форму неправильного четырехугольника. Три угловые башни – цилиндрической формы, северо-восточная – восьмигранная. Между угловыми башнями сооружены четырехгранные надвратные башни. Верхний замок имел двое ворот. Одни выходили на юг и представляли собой, по словам Э.Челеби, «большие и прочные железные вóрота..., открывавшиеся в посад... Каждую ночь с помощью ворота и цепи висящий над рвом мост поднимают и заслоняют им ворота крепости. Так как в этой крепости всего два ряда стен, то внутрь от главных ворот имеются еще одни железные ворота»⁴.

Описания турецкого путешественника XVII века детально воспроизводят вид цитадели, который фактически не изменился до наших дней: «Между этими железными воротами на высокой арке подвешены еще одни ворота (в виде решетки). Во время сражения эту решетку опускают и загораживают ею доступ к воротам спереди. Над этими воротами стоит мечеть Сулейманахана, но она не столь пышна и величественна»⁵. До сих пор над южными воротами цитадели видны остатки этой мечети. Сохранилась основа выложенного из красного кирпича михраба – молитвенной ниши в стене, обращенной на юг, к Мекке. Здесь защитники крепости совершали свои молитвы, вдохновляемые муллами или дервишами – бродячими мусульманскими монахами, в большом количестве сопровождавшими турецких воинов в их многочисленных походах.

К сожалению, приходится каждый раз проверять Э.Челеби, и с его книгой в одной руке, с карандашом в другой взбираться на крепостные стены и сверять его описание с оригиналом. К примеру, турецкий путешественник сообщает о том, что «верхняя крепость состоит из двенадцати крытых тесом больших, прочных, внушительных башен», а на самом деле, как указывалось выше, их всего восемь. В нижней части крепости, по словам Э.Челеби, «шесть прочных башен, обращенных на Днестр». На деле же этих башен – две. Сюда, в нижнюю часть, вели еще одни ворота. Здесь находилась большая часть турецких построек. Остается только удивляться, как в книге турецкого путешественника мельчайшие достоверные подробности сочетаются с явными несоответствиями в описании Бендер.

Ко времени посещения Э.Челеби в нижней части крепости стояла еще одна мечеть (ее жалкие развалины с сохранившимся михрабом видны до сих пор), здания командного состава и турецкой администрации, казармы для янычар, пушкарей и оружейников, а также около 300 крытых дранкой домов. Все дома внутри крепости «обращены на восток и смотрят окнами один поверх другого на Днестр». Из нижней части крепости к Днестру вели водяные ворота. Защитники цитадели и жители города, минуя их, шли к реке за питьевой водой. Все стороны крепости, кроме восточной, выходящей к Днестру, были обнесены глубоким рвом. «Ров по краям своим сплошь огорожен толстыми столбами и перекладинами, и за эту изгородь не могут пройти ни лошадь, ни мул, ни какое другое животное. По той же причине никто не может бросать в ров мусор»⁷.

Упомянутая уже мраморная плита с хронограммой-тарихом висела над южными воротами. Кроме этой надписи, стены крепости украшали еще несколько тарихов – надписей с витиеватой арабской вязью. Как правило, подобные послания в камне несли в себе мало информации для историков и являлись предметом озорства турецких местных жителей. Один такой тарих прочел Э.Челеби: «Ах! Душа моя, Рюкийе-ханым! Любящий ее Маджар Мустафа»⁸. Так выразил свои чувства средневековый турецкий Ромео, неся воинскую службу вдали от своей возлюбленной.

Подобных надписей, по свидетельству очевидцев, на стенах крепости до недавнего времени было около пятнадцати. Однако за последние несколько десятилетий большинство тарихов исчезло, по-видимому, став предметом контрабандного дохода продавцов антиквариата. Из оставшихся отчетливо виден тарих с рисунком на восьмигранной башне крепости.

Впрочем, не будем отвлекаться и продолжим путешествие по стенам средневековой крепости, строители, а потом и защитники которой стремились любовно украсить ее какими-нибудь художественными излишествами. Э.Челеби отмечает, что на той же башне, где висел упоминавшийся уже «тарих Сулеймана», в стену, в небольшое углубление, была заделана «расписная чаша изникского производства ...мастерской работы, с росписью, внутри голубая, переливающихся тонов» Об этой чаше в других источниках не упоминается. Однако по крайней мере до 1917 года над мраморной плитой с надписью в стену той же башни была вделана в небольшой четырехугольный выемке фарфоровая тарелочка. Глазурь на ней к тому времени сохранилась лишь частично, нижняя ее часть откололась⁹. Местное предание гласило о том, что именно на этой тарелочке командир капитулировавшего турецкого гарнизона преподнес в 1770 г. русскому военачальнику ключи от крепости.

Настоящим произведением военного искусства являются башни крепости. Они имели три яруса и верхние площадки для орудий. Внутри самих башен видны выемки для установки несущих балок, на которых укладывались дощатые помосты для защитников крепости. Вдоль внутренних стен к верхним ярусам узкой спиралью вели каменные ступеньки. Архитектор

крепости, по мнению Э.Челеби, «в соответствии с различными законами геометрии построил столь продуманные бастионы, хитроумные и прочные угловые башни, что в описании их качеств язык бессилён. Все стены ее имеют в ширину двадцать аяков (1 аяк составляет около 38 см – Г.А.), они толстые и обмазаны раствором с песком... Протяженность стен – 2520 шагов... Каждый камень ее стены – величиной с тело менглусского слона, а куски мрамора имеют размеры с желудок коровы или лошади»¹⁰. «В целом, – заключает турецкий путешественник, – благоустроенная крепость Бендеры является надежным замком на османских владениях»¹¹. Конечно, нам, ни разу не видевшим «менглусского слона» и плохо разбирающимся в анатомии домашних животных, трудно угнаться за художественным воображением Э.Челеби. Тем более судить о степени надежности крепости. К примеру, чуть позже, описывая одну из турецких крепостей в южной Украине, тот же автор подчеркивает, что она «в тысячу раз прочнее Бендер»¹².

К сожалению, о самом ходе строительства крепости мы имеем весьма скудные сведения. Имя мимара (архитектора) крепости известно все от того же Э.Челеби: Синан ибн Абдул-Менан¹³, великий средневековый зодчий, проживший долгую жизнь (1490–1588). Армянин из далекого горного села Ахарнас еще в раннем детстве был угнан в Турцию и отдан в янычарский корпус. С молодых лет проявился его технический гений при строительстве мостов и военных укреплений. Впоследствии Синан стал главным архитектором при султанах Сулеймане Великолепном и Селиме II. Под его руководством и по его проектам сооружено более 300 различных объектов: дворцы, мосты, медресе, величественные мечети, в том числе всемирно известные Сулеймание и Шахзаде в Стамбуле и Селимие в Эдирне (Адрианополе)¹⁴.

Кроме прямого утверждения Э.Челеби об авторстве Синана есть косвенные свидетельства причастности знаменитого архитектора к строительству цитадели. Но они малоубедительны. Известно участие Синана в молдавской экспедиции 1538 г. в качестве руководителя строительства мостов и фортификационных работ¹⁵, но когда и при каких обстоятельствах турецкий архитектор был направлен в Бендеры, мы не знаем. Исследователь А.Х. Тораманян считает присутствие восьмигранной башни обязательным элементом стиля армянских зодчих. Подобная Бендерской восьмигранная башня имеется и в Белгород-Днестровской крепости. Впервые такая характерная особенность строительства, утверждает автор, встречается в XI веке в Киликийской Армении в крепости Ламброн, причем ее восьмигранная башня, имела такую же восточную направленность, что и в крепостных сооружениях Молдовы¹⁶.

Но и это косвенное свидетельство об авторстве Синана можно принять с известной долей сомнения. Шести- и восьмигранные угловые и отдельно стоящие башни были характерны для фортификационного искусства всего средневековья. Подобные башни известны в Болгарии, Сербии, Италии,

Крыму. К примеру, при перестройке крепости Смедерево (Сербия) в 1480 г. турки возвели по ее углам три восьмигранные башни¹⁷.

Нет сведений о том, как строилась крепость, кто участвовал в ее сооружении. Молдавские и польские летописи ничего нам не сообщают об участии малочисленного местного населения в строительных работах, хотя такое событие, если бы оно состоялось, наверняка могло найти свое отражение.

Более приемлемым представляется другой вариант: участие в строительстве Бендерской крепости кочевых турецких племен юрюков. Именно в первой половине XVI века юрюки появились в окрестностях Бендер¹⁸. В военных походах турецкой армии они использовались в качестве своеобразных саперных войск: возводили крепостные сооружения, строили мосты и выполняли другие вспомогательные функции. Как раз в это время отмечено их участие в реконструкции Очаковской крепости и строительстве новых оборонительных сооружений¹⁹.

* * *

Специалистов, в первую очередь военных историков, при изучении крепостных сооружений всегда ставила в тупик первоначально крайне низкая степень защищенности Бендерской каменной цитадели от огневой мощи артиллерии. Отсюда их предположения о предшествовавшем крепости существовании генуэзского замка (или небольшой молдавской крепости) и дальнейшей его перестройке турками²⁰. Возможно даже, что нижняя часть крепости была построена позже верхней. Слишком уж легкой добычей были Бендеры для молдавского войска, казацких дружин и польских отрядов в течение всего XVI века. О военных событиях мы подробно еще поговорим в отдельной главе. Сейчас лишь можно с уверенностью утверждать, что турки сначала рассматривали выстроенные сооружения только как заказанный татарами замок, не приспособленный для защиты от осадной артиллерии и установки в нем пушек. Немногочисленная артиллерия в татарских войсках появилась лишь в середине XVI века²¹. Более позднее решение превратить замок в крепость и настоящий форпост Османской империи созрело под невиданным натиском молдавских, украинских и польских отрядов, когда порознь, когда совместными усилиями, неоднократно предававших огню крепость и ее окрестности.

Первые попытки совершенствования оборонительных сооружений относятся ко второй половине XVI века. В целях укрепления переправы через Днестр и защиты цитадели на ее дальних подступах в 1579 году, несмотря на усиленные протесты поляков, турки соорудили новую небольшую крепость на левом берегу реки, мотивируя это необходимостью обороны от казаков²². Подобная практика строительства Османской Портой небольших крепостей-спутников наблюдается в течение всего XVI века. И.Г. Киртоагэ

справедливо увязал с этим событием происхождение названия села Парканы²³. Этот топоним, распространенный в Молдове и на Украине²⁴ и означающий «забор», «изгородь», «небольшое укрепление», имеет тюркское происхождение²⁵. Лингвистические выводы М. Фасмера подтверждаются документальными источниками. При описании завоевательных походов Сулеймана и обозначении небольших крепостей турецкими летописцами довольно широко применялся термин «паркан». Восхваляя доблести армии султана и его везиров, хронисты упоминают о взятии «паркана Орадя», «паркана Сольник»²⁶, «паркана Тимишоары»²⁷. Отвоенная у венгров крепость Татар-Хисары впоследствии переименована в Паркан²⁸.

Как видим, топоним «Паркан» зародился на левом берегу Днестра намного раньше появления здесь одного из крупнейших ныне сел Молдовы и его первых поселенцев²⁹. Появляющиеся в неспокойном средневековье топонимы поражают своей живучестью. Поселения появляются и исчезают, но название местности сохраняется иногда веками. К примеру, Парканы и другие приднестровские села в течение XVIII века несколько раз прекращали свое существование после татарских набегов, но снова и снова возрождались из пепла, сохраняя свои старые названия. Сооружение укрепленной башни напротив Бендерской крепости вызывало серьезное беспокойство молдавских господарей и королей Польши, видевших в этом акте демонстрацию Турцией своих намерений закрепиться в регионе и создать плацдарм для новых аннексий. В июле 1583 года 8000 казаков и около 2 тысяч поляков с одобрения польского правительства атаковали Бендеры и полностью разрушили крепость на левом берегу Днестра³⁰. Впоследствии турки все же продолжили успешное освоение левобережной территории. Некоторые защитники гарнизона, обремененные семьей, имели там земельные угодья и постройки³¹. Район переправы находился под усиленной охраной и укреплялся оборонительными сооружениями. На одном из планов Бендерской крепости начала XVIII века на левом берегу обозначены укрепления, небольшие сооружения, обнесенные земляным валом. На плане подпись – «Караулка»³².

И самой Бендерской крепости в 1583, а затем в 1584 и 1587 гг. был нанесен ощутимый урон. О сожжении города и крепости сообщают Г.Уреке³³, польские хронисты, европейские путешественники³⁴. После значительных разрушений 1587 года турецкий султан в очередной раз отправляет молдавского господаря на восстановление Бендерской крепости³⁵.

В начале XVII века турки занялись основательным переустройством крепостных сооружений. Вероятно, тогда же были достроены и утолщены стены и башни цитадели, на что обратили внимание в своих изысканиях в крепости такие профессионалы в своем деле, как офицер Главного штаба российской армии А.И. Защук³⁶ и архитектор В.А. Войцеховский. Именно к этому времени следует отнести и появление земляной крепости. Еще на дальних подступах к каменной цитадели появились глубокие рвы, служившие одновременно и защитой для горожан, поселившихся под стенами крепости.

Итальянский путешественник Николо Барсив 1639 г. сообщает о том, что город Бендер укреплен мощными стенами с глубокими рвами и большим количеством артиллерии³⁷.

Описание земляной крепости оставил нам и Э.Челеби. «Большой пригород, – писал турецкий путешественник, – со всех сторон окружен отвесным рвом. Повсюду в нем имеются колодцы с толстыми срубами и караульные помещения»³⁸.

* * *

Кардинальная реконструкция Бендерской крепости состоялась в начале XVIII века, когда Турция почувствовала реальную опасность, исходящую от молодой Российской империи, настойчиво рвавшейся к Черному морю. С потерей турками Азова стремительно выросло военно-стратегическое значение крепости на Днестре. Бендеры стали резиденцией силистрийского бейлербея.

Под руководством французских инженеров³⁹ началась гигантская стройка, занявшая почти все первое десятилетие XVIII века. В начале 1705 года русский посол в Турции П.А.Толстой доносил Петру I о том, что султан послал в Бендеры одного из опытейших своих чиновников – великого визиря Юсуф-пашу, господарей молдавского и валашского, румелийских тимариотов, а также и «других служилых людей из Румелии под предлогом перестройки Бендерской крепости»⁴⁰. О значительной реконструкции защитных сооружений в начале XVIII века сообщают и турецкие источники⁴¹.

Об этом серьезном событии в жизни Бендерской крепости сохранились сведения и в молдавских хрониках. Ион Некулче подробно рассказывает о том, как молдавские бояре, выполняя поручение турецкого пашы, организовали доставку в Бендеры камня и леса из Оргеева и Лапушны. Весной 1707 года, по свидетельству хрониста, в Бендеры приезжает господарь Антиох Кантемир со всеми боярами, которые, собрав тысячи крестьян, по поручению Порты руководили строительными работами⁴². Другой летописец, Николай Костин, так же сообщает об участии в земляных и транспортных работах десятков тысяч молдаван и валахов, оторванных от дома, от своей земли и гнувших спину на крутых крепостных валах до глубокой осени⁴³.

Камень-известняк, вероятно добывался в Варнице и в Бычке, на левом берегу Днестра. На картах начала XVIII века обозначена новая переправа чуть севернее крепости к тому месту, где и поныне находятся остатки действовавшего несколько столетий каменного карьера. Однако в качестве строительного материала широко использовался и гранит, доставлявшийся, по предположению Ш.Чобану, из Добруджи или прибрежных скал местечка Косэуць Сорокского уезда.

Замысел капитального переустройства крепости заключался в создании целой системы верков (горнверков, кронверков, куврфасов и др.) и бастии-

онов, то есть фортификационных сооружений, максимально усложняющих противнику штурм крепости, особенно ее цитадели. На дальних подступах к городу также создавались земляные оборонительные укрепления, где несли службу турецкие дозоры, предупреждавшие о приближении противника.

Согласно господствовавшей в XVIII в. концепции фортификационного искусства главнейшей преградой, обеспечивающей защиту укрепления от штурма, являлся ров, стены которого были выложены камнем и оборудовались эскарпами – каменно-земляными заграждениями в виде крутого среза ската местности, обращенной к противнику. За каменным эскарпом были оборудованы оборонительные эскарповые галереи с бойницами для ружейной стрельбы и отверстиями для вытяжки пороховых газов. Противоположная часть рва, обращенная в сторону обороняющихся и представлявшая из себя также каменно-земляное заграждение, называлась контрэскарпом. Оборона крепости состояла из восьми каменно-земляных тупоугольных бастионов в верхней части и двух в нижней. Бастионы соединены между собой куртинами – укрепленными проходами. Впереди основных укреплений были выстроены горнверки-фортификационные постройки с двумя крыльями по сторонам, выложенные гранитом. Отсюда внутрь крепости вели подземные каменные галереи, снабженные вертикальными колодцами.

Помимо крепостных сооружений, были выстроены новая мечеть и роскошный дворец турецкого паши, поражавший современников своим великолепием, новые казармы, бани и другие постройки.

Сохранилось несколько описаний крепости после ее реконструкции. Спутники Карла XII, оставившие много воспоминаний о пребывании в Бендерах шведского короля, о крепостных сооружениях сообщают немного. Их, в основном людей военных, не удивляли новые бастионы и казематы Бендерской крепости, построенные по европейским образцам. Зато достаточно подробно один из современников Карла XII передает восточный колорит города: «Сверкающая башнями и постройками крепость господствует на реке, западнее находится сам город с опрятными домиками, с двумя хорошо укрепленными воротами и окруженный стеной. В центре города находится мечеть с минаретом, с галереи которого муэдзин (служитель мечети – Г.А.) истошными криками созывает народ на молебен. Все, кто пожелает войти в храм, обязаны снять обувь на входе, затем проходят босиком по полу, застеленному коврами, и бормочут молитвы... Под крепостью видны здания каменных бань с длинным залом, выложенных квадратными каменными плитами. Из красных труб поступает горячая вода на головы и тела купающихся. В этом зале выдаются колпаки на головы и полотенца. Банщик натирает мылом и жесткой мочалкой тела проходящих в баню. Регулярно, два раза в неделю, сюда в мужскую баню приходят также и женщины, которые обязаны заботиться о чистоте своего тела. Брадобреи бреют турок только в банях и лишь шею, груди и подмышками очень острыми бритвами, но не трогают бород и усов, которые являются национальной гордостью турок»⁴⁴.

Весьма живописно рассказал о городе и крепости австрийский купец Клееман, следовавший в 1769 г. из Вены в Крым. Судя по описанию, Клееман обозревал Бендерскую крепость с южной ее стороны и сетовал, что не может войти «внутри оной». «Сия крепость лежит посреди города, окруженная крепкими стенами, довольно возвышенными, около коей окопаны глубокие рвы». Клееман сообщает о том, что через ров к воротам крепости перекинуты подъемные мосты с решетками. «...Внизу на некотором расстоянии от реки сделан горнверк из высеченного камня, который покрыт возвышенным болверком⁴⁵. Валы, хотя земляные, но снабжены по вкусу турецкому турами (башнями – *Г.Л.*), между коими поставлены пушки. Сей горнвейк укреплен некоторыми рavelинами (укреплениями – *Г.А.*) и рвы нарочито широкие, вверху же и внизу гласиса (пологая земляная насыпь – *Г.А.*) сделаны двойные палисадники. Часть города лежит на высоте, окруженная хорошими стенами, покрытыми бастионами и крепостцами, и хорошим рвом. Та часть, которая находится на ровном месте, кроме огады, имеет бастионы, рavelины и широкий ров. Ворота же весьма толстые, хорошо сделанные из решеток. Самый город имеет свои предместья, и когда посмотреть со стороны Днестра, то оный представляет фигуру полумесяца»⁴⁶.

Как видим, французские военные инженеры большое внимание уделяли рвам, которые считались главной преградой для штурмующего крепость противника. После перестройки нижняя часть крепости получила вполне осмысленное самостоятельное значение. Под отвесной стеной верхнего замка был воздвигнут земляной вал, обеспечивший круговую оборону. Были воздвигнуты два бастиона, усиленные устроенным между ними и немного впереди кронверком – вспомогательной крепостной огадой с двумя крыльями. В отличие от верхних каменных рвов нижний был оставлен земляным. Как и везде, здесь также был оборудован гласис – пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости. Гласис возводился, как правило, для улучшения обстрела местности, маскировки и защиты укрепления.

Ров оставался сухим. Во время строительных работ на территории крепости несколько лет назад в северной ее части были обнаружены два параллельных оборудованных водовода. Но они прежде всего использовались не для заполнения рвов, а для снабжения крепости питьевой водой из близлежащих озер. Серьезного значения они, вероятно, не имели, так как в некоторых описаниях путешественников сообщается о том, что горожане брали воду из Днестра. Нижние ворота крепости так и назывались «водяными». Для обеспечения резервных запасов воды турецкий гарнизон располагал огромной цистерной емкостью в 25 тысяч ведер⁴⁷.

В отличие от крепостных сооружений внутренние постройки (мечети, бани, казармы, склады и пр.) носили хаотичный характер и удивляли современников своей бессистемностью и восточной экзотикой. После капитального строительства начала XVIII века внешний облик крепости фактически не изменялся до наших дней. Все остальные работы носили в дальнейшем

характер косметического ремонта или не затрагивали по крайней мере ее основных характеристик.

Привлекают внимание некоторые элементы оборонительных сооружений. Например, крепостные стены не монолитные. Они оборудованы специальными полыми вертикальными и горизонтальными каналами, выполнявшими сразу несколько функций. Крепость успешно выдержала два сильных землетрясения ноября 1821 г. Очевидцы разрушения остатков минарета в середине 1960-х годов утверждают, что его фундамент был заложен турками с учетом сейсмостойкости.

Особо следует сказать о подземных крепостных коммуникациях. По оборудованным каменным галереям защитники могли быстро добраться не только до бастаионов и цитадели, но и к дальним ретраншаментам – временным оборонительным сооружениям, воздвигавшимся перед крепостью. Некоторые из них довольно просторны. В сторону Каушан по подземной галерее мог без помех пробежать отряд шеренгами в 5–6 человек.

Тщательно маскировались ходы, ведущие за пределы крепости и предназначенные для внезапных нападений на противника во время ее осады и для разведок. Многие подземные ходы были выкопаны во время военных действий, особенно в 1770 г. Протяженность некоторых из них достигала нескольких километров.

Подземные сооружения впоследствии, в XIX в., доставили немало хлопот Бендерским жителям. Долгое время им позволялось строить «дома на капитальном фундаменте», затем разрешалось лишь после соответствующего разрешения коменданта Бендерской крепости⁴⁸, видимо, располагавшего схемой подземных ходов. Местная полиция была серьезно озабочена тем, что подземные лабиринты ловко использовались преступниками. К примеру, в ночь с 3 на 4 июля 1812 г. воры по одному из ходов пробрались под дом священника Успенской церкви Ивана Хаджия, проникли внутрь и вынесли имущество и деньги⁴⁹. В 1830-е годы в городе были организованы большие работы по засыпке «ям, оставленных еще от турок»⁵⁰, но в последующие годы, да и в наши дни, строители и просто горожане не раз натывались на эти своеобразные следы бывшего турецкого владычества.

Нельзя не упомянуть и об изображениях на камнях в рвах крепости. Если отбросить явно более поздние «художества», на камнях сохранилось много любопытных изображений. Вероятно, большинство из них следует датировать началом XVIII в., то есть временем появления крепостных рвов. Однако характер изображений, сложность рисунков (см. приложение) показывают, что камни разного состава и разных размеров высекались мастерами отдельно, а не на самой стене. Возможно, некоторые из них были извлечены из более ранних построек. Для серьезного анализа рисунков необходимо отдельное глубокое исследование.

Город-крепость был оборудован шестью воротами. В зависимости от направления выходящей из них дороги каждые из ворот имели свое название,

которое со временем изменялось вместе с политической ситуацией. К примеру, на «Плане крепости Бендеры», составленном в 1770 г., указаны ворота: «Стамбульские или Цариградские, Ордынские, Варницкие, Каменецкие, водяные, Табацкие». Из нижнего замка к Днестру можно было пройти через «малые водяные ворота»⁵¹. В других документах упоминаются «Яские», «Измаильские», «Кишиневские» ворота.

Вот каким увидел пока еще турецкий город Бендеры после двух русско-турецких войн русский писатель и общественный деятель Павел Сумароков 2 августа 1799 года: «Ночевав в Тирасполе, я отправился на другой день к Бендерам, которые на 7 верст отсюда отстоят. Вскоре показались вдали белеющие его здания и оные по приближению час от часу более открывались. Потом, когда я приехал к урочищу Парканы, ... то оный (город Бендеры – Г.А.) представился глазам моим не далее 50 сажен (около 80 метров – Г.А.), как бы был отдален одною широкою улицею, и на той стороне не только рассмотреть все лица, но даже и разговаривать с выходящими турками возможно. Сей знаменитый город имеет свое положение на самом Днестре, который, протекая подле его прямою линией при обоих его концах, загибается внутрь России. Каменные стены, от самой воды до поверхности горы воздымающиеся, ограждают обширную его крепость и обещаю ее непобедимость. Внутри оной видны разукрашенные мечети, высокие минареты, многие азиатского вкуса строения, дом паши, загородный его с беседками сад, и форштадт (предкрепостные сооружения – Г.А.), к ней с левой стороны прилегающий. Мусульманки с закрытыми лицами прохаживались по берегу, и множество турок выезжало из крепостных ворот по каменному скату с бочками к Днестру за водою... Поновленные на стенах повреждения от российских баталий напоминают двукратное им овладение от наших героев»⁵².

К сожалению, восхищенные эпитеты П. Сумарокова дают нам не очень существенные сведения о самой крепости. Однако мы располагаем несколько более поздней информацией, пусть не очень подробной, но данной военным специалистом. Участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг. граф А.И. Ланжерон, француз, находившийся на русской службе, дал не слишком лестную оценку оборонительным сооружениям Бендерской крепости: «Бендеры расположены на правом берегу Днестра, окружение его довольно правильно, валы облицованы камнем и сделаны по новейшему способу, но они не имеют ни прикрытого пути, ни откосов, а иные куртины были так непомерно велики, что даже с бастионов нельзя было производить перекрестного огня. С другой стороны Днестра на русской территории имеется командующая высота, поставленная на которой одна батарея могла бы сокрушить турецкий город, а тем более дом самого паши и его внутренние апартаменты»⁵³.

Действительно, Бендеры никогда не выполняли сугубо военную функцию. Даже после капитальной реконструкции начала XVIII столетия город-

крепость вновь стал обрастать хаотичными постройками пригородов, мешавшими соблюдению всех правил фортификации. Весьма существенным является описание крепости одним из царских чиновников П.П. Свиныным в 1816 году, то есть до начала русскими больших строительных работ. Он сообщает, что крепость «имеет 10 бастионов, обведенных глубоким рвом, 11 башен, в замке 6 каменных ворот и 4 моста... Внутри крепости было при турках множество строений, как домов, так и лавок, заключавшихся в тесных улицах, но по выходе их почти все строения сломаны, причем разрушен и великолепный дворец паши. Из оставшихся за тем существуют ныне следующие: 4 каменных провиантских магазина, 1 пороховой погреб, 2 артиллерийских цейггауза, 3 мечети, из коих одна превращена в российскую церковь во имя св. князя Александра Невского, а другие в магазин и гауптвахту, 2 кордегарии (караульных помещения – Г.А.), 30 плетневых ветхих домов, занимаемых ныне гарнизонными штаб- и оберофицерами, и 5 солдатских казарм»⁵⁴.

* * *

После размещения в 1806 году в крепости российских войск на территории и вокруг нее произошло много изменений, которые, однако, не затронули стен самой цитадели и бастионов. Условно перестройки XIX века в крепости можно разделить на несколько этапов:

1. Ремонтно-восстановительные работы периода военных действий русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

2. Плановое капитальное переустройство крепости 1814–1840-е гг.

3. Массовое оборонительное строительство периода Крымской войны 1854–1855 гг.

4. Работы после упразднения крепости. 1890-е гг.

Согласно «Летописи Бендерской крепости», составленной А.И. Защуком, перестройки начались уже в 1807 г. с капитального ремонта янычарских казарм, дома паши и ряда других строений⁵⁵.

Данные А. Защука подтверждаются и архивными документами. По приказу главнокомандующего Молдавской армией А.А. Прозоровского коменданту Бендерской крепости население города и близлежащих сел в порядке натуральной повинности стало выделять с весны 1808 года необходимое количество подвод и людей для «разломания домов и строений в негодность пришедших» и вывозки строительного мусора⁵⁶.

23 мая 1811 г. был принят царский рескрипт о создании в бывших крепостях Бессарабии гарнизонных артиллерийских команд. Бендерская, Измаильская и Аккерманская крепости были причислены к крепостям 2-го класса. Но уже 18 июля того же года российский император Александр I подписал указ считать Бендеры крепостью 1-го класса, и на ее капитальное переоборудование были выделены значительные средства. К примеру,

лишь в июле 1814 года из губернских фондов было выделено 5000 рублей на «фортификационные работы»⁵⁷.

Одна из бывших при крепости турецких мечетей была переоборудована под церковь. По велению молдавского митрополита начался сбор пожертвований на ее благоустройство, однако средств от истощенного войной немногочисленного населения поступало мало. Осенью 1813 г., идя навстречу ходатайствам священнослужителей и прихожан, правительство Бессарабской области выделило крепостной церкви недостающую сумму⁵⁸. Крепостная церковь Александра Невского находилась в 30 метрах западнее цитадели и представляла из себя каменное двухэтажное здание, крытое черепицей. В церкви в качестве трофеев хранились турецкие знамена. Перед ней командование гарнизона устраивало военные парады⁵⁹.

Однако уже в 1822 году Бендерское инженерное управление ходатайствовало о выделении средств на постройку новой крепостной церкви. Ее строительство растянулось до 1833 года⁶⁰.

Капитальное переустройство крепости началось с ремонта башен верхнего и нижнего замка и арсенала. Согласно распоряжению командования на расстоянии до 300 саженей (то есть около 500 метров) вокруг крепости не должно было находиться никаких гражданских построек. Все хаотично разбросанные и ветхие церквушки были снесены, и южнее крепости с 1814 года началась плановая застройка города Бендеры. Первым было возведено новое здание Святоиколаевской соборной церкви⁶¹. С переселением форштадта из-под стен крепости связано и появление нового села с характерным названием Протягайловка (то есть «протянутое», «перетянутое» от города), ставшего затем пригородом Бендер.

В последующие годы, помимо ремонтно-восстановительных, были проделаны следующие строительные работы:

1819 г. – построены 2 кордегардии⁶², главная гауптвахта, склады.

1821 г. – капитальное переустройство порохового погреба и строительство трех люнетов (укрепленных рвов) для прикрытия крепостных ворот. Через эти люнеты были построены мосты.

1821–1823 гг. – вокруг стен цитадели выстроены «полисадные сараи»⁶³.

1834 г. – завершение строительства трехэтажной оборонительной казармы.

1845 г. – начата постройка госпиталя 1-го класса⁶⁴.

В связи с ростом военно-технического прогресса и по причине отдаленности от новых российских границ Бендерская крепость постепенно теряла свое стратегическое значение. Ее все чаще стали использовать для размещения войск и складирования военного имущества.

19 мая 1834 года через Бендеры в Одессу на встречу с генерал-губернатором М.С. Воронцовым проезжал известный в европейских военных кругах военачальник герцог Рагузский Огюст Мормон. Любопытна оценка

крепости, данная 60-летним французским маршалом, прославившимся еще во времена императора Наполеона. «Во время моего проезда, – вспоминает маршал Мормон, – занимались ее поправкой. Впрочем, не худо сохранить такую маленькую крепость как Бендеры: она оберегает магазины (склады – Г. А.) и может служить опорой и убежищем для рассеянных войск, в случае какого-нибудь замешательства в этой стране, обширной и недавно приобретенной⁶⁵».

Гигантские работы по совершенствованию оборонительных укреплений были проведены во время Крымской войны 1853–1856 г. Первые неудачи русской армии создали реальную возможность ведения военных действий на территории Бессарабии. 21 марта 1854 г. был подписан императорский указ о переводе Бендерской крепости на осадное положение⁶⁶. В порядке военной натуральной повинности к бендерам было стянуто огромное количество людей со всех уездов Бессарабии и Тираспольского уезда Херсонской губернии⁶⁷. Достаточно сказать, что только из одного Кишиневского уезда прибыло 6000 рабочих и 3300 пароволовых подвод⁶⁸.

Крестьяне работали в сложных погодных условиях. 24 марта над Бессарабией пронеслась сильная буря⁶⁹, резко похолодало, начался весенний паводок. Местное население было в основном задействовано на больших земляных работах по возведению люнетов – еще одной полосы оборонительных сооружений перед крепостью. Люнеты представляли собой укрепления из земляных валов с вырытыми рвами впереди. На пути одного из люнетов оказалось село Липканы. 24 октября 1854 г. Николай I подписал указ о переселении части липканцев в пустые Бендерские дома, а для остальных выделил безвозмездную ссуду в размере 25 рублей каждому хозяину на строительство домов в Новых Липканах⁷⁰.

Вторым важным объектом, на котором были задействованы крестьяне, стало возведение земляных дамб по обоим берегам Днестра. Благодаря им Одесско-Кишиневская почтовая дорога была значительно приподнята, и теперь ей не угрожали ежегодные разливы реки. Через Днестр были наведены два плавучих моста на галерах. Впоследствии один мост был разобран, а другой передан в гражданское ведомство⁷¹. После существовавшей до тех пор ненадежной паромной переправы это был серьезный шаг вперед.

Из других построенных крупных объектов можно выделить предмостное укрепление на левом берегу Днестра и новый пороховой погреб на 1300 пудов⁷². Кроме того, было проделано много вспомогательных и ремонтных работ по всему периметру крепости. Военная повинность крестьян растянулась до конца 1855 года. Работавшие обязаны были меняться через каждые две недели, но часто, не получив из своего села подмену, задерживались и по месяцу⁷³.

Несмотря на проделанную огромную работу, стратегическое значение Бендерской крепости в дальнейшем оценивалось военными специалистами крайне низко. Это было связано как с общим развитием военного искусства

и наступательного вооружения, прежде всего артиллерии, так и с индивидуальными особенностями данного объекта, получившего в 1880-х годах статус крепости всего лишь 3-го класса.

5 февраля 1894 года в Санкт-Петербурге под председательством военного министра состоялось Особое совещание, рассмотревшее вопрос «О крепостях Керченской и Бендерской». Ведущие российские военные специалисты на основе доклада командования Одесского военного округа пришли к единодушному мнению об упразднении Бендерской крепости. «Крепость находится на второстепенном театре военных действий, – отмечалось в постановлении совещания, – имеющиеся верки и артиллерийское вооружение не соответствует современным требованиям. Она утратила свое стратегическое значение... Оборонительные средства крепости неудовлетворительны и по причине нахождения вблизи от нее к западу, командных высот. В связи с этим крепость не сможет даже обеспечить в случае военных действий обороны переправы у Бендер через Днестр»⁷⁴.

Военное совещание отвергло предложение командования Одесского округа о превращении Бендерской крепости в крепость-склад, ссылаясь на тесноту помещений и близость к границе. Решения Военного совещания прозвучали как приговор. И все же вопрос о дальнейшей судьбе крепости не был закрыт. В апреле того же года в Бендеры приехали офицеры Главного штаба и Одесского военного округа, которые после тщательного рассмотрения на месте всех «за» и «против» все же рекомендовали «превратить Бендерскую крепость в склад для хранения необходимой материальной части»⁷⁵. Было предложено также оставить за крепостью функции по охране железнодорожного моста, построенного в январе 1871 г.

Ровно через год, 5 февраля 1895 года, Особое совещание при военном министре постановило:

1. Верки (оборонительные сооружения) сохранить и содержать в исправном состоянии.

2. Хранить в крепости 104 артиллерийских орудия со всей материальной частью и боевым комплектом, а также иметь 54 орудия для вооружения предмостного укрепления.

3. Оставить в Бендерах 1 роту крепостной артиллерии.

4. Содержать по-прежнему склады с особым запасом шанцевого инструмента на случай военных действий.

Согласно решению Особого совещания у юго-восточного бастиона в непосредственной близости от железнодорожного моста на правом и левом берегу Днестра были построены два блокгауза и особая караулка под самим мостом⁷⁶.

Сооружение перечисленных оборонительных объектов было последним в истории Бендерской крепости.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КРЕПОСТИ В XVI–XVII ВЕКАХ

Вводом войск в Бендеры Османская империя продолжила свои действия по созданию военно-политических плацдармов в Северном Причерноморье. Сохраняя внутреннюю самостоятельность Молдовы, Валахии и Крымского ханства на правах вассальных территорий, Турция в то же время последовательно овладевала важнейшими в стратегическом и торговом отношении пунктами Кафой (1475 г.), Килией и Белгородом (1484 г.)¹. Современный французский ученый Ш. Лемерсье-Келькеже считает, что Бендерская крепость стала важным звеном системы оборонительных сооружений, «возведенных османами в конце XV и в начале XVI вв. для защиты находящихся в ленной зависимости Дунайских княжеств Молдавии и Валахии»². По его мнению, крепость Бендер была воздвигнута турками для непосредственного контроля территории Бессарабии (Буджака) и переправ на Днестре. Некоторые сомнения вызывает фраза из его статьи: «... Начиная с 1491 г. турки возвели здесь мощную крепость Бендер (Tuagin, по-румынски Tighina)»³. Ш. Лемерсье-Келькеже не указывает источник такой информации. Вероятно, французский историк не учел существование двух Тягинов – на Днестре и Днестре. Но общие выводы, основанные на анализе огромного числа документов из Стамбульских архивов, о присутствии турок в Тигине уже в конце XV века не могут не привлекать внимание к работе этого ученого.

Расположив военный гарнизон в Бендерах, Турция начала формировать вокруг них новую райю (дословно с арабского – «стадо») – непосредственно подчиненную своему управлению территорию. Однако вскоре Османской империи пришлось умерить свои аппетиты, и после восстания молдавских бояр, а также политического демарша Польши Бендерская райя была ограничена небольшой приднестровской территорией между реками Бык и Ботна. Впрочем, под «райей» обычно подразумевалось податное немусульманское население. Румынский историк М. Максим подчеркивает, что в XVI веке мы еще не встречаем в турецких документах ни термина «райя», ни термина «пашалык»⁴. Зато в документах встречается «санджакбейлик Бендер»⁵. В 1570 г. в Бендерский санджак входило 22 села⁶. В связи с частичной стабилизацией обстановки в Нижнем Поднестровье во второй половине XVI в. сложились все условия для возникновения города со смешанным турецко-татарско-молдавским населением. Впоследствии под стены крепости селились армяне, евреи, цыгане, болгары, сербы, русские старообрядцы и украинские «втикачи». Однако при всей привлекательности темы возникновения и развития средневекового города постарайтесь все же по возможности ограничиться лишь анализом событий, связанных непосредственно с крепостью.

Новая турецкая административная единица была создана после окончания строительства оборонительных укреплений⁷. Дословно с турецкого *санджак* означает «знамя». Руководитель *санджака* *санджакбей* был обязан в случае военного похода выступить по приказу Порты с определенным количеством местного войска под своим отдельным знаменем. Несколько *санджаков* составляло *эйялетт* – наиболее крупную военно-административную единицу Османской империи. *Эйялетами* управляли *бейлербеи* или *везиры*, имевшие титул *паши*. *Бендерский санджак* вошел в *Силистрийский эйялет*.

Саму крепость возглавлял *диздар* – военный комендант. В мирное время в крепости располагался гарнизон в 500 человек⁸. Но в период военных действий концентрация войск в крепости многократно увеличивалась. К примеру, Э.Челеби в 1657 г. сообщает о девятитысячном гарнизоне *Бендерской крепости*⁹.

Какую роль отводила Турция *Бендерам* как военному объекту? В одном из дошедших до нас восточных средневековых трактатов о военном искусстве выдвигаются следующие требования к крепости: «Самая мощная и неприступная крепость – это та, что расположена на вершине горы и окружена башнями и зубчатой стеной. Кроме того должен быть там ров, наполненный водой с мостом над ним, и по дороге к крепости должны быть леса и болота или песчаные места»¹⁰. Как видим, *Бендерская крепость* не в полной мере соответствовала существовавшим стандартам. Степная зона позволяла противнику в многих случаях беспрепятственно подходить под самые стены крепости. На Днестре выше *Бендер* имелись удобные для войск переправы. Первые десятилетия существования *Бендерской крепости* показали заметную уязвимость и необходимость дальнейшего совершенствования оборонительных сооружений.

Крымское ханство играло особую роль в восточно-европейской политике Турции. Фактически оно стало выполнять функции *жандарма Османской империи* с целью наказания непокорных вассалов и противодействия двум мощным государственным образованиям Восточной Европы – *Московскому* и *Польско-литовскому*. Время от времени эти соперничавшие между собой государства объединялись на *антитурецкой* или *антикрымской* основе¹¹, однако чаще старались независимо друг от друга решить сложную *турецко-татарскую* проблему. Длительное время Польша пыталась мирно сосуществовать с *Османской империей* и *Крымским ханством*, даже выплачивая последнему унизительную дань¹² и часто жертвуя интересами своего бывшего вассала – *Молдавского государства*. И все же, несмотря на это, набеги татар и регулярные экспедиции турецких войск не обеспечивали безопасности польских границ.

Для России падение *Золотой Орды* также не означало окончания многовековой борьбы с кочевниками. Особой активностью отличалось *Крымское ханство*, считавшее себя преемником империи *Чингисхана*. К примеру, в 1571 г.

крымский хан Девлет-Гирей захватил и сжег Москву, а в следующем году вновь перешел р. Оку¹³. Эффективной формой сопротивления регулярным опустошительным набегам татар оказалось создание казачьих формирований, возникших стихийно в ответ на беспомощность восточноевропейских монархий. Основным контингентом образовавшейся в низовьях Днепра казачьей республики стали выходцы из России, украинских земель, Молдовы и других православных государств самого разного происхождения¹⁴, «Воинам степей» - татарам были противопоставлены такие же профессионалы военного дела с такой же примерно тактикой военных действий. Казачьи мобильные отряды оказались эффективнее ополчений, собираемых время от времени средневековыми европейскими государствами для борьбы с татарскими набегам.

Среди ученых до сих пор не затихают споры о роли и месте казачества в средневековой истории. Не втягиваясь в дискуссию, все же постараемся избежать крайних точек зрения: с одной стороны, чрезмерной идеализации казачьей вольницы, особенно в ее борьбе с Турцией, а с другой – не будем представлять казачьи ватаги лишь как «шайки разбойников». Как и многие исторические явления, казачество также прошло этапы «зарождения», «расцвета» и «упадка». Поэтому нельзя рассматривать тот или иной поход казаков вне конкретных исторических условий, без определения причин этих походов и их результатов.

Строительство турками каменной крепости на Днестре коренным образом меняло политическую обстановку в регионе. На долгие годы Бендерские укрепления стали серьезным раздражителем не только молдавских господарей, но и польских королей и шляхтичей, чьи владения начинались в нескольких десятках километров от Бендер. Стремительные казачьи отряды, когда в одиночку, когда во взаимодействии с войсками Молдовы и Польши чуть ли не ежегодно прибывали под стены Бендерской крепости, поджигали город, грабили окрестные турецкие, татарские, а часто и молдавские села, и уходили с богатой добычей на Украину.

Укрепление Турции на берегах Днестра и потеря значительных земельных владений прудо-днестровского междуречья заставили молдавское боярство мгновенно отреагировать убийством турецкого ставленника Штефана Лакусты и штурмом только что отстроенной Бендерской крепости¹⁵. В нападении на нее зимой 1540 года участвовал и отряд казаков¹⁶. Между турецким султаном и польским королем началась оживленная переписка с обоюдными жалобами на действия татар и казаков. Сулейман Великолепный в письме Сигизмунду I от 10 апреля 1541 г. признал факт нападения белгородских татар на польские владения. В то же время он настаивал на необходимости соблюдения «давнего соглашения, заключенного между нами...Ради этого, – сообщается в письме, – мы послали беям и кадиям нашим строгий наказ в том, чтобы все возникшие дела они обстоятельно рассматривали...». В этом же письме мы находим и подтверждение факта

нападения на крепость: «...Недавно некоторые разбойники из молдавских подданных подняли голову и убили своего воеводу (Штефана Лакусту – Г.А.) и, находясь в сговоре с некоторыми лицами из вашего королевства, напали совместно на многие села в окрестности Белгорода и Бендер, убивая людей, забрав овец и другой скот и разграбив множество другого добра, перешли в ваши владения¹⁷».

В связи с этим турецко-польским конфликтом и появились первые сообщения о возникшей на политической карте Юго-Восточной Европы новой крепости. Одно из наиболее ранних свидетельств – информация из Вены от 11 февраля 1541 г. о том, что турецкий султан Сулейман построил крепость на границе Молдовы с Польшей¹⁸. О появившейся крепости и ее неудачном штурме молдавским войском докладывал и агент венгерского короля Фердинанда И. Ласки в двух своих рапортах: от 13 и 30 марта 1541 г.¹⁹. Разгромив турецкие и татарские отряды в окрестностях Бендер, объединенный отряд молдаван и казаков победоносно прошелся до Аккермана (Белгорода-Днестровского)²⁰, но впоследствии был оттеснен турками на Украину.

В казачьих набегах не стоит искать какой-то системы. Они совершались от случая к случаю, когда очередной гетман или кошевой атаман, желая утвердиться в глазах казачества, давал команду о совершении очередной авантюры на берегах Дуная и Днестра. Часто казацкие отряды привлекались в качестве наемников в молдавскую или польскую армии и оказывали существенное влияние на исход боевых действий.

В 1574 г. Бендеры снова оказались в гуще военных событий. На борьбу с могущественной Османской империей поднялся молдавский господарь Ион-водэ Лютый (1572–1574). «История не знала столь маленького и одинокого народа, который так безбоязненно вызвал бы на смертельную борьбу более сильного врага!»²¹ – восхищенно писал об этом событии Б.П. Хаждэу, автор уникального произведения – исторической повести «Ион-воевода Лютый», ставшей классикой молдавской и румынской литературы.

После успешных военных действий под Бухарестом и Брзилой молдавско-казацкие войска, разгромив в Буджаке большой татарский отряд, ударили по Бендерам, заняли посад, но крепость устояла²². Ион-водэ Лютый не стал тратить силы на штурм крепости, а расположился недалеко от нее, фактически заперев турецкий гарнизон и отрезав его от внешнего мира. На помощь Бендерской крепости был послан десяти тысячный отряд из Аккермана. Опасаясь вылазки с тыла, молдавское войско осталось в лагере, а турецкий отряд был уничтожен казаками И. Сверчевского, имевшего в подчинении всего 1200 человек. Когда же к лагерю под Бендеры по Днестру прибыл на 25 лодках-чайках отряд казаков во главе с Покотило, молдавский господарь поручил ему совершить налет на Аккерман. Однако впоследствии молдавско-казацкое войско во главе с Ионом-водэ Лютым и И. Сверчевским покинуло лагерь под Бендерами и в июле 1574 г. после нескольких дней неравной борьбы с превосходящими силами турок потерпело поражение.

1570–1580-е годы ознаменовались почти ежегодными «визитами» казацких ватаг под стены Бендерской крепости. Ризван-бек, санджакбей бендерский в 1576 г. в письме польскому королю Стефану Ваторию жаловался, что «несколько разбойников» его королевства опустошили два села неподалеку от крепости²³. Украинские летописи несколько уточняют данную информацию, сообщая, что в этом налете участвовали «казаки винницкие и брацлавские», которые «спалили Тягиню»²⁴. Через год, в 1578 г., турецкий султан Мурат III (1574–1595) возмущался в письме Стефану Ваторию новым опустошительным набегом казаков²⁵.

Как упоминалось в предыдущей главе, желая укрепить Бендерскую переправу, в 1579 г. турки построили небольшую крепость на левом берегу Днестра, вызвав тем самым неудовольствие Польши и новую серию казацких набегов. Особенно опустошительным для Бендер и окрестностей стали походы 1583–1584 гг., когда казакам впервые удалось овладеть крепостью²⁶ и разрушить оборонительные сооружения как на левом, так и на правом берегу. Весной 1583 г. большой отряд казаков, направлявшийся сначала в Молдову, «свернул на турецкие города и разграбил их. Разгромили город Тягиню (Бендеры) и всю округу, забрали турецкие орудия и великую добычу. Казаки хвастали, что выручили с продажи 12 тысяч золотых»²⁷.

Несколько источников упоминают о казацком набеге в августе того же года. Г. Уреке указывает его точную дату: 7 августа 1583 года²⁸. События 1583 г. еще недостаточно изучены. Видимо, это был не кратковременный налет, а большая экспедиция казаков, поддержанная населением молдавских приднестровских сел. Во всяком случае к такому выводу можно прийти после информации турецкого летописца Мустафы Селаники: «Однажды воскресным днем на 22 день богоугодного рамазана (9 октября 1583 г. – Г.А.), когда бейлербей Румелии отдыхал в Силистрре, гяуры казаки, придя к крепости Бендер, совершили много подлостей...». Силистрийский бейлербей направил туда ополчение и 1500 янычар. «Дойдя со своими людьми до намеченного места, Джафар-паша согнул в дугу гяуров, приговорив предать дьявольскому огню тех, кто выступил против Бендер»²⁹. Польский король Стефан Баторий, опасаясь ответного нападения татарских отрядов, принял все меры, чтобы погасить конфликт. Он вернул Турции ценности и пленных, захваченных казаками под Бендерами³⁰. Фактически Османская империя осталась без своего форпоста на берегу Днестра, что вынудило ее принять экстренные меры.

В начале 1584 г. молдавский господарь Петр Хромой (правил трижды: 1574–1577, 1578–1579, 1582–1591) по приказу турецкого султана приступил к восстановлению разрушенных Бендерских укреплений. Насколько серьезными были разрушения, мы узнаем из рапорта от 3 апреля 1584 г. австрийского представителя при султанском дворе Эйзинга: «22 марта сюда пришли несколько молдаван с известием, что воевода Молдовы перестроил заново по плану крепость Бендер, которая прошлым летом была частично

разрушена казаками, и выделил все необходимое для ее вооружения. Вскоре после этого туда прибыли три галеры, доставившие до ста больших и малых орудий, триста боевых топоров и боеприпасы, а воевода получил в награду золотой кафтан и дорогую саблю, украшенную драгоценными камнями стоимостью в 5000 дукатов»³¹.

После окончания ремонтных работ Турция стала уделять Бендерской крепости большее внимание. Ее гарнизон был увеличен, недалеко от нее в боевой готовности находилось молдавское войско господаря Петра Хромого, верного слуги турецкого султана. Несмотря на это, казацкие набеги на турецкие крепости продолжались. Летом того же 1584 г. казаки вновь сожгли окрестности Бендер, и в октябре Петр Хромой вновь был вынужден приехать со своими людьми в крепость для ремонтных работ³². В следующем 1585 г. казаки совершают новую вылазку, а в 1586 вступают в сражение с объединенным молдавско-турецким войском и наносят ему ощутимые потери, к тому же ранив местного санджакбея. Правительство Османской Порты было вынуждено вновь сконцентрировать в Бендерах значительные силы, призвав сюда и войска господарей Молдовы и Валахии. 29 апреля 1587 г. австрийский посланник Эйзинг сообщает об очередном набеге: «Один из казаков попал в плен и пришел в Большой Диван (турецкое правительство – Г.А.), после чего принял магометанскую религию. Он принес известие о том, что он со своими товарищами и казаками численностью до 7000 пришли в Бендер и вывели оттуда сто турок и несколько тысяч овец»³³.

Уходя из Бендер, казаки подожгли город, и молдавский господарь вновь занялся ремонтом крепости. В 1588 г. турки присылают новые войска для защиты крепости и ее окрестностей, но и после этого казакам удалось опустошить 13 сел. В том же году состоялся еще один набег на Бендерский санджак, в результате которого были ограблены 4 села. Об этом сообщает турецкий чиновник в своем рапорте от 19 октября 1588 г.: «...Казаки численностью до 4 тысяч, придя к Бендеру, опустошили четыре турецких села и собирались направиться обратно с добычей, но стесненные ею, они замешкались на берегу, и турки нанесли им поражение, отбив добычу. Около 200 казаков было убито, остальные бросились в реку, где многие из них утонули. После этого казаки не появлялись. Татары в свою очередь истребили четыре польских села»³⁴.

Взаимные набеги казаков и татар превратили огромную степную территорию от Прута до Днепра в безжизненное пространство. И, естественно, каждая из сторон считала виновной лишь своего противника. Турецкий султан Мурат III в письме польскому королю Сигизмунду жаловался на то, что «на Аккерманской степи еще недавно паслись десятки гуртов баранов по 100 тысяч голов в каждом, а ныне от злостного наездничества казаков, из того числа осталась самая ничтожная лишь количественно»³⁵. В свою очередь Польша, Россия, Молдова и Валахия требовали от турецкого султана и крымского хана оградить их от многочисленных татарских набегов. Монах

Доминиканского ордена Жан де Люк, побывавший в начале XVII века в Крыму, дал следующую характеристику современной ему ситуации: «Татары обыкновенно воюют с поляками, русскими (в данном случае речь идет об украинцах – Г.А.), московитами, черкесами, молдаванами и венграми. Многих пленников обращают в рабство. Другого занятия, кроме войны, они не знают»³⁶.

Взаимные обязательства Турции и Польши обеспечить безопасность границ оставались лишь пустыми обещаниями. Казацко-татарская война шла своим чередом. Она превратилась для обеих воюющих сторон в значительный источник обогащения, но наносила огромный урон мирному населению не только причерноморских степей, но и сопредельных государств.

Казацкие набеги стали одной из причин обострения турецко-польских отношений. 22 февраля 1590 г. Мурат III посылает довольно резкое письмо польскому королю Сигизмунду III, в котором отказывается подтвердить с Польшей старый договор или подписать новый, «прежде чем разрушенные этими злодеями крепости вы не восстановите и не приведете в прежний вид, а мусульман с женами, сыновьями и дочерьми всех до единого не найдете, где бы они ни были». Видимо, Стефан Баторий отобрал у казаков только часть захваченных турецких трофеев, так как далее в письме султан требовал вернуть «все оружие и орудия, увезенные из наших крепостей на территорию его величества». В ультимативной форме Мурат III потребовал от польского короля уплаты за нанесенный ущерб ежегодной дани «в сто мер аспр»³⁷.

В ответ на карательную экспедицию турецко-татарских войск в Подолию в 1589 г. уже на следующий год казацкие чайки спустились по Днестру и под Бендерами вступили в перестрелку с турками. А в 1592 и 1593 гг. состоялись два новых опустошительных набега на Бендерские окрестности³⁸. Середина 1590-х годов ознаменовалась отчаянной борьбой Валахии и Молдовы с турецкими поработителями. Обычно враждовавшие между собой два братских государства на этот раз выступили вместе, и казавшиеся незыблемыми основы Османской империи стали содрогаться под ударами войск Михаила Храброго, а затем и долго колебавшегося Арона Тирана. В окончательном решении молдавского господаря примкнуть к антитурецкой коалиции не последнюю роль сыграл поход украинских казаков к турецким крепостям в Молдове. Объединенные отряды Лободы и Наливайко в 1594 г. несколько раз подходили к стенам Бендерской цитадели. Северин Наливайко позже в письме польскому королю докладывал о своих успехах «под Тягиною» и богатой добыче: «Взяли 4000 турков, туркень и татарок». Однако молдавский господарь Арон Тиран «дал 7000 людей в помощь неверным и гнал нас до переправы»³⁹. С. Наливайко скрыл истинные потери своего отряда, но по подсчетам М.С. Грушевского этот неудачный поход под Бендерскую крепость стоил жизни 1500 казакам⁴⁰.

Весенние стычки молдавских войск с казаками не помешали им объединить свои усилия против общего врага. В августе 1594 г. Арон Тиран присоединяется к антитурецкой «Священной лиге»⁴¹. Весной 1595 г. объединенное молдавско-казачье войско разгромило многотысячный турецко-татарский отряд Бендерского санджака, но штурм крепости закончился неудачей. «Город сожгли, пытались взять замок, но не смогли»⁴², – сообщает об этом С. Наливайко. Бежавший из Молдовы турецкий чиновник 19 апреля 1595 г. докладывал, что в армии Арона « были хорошие аркебузы (ружья – Г.А.), в Бендер молдаване благодаря подкопам взорвали все, остался стоять только замок, который еще сдерживает осаду... и не попал в руки врагу»⁴³. Из другого источника мы узнаем о значительных потерях со стороны нападавших. Один из информаторов, галицкий пахарник А.Тарановский предполагает, что при штурме погибло около 3 тысяч казаков⁴⁴. Итальянец Джованни де Марини Поли сообщает, что казаками и молдаванами под Бендерами было захвачено 96 пушек⁴⁵. Оставив небольшой отряд у крепости и тем самым обезопасив свой тыл на случай вылазок турок, объединенное войско направилось вниз по Днестру штурмовать другие османские крепости⁴⁶. «Казаки, венгры и молдаване предали огню все вокруг Тигины и Белгорода, – сообщает А.Тарановский, – до последней деревушки и превратили всю страну в пустыню – вдоль и поперек»⁴⁷. Однако вскоре невероятными усилиями турецко-татарским войскам удалось снять блокаду своих крепостей. В районе Бендер сконцентрировались значительные военные силы турецкого султана и крымского хана.

В конце XVI века значение Бендер в системе Османской империи заметно усилилось. Многие историки считают, что именно к концу XVI века окончательно сформировалось самостоятельное Бендерское санджакбейство⁴⁸. Турецкий наместник, санджакбей, становится официальным представителем султана, которому должен был подчиняться молдавский господарь, и нередко позиция санджакбея была решающей при снятии или назначении очередного молдавского монарха⁴⁹. В переговорах с польским коронным гетманом Яном Замойским в октябре 1595 г. бендерский санджакбей Ахмед-бек называет себя «пашой Молдовы»⁵⁰.

С прибытием польских войск в Молдову ситуация вновь обострилась. Чтобы лучше оценить ее, воспользуемся весьма ценной информацией польского разведчика Думитрашко Сырбу, присланной им из Бендер в октябре 1595 г.: «В Тигине – голод. В понедельник из города вышли 17 человек на 12 подводках с лошадьми и двое с волами про запас. Из них были четыре турка, остальные молдаване и сербы. Они были задержаны в Тогатине, селе в двух милях от Тигины. В четверг начался разлив реки. Рассказывают, что в пятницу вечером царь (имеется в виду крымский хан – Г.А.) переправился через реку у Тигины. С пятницы на субботу санджакбей в замке устроил прием хану и его брату калге (наследный принц – Г.А.) Гирею. Там находились всю субботу. В воскресенье утром хан направился из Тигины и остановил-

ся в полумиле от нее у озера Ботна, а санджакбей после этого, отправив подводы с орудиями, в полдень также прибыл к хану. Находящиеся здесь в крепости черкесы, слуги хана, рассказывают о том, что у хана имеется 60000 войска. Примерно такое число и я предполагаю. Есть довольно много пятигорцев (племен Северного Кавказа – Г.А.), есть и татары. Санджакбей имеет с собой 2000 кавалерии из Тигины, Килии и Белгорода. С ним также и 200 янычар с лошадьми и оружием. Возле хана я не видел янычар и не слышал о них. Он (хан – Г.А.) имеет с собой 5 пушек в Тигине, 4 в Килии, 4 в Белгороде и 2 орудия (вернул?) в Тигине. Каждое орудие имеет четырех лошадей, некоторые только трех. Ядра этих пушек имеют размер гусиного яйца. Для пушек имеется достаточно ядер и пороха. Говорят, что часть лошадей в этом войске хорошие и тучные, а часть очень плохие⁵¹.

Как видно из документа, вокруг Бендер сконцентрировались значительные турецко-татарские силы, которые вскоре двинулись вверх по Днестру. Однако после первых столкновений недалеко от Каменца обе стороны изъявили желание мирно разрешить конфликт. Из 18 страниц «Журнала экспедиции Я.Замойского в Молдову» добрая половина посвящена пребыванию и переговорам с турецко-татарской делегацией в польском лагере. Многочисленный войско крымского хана Гази-Гирея остановилось неподалеку от лагеря поляков. Переговоры начались 19 октября. Им предшествовали поездки из Бендер янычарского аги Мустафы и чауша Али-бея⁵². В «Журнале...» перечисляется состав бендерской делегации: санджакбей Ахмед-бек, военачальник Ахмед-ага, толмач (переводчик) Джантимир, отуреченный бендерский купец Федор (родом из Соколы), «пятый – молодой мурза, который был с Ахмед-агой»⁵³. От имени бендерского санджакбея коронному гетману Я. Замойскому была подарена роскошная турецкая шаль. Подробно описывается и торжественный обед, состоявшийся после переговоров, на котором высоких гостей угощали «малвазийским вином, водками анисовой и с корицей, сладостями и другими яствами». В свою очередь Я. Замойский подарил бендерскому санджакбею темно-вишневую накидку, обшитую зеленым атласом. На итоговом документе поставили свои печати санджакбей и крымский хан Гази-Гирей II, которому были оказаны самые высокие знаки внимания. Наблюдательные поляки заметили своеобразие взаимоотношений между крымским ханом и бендерским пашой: санджакбей стоял слева от хана в некотором отдалении, «а возле него стояли двое мурз – племянников хана «в парчовых одеяниях, а подле них стояло много разнообразно одетых турок»⁵⁴.

В документе отражен также весьма любопытный факт «братания» между татарами и поляками. После официальных переговоров «наши (поляки – Г.А.) менялись с татарами дарами..., и это продолжалось несколько часов»⁵⁵. 24 октября войско крымского хана отправилось в направлении Бендер и остановилось на р. Бык. Однако затеянная Я. Замойским «дипломатическая игра» закончилась полным крахом. Хотя Польша в результате

переговоров добилась занятия господарского престола своим ставленником И. Могилой, Молдова превратилась в плацдарм османской агрессии против Польши. Молдавский коридор обеспечивал турецко-татарским отрядам внезапность нападения на польские и украинские земли. С 1601 г. число набегов значительно возросло⁵⁶.

Изменение статуса Бендер, ставших центром санджака, характеризовало и новые турецко-татарские взаимоотношения. Во второй половине XVI в, в буджакские степи с берегов Волги после неудачной попытки строительства по указанию турок Волго-Донского канала⁵⁷ устремились многочисленные племена ногайцев. Оформилась новая воинственная Буджакская Орда с центром в Каушанах. Тем самым турки надеялись обеспечить заслон казачьим набегам, а с другой стороны держать в постоянном страхе как своих вассалов, так и приграничные страны. В начале XVII столетия ситуация вокруг Бендер не изменяется. Казачьи набеги продолжались, но теперь, как отмечает Ш.Чобану, они были направлены на татарские села⁵⁸. В 1606 г. казаки опустошают Буджак. В 1608 г. турки сообщают, что на короткое время Бендеры оказались в руках казаков.

Однако второе и третье десятилетия XVII века ознаменовались некоторым перевесом буджакских татар в их постоянном соперничестве с казаками. Это в первую очередь связано с их предводителем Кантемиром-мурзой, одно имя которого («кантемир» с татарского – «кровавый меч») приводило в трепет правителей приграничных территорий. Считавший себя его потомком, Д. Кантемир умалчивает о жестокостях мурзы во время набегов на Молдову, Польшу и Украину, зато мы узнаем от молдавского господаря любопытную подробность о том, что Кантемир-мурза получил от турок должность двухбунчужного бея, «имея в своих руках город Бендеры с окрестными степями»⁵⁹. В других источниках мы не находим подтверждения этого факта, однако известно, что в конце 1621 г. турецкий султан назначил Кантемира-мурзу на высокий пост силистрийского бейлербея⁶⁰. Возможно, в этом ранге предводитель буджакских татар избрал Бендеры местом своего пребывания.

В 1612 г. буджакская орда, двинувшись к Каменцу-Подольскому, сожгла по дороге более 30 селений. В начале сентября 1615 г. отряды крымского хана дошли до Львова⁶¹. Главной целью набегов был захват пленных, за которых татары получали от работорговцев солидное вознаграждение. В крымско-буджакских войсках имелись даже особые отряды, призванные стеречь пленных и другую добычу⁶².

В период появления весьма активного Кантемира-мурзы (умер в 1637 г.) казачьих набегов на Бендеры и окрестности не наблюдается. Лишенные такой возможности, запорожцы совместно с донскими казаками предприняли несколько успешных рейдов на Черном море⁶³. Попытки турецкого султана и польского короля совместно прекратить казацко-татарскую войну увенчались неудачей. К концу второго десятилетия XVII в. возникли серьезные

предпосылки для большой польско-турецкой войны. В сентябре 1618 г. силистрийский бейлербей Искандер-паша собрал в Бендерах военный совет, на который кроме турок, крымчаков и буджакцев были приглашены и господа Молдовы и Валахии⁶⁴.

Новый коронный гетман Речи Посполитой С. Жолкевский в 1619 г. разработал большой план военных действий, согласно которому намечалось захватить черноморское побережье, Белгород, Бендеры, Килию⁶⁵. Но разгоревшаяся Хотинская война началась с позорного поражения Польши в 1620 г. на полях Цуцоры (на берегу р. Прут вблизи Ясс) и трагической гибели командующего польской армией С. Жолкевского. Хотя в дальнейшем военные действия велись в районе Хотинской крепости, Бендеры были недалеким и тревожным тылом. В многочисленных документах, посвященных Хотинской войне, почти нет упоминаний о городе и крепости. Однако после ее окончания во время польско-турецких переговоров Бендеры встречаются не один раз. Согласно мирному договору от 9 октября 1621 г., Польша и Турция брали на себя взаимные обязательства по пресечению как казацких, так и татарских рейдов. «Чтобы на Черном море и слова «казак» слышно не было»⁶⁶, – отмечалось в первом же пункте договора. Приехавшая в Стамбул польская делегация во главе с К. Збаражским добивалась конкретизации второго пункта договора, где речь шла о татарских набегах. В связи с тем, что местные беи, в том числе и Бендерский, часто совершали самостоятельные вылазки на польские и украинские земли без ведома султана, а также потворствовали татарским отрядам, К. Збаражский настоял на том, чтобы включить в договор упоминание об обязательствах беев не только Очакова, но и «Добруджи, Аккермана, Тегина» (поляки по-прежнему называли Бендеры «Тегиней») пресекать татарские набеги со своих территорий⁶⁷. В договоре несколько раз упоминаются «тегинцы», то есть татары, живущие вокруг Тигины (Бендер): «Ни молдаване, ни татары добруджские, белгородские, тегинские, килийские, очаковские, крымские не должны причинять какой-либо ущерб замкам, городам, селам, скоту, имуществу в землях короля и Речи Посполитой»⁶⁸.

Кроме того, польской делегации, прибывшей в Стамбул, было поручено добиваться смещения предводителя буджакских татар Кантемира с поста бейлербея Силистры⁶⁹. Назначение его на этот пост уже после подписания договора от 9 октября 1621 г. означало для поляков крушение надежд на спокойствие своих границ. Наши предположения о резиденции Кантемира-мурзы в Бендерах косвенно подтверждаются и текстом польско-турецкого договора, где в пункте 20 мы читаем: «Силистрийский и белгородский беи, пограничные и приморские начальники, а также начальники, охраняющие порядок в городах, кроме слуг и невольников нашей Порты и купцов обеих сторон, никого в польское государство через Днестр пропускать не должны»⁷⁰. На первый взгляд выглядит странным отсутствие упоминания о бендерском бее и, наоборот, перечисление силистрийского бея среди от-

ветственных за охрану границы на Днестре. Однако если Кантемир-мурза в качестве силистрийского бейлербея обосновался в Бендерах, то все становится на свои места.

* * *

Несколько десятилетий продолжалась относительно мирная жизнь Бендерской крепости, что объективно способствовало развитию городского хозяйства. Бендерский санджакбей располагал значительными военными силами и был способен выполнять самостоятельные боевые операции.

Поднявшийся на борьбу с Польшей украинский гетман Б. Хмельницкий некоторое время пытался приобрести в турках и татарах своих союзников. Польский король С.Потоцкий весной 1654 г. получил несколько тревожных для него сообщений о том, что Б. Хмельницкий присылает в Бендеры казаков вербовать татар в свое войско⁷¹.

26 мая 1657 г. по приказу султана большой турецкий отряд во главе с везиром Мелеком Ахмед-пашой отправился с берегов Дуная вдоль Днестра в поход на строптивого венгерского короля Ракоци. В свите командующего этим войском находился и Э. Челеби, благодаря которому мы и располагаем весьма подробной информацией о Бендерах середины XVII столетия. Автор знаменитой многотомной «Книги путешествия» начал свою карьеру со службы в турецкой армии в качестве обыкновенного воина-спахия. Но к моменту написания им своего произведения это уже не рядовой участник многочисленных военных экспедиций, а умудренный опытом военно-политический наблюдатель с весьма широким кругом интересов и обязанностей: от инспекции укрепленных районов и отдельных городов-крепостей до политической разведки и ответственных дипломатических переговоров⁷².

Бендерский санджакбей устроил своим долгожданным гостям грандиозную встречу: «О величие Аллаха! Все девять тысяч полностью вооруженных, превосходных, умелых воинов, которые составляли войско Бендер, вышли встречать пашу (Мелек Ахмеда – Г.А.)... А когда мы приблизились к крепости, с нее залпами ударили пушки и ружья, и от грохота орудий затряслись земля и небо»⁷³ Э. Челеби оставил нам много сведений не только о крепости, но и о ее гарнизоне. Вместе с комендантом крепости в ней насчитывалось 20 командных должностей. Войско Бендер состояло из 3000 охранников-азабов (вид регулярного пехотного войска) и ополчения татарских и турецких сел, обязанных являться в полном вооружении по первому зову. Согласно Э. Челеби, в крепости имелись 7 янычарских казарм (янычарами командовал отдельный военачальник-ага), одна казарма оружейников и пушкарей. «Всего во время осады в этой крепости собирается 12 тысяч воинов ислама»⁷⁴.

Турецкий автор повествует нам и о вооружении крепости. Согласно тексту, на каждой из угловых башен «по 6 пушек бал-емез» (дальнобойных орудий,

стрелявших ядрами до 50 кг)...На других больших башнях...находится 100 мелких пушек и крупных пушек шахане»⁷⁵. В нижней части крепости также стояли «обращенные к Днестру пушки «бал-емез, которые совершенно не дают чайкам русов (казаков – Г.А.) прохода ни туда, ни обратно». Видимо, и в данном случае Э.Челеби несколько преувеличил количество орудий на крепостных башнях, тем более, что мы не встречаем его описаний турецкой артиллерии непосредственно на крепостных валах.

Благодаря Э.Челеби, мы получаем представление и о самом городе, расположенном вокруг каменной цитадели: «В этом посаде имеются 4 мечети с михрабами, 7 мусульманских кварталов и 7 валашских и молдавских. Всего здесь 1700 домов..., крытых тесом и тростником. Дворы многих домов обнесены изгородью. Минареты мечетей обиты дощечками. Мечеть, расположенная в торговых рядах, имеет многолюдный приход. В двух местах имеются начальные школы. Есть две сотни больших и малых лавок. Мостовой на улицах нет совсем, а виноградников мало. Причина этого в том, что каждый день приходят неверные, завязывают бой и причиняют разрушения»⁷⁶.

Даже несмотря на временный татарско-казацкий союз против Польши при гетмане Б.Хмельницком, во второй половине XVII в. нападения на крепость возобновляются. Затруднительно конкретизировать сообщения Э.Челеби в связи с тем, что он, очевидно, ярко описывал не только происходившие при нем события, но и талантливо обрабатывал рассказы защитников крепости. Вот как турецкий воин-писатель сообщает о регулярности штурма оборонительных сооружений: «И так как раз в неделю неверные пьют вино, то, когда хмель затуманит им глаза, они осаждают эту крепость». Не оставались в долгу, по словам Э.Челеби, и буджакские татары: «Народ здесь (в Бендерах – Г.А.) чрезвычайно крепкий, богатырского телосложения. Все носят татарские шапки и овчинные шубы. Каждое утро они отправляются на ту сторону Днестра воевать казаков».

Имеется у Э.Челеби и информация о неоднократных штурмах Бендерской крепости войском молдавского господаря В. Лупу (1633–1653): «В каждой башне торчит по 100–150 ядер, выпущенных вражескими пушками. Потому что ясский кяфир (В. Лупу – Г.А.) шесть раз со стотысячным (явное преувеличение – Г.А.) войском осаждал крепость и не смог ее взять»⁷⁷.

В 1673 г. казацкий атаман Серко ворвался в буджакские степи, но не рискнул подойти к турецким крепостям⁷⁸. В декабре 1683 года гетман Куницкий и молдавский господарь Штефан Петричейку предприняли совместные боевые действия против турок и татар. Перейдя Днестр недалеко от Бендер, казаки захватили весь Буджак до Измаила. В течение одиннадцати дней казаки совместно с подоспевшим молдавским отрядом во главе со Ш. Петричейку безуспешно штурмовали Бендерскую крепость⁷⁹. «И там посад спалил, тикмо замок зостал»⁸⁰, – написано в «Летописи Самовидца» о действиях Куницкого. Летописец Н. Костин сообщает, что «в Тигине турки и татары лицом к лицу

столкнулись с казаками и молдаванами, которые разгромили турок и так гнали и истребляли их, пока те не спрятались в крепости»⁸¹.

В 1686 г. «полковник Палий вторгся между Тигиной и Белгородом, и все ханские села огнем и мечом опустошил и получил большую добычу, особенно много табунов лошадей»⁸². В 1692 г. тот же Семен Палий собирался повторить свой успешный поход к татарским селам, но помешала весенняя распутица: «Мили ити под Тягинею, але стала великая росквась». С.Палий ограничился опустошением окрестностей Очакова и вернулся в Сечь⁸³.

Впрочем, по меркам того времени, жизнь в Бендерах в конце XVII в. была не столь уж беспокойной. Город стали посещать не только заезжие купцы, но и военные, политические деятели разных стран. С 1679 г. Россия стала отправлять своих послов в Турцию не через Крым, а через Бендеры, считая этот маршрут более спокойным⁸⁴. Польские делегации к турецкому султану также останавливались на постои в Бендерах.

БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОГО ПРОТИВОБОРСТВА В XVIII СТОЛЕТИИ

XVIII столетие приносит в жизнь Бендерской крепости значительные изменения. В Восточной Европе все активнее заявляет о себе молодая Российская империя, начавшая длительную борьбу с Османской Портой за Северное Причерноморье. После поражения в войне со «Священной лигой», сформированной большинством европейских стран (1683–1699), Турция перенесла резиденцию Силистрийского сераскира из Бабадага (Добруджа) в Бендеры¹ и начала коренную перестройку крепости, о чем уже упоминалось выше. По свидетельству И. Некулче, впервые силистрийский бейлербей Юсуф-паша появился в Бендерах летом 1700 г. и поездка, видимо, носила ознакомительный характер².

Историки и краеведы, повествующие о Бендерах начала XVIII века, непременно затрагивают безусловно интересную тему пребывания вблизи крепости шведского короля Карла XII в 1709–1713 гг. Из книг, брошюр и статей, посвященных этому событию, можно составить целую библиотечку. Между тем, предыстория приезда на берега Днестра неудачника Полтавской битвы остается несколько в тени. Хотя первые годы нового столетия во многом объясняют, почему именно Бендеры стали местом пребывания шведского монарха, почему в одночасье этот город стал известен во всех европейских столицах.

В 1699 г. Крымское ханство возглавил давний противник России Девлет-Гирей II (1699–1702, 1708–1713). В 1701 г. он послал в Запорожье своих людей для агитации совместного похода против России. Турецкий султан Мустафа II (1695–1703), несмотря на уговоры приближенных, не решался нарушить недавно подписанные мирные соглашения с Петром I. Тогда великий везир Дал-Табан тайно отправил крымскому хану и татарским беям провокационное письмо, в котором, в частности, было сказано: «Я открываю поход на Московов (т.е. на Россию – Г.А.). Собравшись в Бендерах, после того, как возьмем у ляхов (поляков – Г.А.) Каманчу (Каменец-Подольский – Г.А.), пойду на страну Московов. А вы тоже, снарядившись, двигайтесь»³. Девлет-Гирей отправил своего брата Сеадета из Бахчисарая в Буджак с пятью тысячами татар и ногайскими мурзами. Не задерживаясь в Бендерах, Сеадет-Гирей прибыл в Каушаны и разослал во все стороны гонцов, провозглашавших большой поход на Россию. При активном участии русского посла П.А. Толстого заговор был разоблачен. 13 января 1703 г. Дал-Табан был схвачен и казнен. Султан направил в Буджак большое войско, выступление татар было подавлено, а Девлет-Гирей смещен с ханского престола⁴.

Перестройка Бендерской крепости стала составной частью крупномасштабных турецких мероприятий по совершенствованию своей обо-

ронительной линии. В 1697–1703 гг. были укреплены защитные сооружения в Крыму⁵. Многоопытный сераскир Юсуф-паша, прибывший в свою новую резиденцию Бендеры, начал не только перестройку крепости, но и восстановил прежние дипломатические контакты, а также стал искать новые. Слабость центральной султанской власти заставляла заинтересованных политиков из разных стран выходить напрямую к всесильным турецким наместникам. Особую активность проявляли польские и шведские дипломаты, заинтересованные в обострении русско-турецких отношений. Осенью 1707 г. началась оживленная турецко-шведская дипломатическая переписка. В начале мая 1708 г. ставленник Карла XII польский король С. Лещинский посылает в Бендеры к Юсуф-паше коронного кухмистра Станислава Тарло. «Послы неприятельские, шведский и польский, – информировали в одном из донесений императора России Петра I, – с версту от Бендера в одном селе стоят и частые с сераскиром конференции имеют»⁶. Миссия Тарло продолжалась до сентября 1708 г., но закончилась неудачей.

Наряду со шведами и поляками своих гонцов в Бендеры стал направлять и украинский гетман И.С. Мазепа. Осторожный казацкий предводитель действовал тоньше, и долгое время помощникам Петра I не совсем понятна была миссия в Бендерах доверенного лица Мазепы грека Згуры, отправленного «до сераскира-пашы Силисгрийского с комплиментами и взаимным подарунком и со словесными оправданиями в обадах Белгородской (Буджакской – Г.А.) орде починенных»⁷.

25 октября 1708 г. Мазепа с генеральной старшиной (казацкой верхушкой) и несколькими полковниками переправился через р. Десну и умчался к шведам. После этого украинский гетман отправил в Бендеры к Юсуф-паше своего казака с пространным, на восьми страницах, письмом, в котором он объяснял причины своего бегства⁸. Вслед за Мазепой значительная часть казачества ушла в Крым и Бендеры.

31 марта 1709 г. в Бендеры прибыл посланник Карла XII полковник Сандул, родом из валахов, с письмами Юсуфу-паше от короля и от гетмана с настойчивыми просьбами о поддержке⁹. Турция стала колебаться. Из ссылки с греческого острова Родос был доставлен Девлет-Гирей и с большими почестями возвращен в Стамбул. Восстановленный на престоле крымский хан начал активную подготовку к войне с Россией. Угроза столкновения России и Турции становилась все реальнее. Переброска войск к русским границам шла нарастающими темпами. Из Софии в направлении Бендер выступил Измаил-паша. Шведский король очень надеялся на участие в Полтавском сражении татарской конницы, однако в последний момент султан Ахмед III (1703–1730) категорически запретил Девлет-Гирею переправляться через Днепр¹⁰. 27 июня 1709 г. состоялась знаменитая Полтавская битва. Пораженный шведский король бежит, как известно, в Бендеры. Историк XIX в. Ф. Лагус внимательно проследил весь путь Карла XII от Полтавы до Варны. С 21 по 23 июля лагерь шведского короля находился на берегу

Днестра напротив устья р. Ботна. Войско отдохнуло, привело себя в порядок и лишь затем двинулось к крепости. Пока шведы и казаки отдыхали, на левом берегу реки прямо напротив крепости вовсю кипела работа. По приказу султана Юсуф-паша отдал распоряжение приготовить постоянный лагерь для гостей. «Когда король выступил к Бендерам, сераскир с большим числом конницы и пехоты встретил его на половине дороги, объявил повеление султана и пригласил Карла к приготовленному уже становищу... Когда король с войском подошли к реке, и крепость стала в виду, то загремел залп из 36-ти орудий, стоявших на валах. Янычары выстроились двумя рядами до самой королевской палатки, превосходившей размерами и великолепием все до сего упомянутые»¹¹.

Кроме королевской имелись палатки для офицеров, придворного штаба и кухни. Первый лагерь шведского короля находился на месте нынешних парканских прибрежных садов чуть южнее нынешней железнодорожной насыпи. Через Днестр была налажена бесперебойная доставка всего необходимого, однако уже через 8 дней, 31 июля, Карл XII и Мазепа обосновались на другой стороне реки в непосредственной близости от крепости, на песчаном полуострове. Второй лагерь получил название «водяного». 25 июля 1711 г. шведский король, вернувшись из своей неудачной поездки в Килию, увидел печальную картину. Лагерь был затоплен. Карл XII был вынужден перенести свою резиденцию севернее крепости и расположился у с. Варница¹².

Пребывание шведского короля в Бендерах до предела обострило русско-турецкие отношения. Достаточно сказать, что в этот период, то есть с 1709 по 1713 гг., трижды объявлялась война и заключался мир¹³. Петр I надеялся громом Полтавской победы сделать Турцию более уступчивой и сговорчивой, но на деле фактор «Бендерского стояния» шведского короля стал играть весьма существенную роль. По меткому замечанию В.А. Артамонова, «необычайная энергия Карла XII, мобилизовавшего те политические крохи, которые были в его распоряжении, способствовали тому, что южные границы России и Речи Посполитой лихорадило 5 лет»¹⁴.

На первых порах Турция проявляла в оживленных контактах с русскими дипломатами заметную уступчивость, ограничившись ролью посредника в решении дальнейшей судьбы Карла XII. Одним из условий дальнейшего примирения стран Россия выдвигала выдачу «изменника Мазепы», а после смерти престарелого гетмана (22 сентября 1709 г.) – выдачи «скверного трупа проклятого Мазепы или одной его злокозненной головы»¹⁵. Со смертью И.С. Мазепы связано несколько местных легенд о его таинственном захоронении и погребенных в могиле сокровищах. Петру I сообщали, что ненавистный ему украинский гетман «похоронен в Винограде, от Бендер четверть мили»¹⁶. Однако общеизвестно, что И.С. Мазепа был похоронен в Галаце¹⁷.

С весны 1710 г. ситуация под Бендерами существенно изменилась. Под знаменем шведского короля стали собираться значительные воинские силы. 5 апреля 1710 г. в Бендерском лагере состоялась большая казацкая

рада в присутствии кошевого атамана К.Гордиенко, генерального писаря Ф.Орлика и представителей от запорожских войск, оставшихся у Днепра. Украина провозглашалась независимым государством. Новым гетманом всей Малороссии был избран Филип Орлик. На этой раде Карл XII получил почетный титул «высшего протектора всего казачьего войска»¹⁸.

Ответом на энергичные меры Петра I в борьбе с «казачьей вольницей» – Запорожской Сечью стало массовое бегство казаков в пределы Турецкой империи, прежде всего в Крым и Бендеры. После разгрома в России восстания Кондратия Булавина 1707–1708 гг. к запорожцам под Бендерами присоединились и казаки-старообрядцы Игнатия Некрасова с Кубани (некрасовцы)¹⁹, или, как их называли в Турции, «игнат-казаки». Той же весной 1710 г. из Венгрии прибыл полутора-двухтысячный отряд Ю. Потоцкого, состоявший из поляков и немецких наемников. Если в июле 1709 г. с Карлом под Бендеры бежало около тысячи изрядно потрепанных солдат и казаков, то к концу весны 1710 г. в лагере шведского короля насчитывалось около 10 тысяч человек, из них около 7 тысяч казаков²⁰.

Шведский король, прославившийся как монарх-полководец, развернул активную «дипломатическую войну». В Стамбул для постоянных контактов с турецким султаном он отправил из Бендер сначала М. Нейгебауэра (бывшего воспитателя русского царевича Алексея), а затем опытного и настырного С. Понятовского. Карл XII стремился убедить нерешительного Ахмеда III в том, что он обладает в Бендер ах реальную военную силу, способной в союзе с Турцией на серьезный успех в случае войны с Россией. В те же дни на прием к султану прибыл шведский офицер с письмом из Стокгольма от королевы-матери с просьбой помощи своему сыну. В результате вместе с Понятовским из Стамбула в Бендеры прибыл шеститысячный турецкий конный отряд для охраны короля. И, несмотря на мирные русско-турецкие переговоры, посылка войск к Бендерам продолжалась.

Впрочем, зачистившие в Бендеры европейские дипломаты искали контактов не только с турецким пашой и шведским королем. В конце 1709 – начале 1710 гг. сюда прибыл венгерский дипломат Пал Радан, который вел переговоры не только с Карлом XII, но и с украинскими казаками. Восставшая против австрийцев Венгрия хотела привлечь казаков в свое наемное войско²¹. Объективно в этой акции была заинтересована и Россия, так как уход части казаков из шведского лагеря под Бендерами ослабил бы позиции Карла XII.

В ноябре 1710 г. не без участия С.Понятовского в Стамбуле, взяли верх открытые сторонники войны. Не последнюю роль в изменении политического курса Турции сыграли умело преподнесенные донесения из Бендер «о крупных военных приготовлениях русских» одного из турецких военных чиновников Тюрк Мухаммеда-аги. Достоверность своих сведений Мухаммед-ага подкреплял ссылкой на показания шпионов, которых он за свое восьмимесячное пребывание в Бендерах в большом количестве посылал

в русские пределы в разведывательных целях. Больше того, «ага привез с собой и представил высочайшему стремени массу письменных заявлений о том же от Девлет-Гирея и от бендеровцев, как от местных жителей, так и от пограничных войск»²².

Ахмед III по этому поводу вызвал к себе Девлет-Гирея, который еще больше убедил его в опасности выступления России. Помимо новых назначений в Стамбуле, крымский хан стал добиваться и смещения Юсуф-паши в Бендерах: «Пока этот Юсуф-паша будет находиться на бендерской границе, я решительно не в состоянии выполнить возлагаемых на меня высочайших поручений». Юсуф-паша был отстранен и заключен в Кинбурнскую крепость²³.

Шведский король убеждал Турцию не дать России воспользоваться выгодами Полтавской победы и обещал в случае поддержки тотчас после возвращения в Польшу направить свое оружие «в сердце Московии»²⁴. Однако реальные возможности Карла XII явно не соответствовали его фантастическим планам. Фактически боеспособными оставались только казачьи отряды, остальные же были слабо вооружены. Любопытно послание от 25 июня 1711 г. одного из шведских генералов из Бендер в Бахчисарай представителю Карла XII при крымском хане С. Лагербергу: «Пришлите как бы от себя 300 шпаг и пистолетов со всей амуницией и седлами (трофеи, взятые татарами у русских – Г.А.), а также несколько мушкетов, так как его величество не желает, чтобы я писал о том, что мы нуждаемся в самом необходимом»²⁵.

Первым результатом объявленной войны был стремительный рейд 40 тысяч татар Девлет-Гирея в украинские земли в январе 1711 г., поддержанные бендерским отрядом Орлика-Гордиенко. Решающее сражение экспедиционного корпуса с русскими войсками произошло под Белой Церковью в конце марта. Кроме запорожцев гетмана Ф. Орлика и кошевого атамана К. Гордиенко в числе осаждавших белоцерковскую крепость были буджакские татары во главе с сыном Девлет-Гирея, поляки и молдаване во главе с бывшим киевским воеводой И. Потоцким, бежавшим к Карлу XII, и старостой Галецким, а также польско-шведский отряд под командованием С. Лещинского. Штурм крепости закончился неудачей. Изрядно потрепанный бендерский отряд вернулся за Днестр в свой лагерь²⁶.

Как известно, Россия ответила на первый выпад противника своим неудачно-таинственным Прутским походом. Рейд армии Петра I в Молдову во многом был похож на плохо продуманную авантюру. Подошедшим в конце мая 1711 г. к берегам Днестра русским войскам необходимо было постоянно оглядываться в сторону Бендер, где сосредоточились значительные, хотя и довольно пестрые по своему составу, военные формирования. 30 мая подполковник князь Долгорукий докладывал русскому царю из-под Рашкова: «Сказывали нам, и подлинно так, что султан с татары (в данном случае «султан» – наследник крымского хана – Г.А.) со многими тысячи на нашей

стороне был, однако ж нам себя не позволил показать и опять за Днестр пошел к Бендеру. Сегодня в разъезде ездили шесть миль от Рашкова, от Бендер за шесть миль были и никого не видели. Дай Боже нам всегда такой счастливый путь»²⁷.

Именно такое не совсем военное «авось» победило в спорах русского командования на военном совете 14 июня. Часть генералов во главе с Г.Н. Аллартом предлагала русскому императору задержаться у Днестра, «партиями» взять Бендеры и вынудить противника идти навстречу через знойные Буджакские степи²⁸. Однако, как известно, победили сторонники похода в Молдову на соединение с Д.Кантемиром. Петр I надеялся не только на его помощь, но и на поддержку Валахии и балканских народов, чего однако не произошло.

Выдвигаясь к Дунаю, командующий турецкой армией великий везир Балтаджи Мехмед-паша отправил Понятовского в Бендеры с приглашением Карлу XII принять участие в военной кампании в качестве гостя. После некоторых колебаний король отказался, так как втайне надеялся, что турки попросят его, прославленного полководца, возглавить командование объединенными силами. Участие в сражении под командованием другого, да еще ниже себя по рангу, Карл посчитал ниже своего достоинства. Эта ошибка дорого в дальнейшем обошлась ему. Несмотря на Прутскую катастрофу, подписание мирного русско-турецкого договора, несомненно, можно считать успехом русской дипломатии. Узнав о начавшихся переговорах, Понятовский немедленно отправляет курьера в Бендеры. Получив неприятную для себя весть поздно вечером 12 июля, Карл XII тут же вскочил на лошадь и уже через 17 часов непрерывной скачки был в турецком лагере. В шатре великого везира состоялся резкий разговор. Карл гневно требовал возобновления военных действий, просил дать ему часть турецкой армии, чтобы напасть на гордо уходящие и отнюдь не сломленные русские полки. Но великий везир отказался нарушить мирное соглашение с Россией и приобрел в лице короля Швеции своего смертельного врага²⁹.

Исход Прутского сражения и условия мирного договора Турция считала своей безусловной удачей. Целых пять дней в Стамбуле гремела пушечная пальба. Девлет-Гирею турецкий султан за участие в исторической битве послал в Каушаны ценные подарки, а татарским бейам роскошные халаты³⁰.

Уже очень скоро Карл XII жестоко отомстил турецкому великому везиру. Он направил султану детальный план расположения русских и турецких войск на Пруте для того, чтобы доказать, что Балтаджи Мехмед-паша упустил якобы верную возможность полностью окружить и разгромить русскую армию. В такой трактовке событий его поддержали крымский хан и многие видные сановники. В итоге недавний герой Прутского сражения – великий везир был снят со своего поста и сослан.

Одним из условий Прутского мирного договора была высылка шведского короля из Бендер. Но в связи с новым обострением турецко-русских отно-

шений Карл XII еще на два года задержался в Варницком лагере. И все же сторонников новой войны с Россией в Стамбуле становится все меньше, а шведский король теряет в Бендерах своих давних верных союзников. В феврале 1712 г. он поссорился с Девлет-Гиреем. Затем явное неудовольствие султана вызвала отправка Карлом из Бендер в Польшу четырехтысячного отряда по командованию Грудзинского, в составе которого были и запорожцы, руководимые Ф. Орликом, К. Гордиенко и А. Войнаровским (племянником И. Мазепы). Совершив пробный рейд на Волынь, пограбив польские имения, отряд вскоре вернулся в Бендеры. Более серьезным был второй поход Грудзинского к Гданьскому Поморью, начавшийся 2 мая 1712 г. Выйдя из Бендер с пятитысячным отрядом, уже в июне Грудзинский располагал 15 тысячами казаков и поляков. Русскому отряду и польским войскам Августа II удалось отразить и эту вылазку ставленников шведского короля. Неудачу потерпел и четырехтысячный казачий отряд Сапеги. В сентябре побитые отряды стали возвращаться в Бендеры: князь М. Вишневецкий (был королем Польши до С. Лещинского) в сопровождении 200 человек, Сапега всего с 15 казаками, а Грудзинский с девятью (!) жолнерами (польскими солдатами)».

Пребывание шведского короля в турецких владениях стало слишком обременительным для султанской казны. «Прошлого году мы дали взаем королю шведскому 800 мешков денег, – сетовал султан в одном из писем Девлет-Гирею. – Кроме тех, в настоящем году прислали в Бендер 200 мешков. Из тех 100 было дано королю, а другие хранятся в Бендере»³². Ахмед III отдал распоряжение урезать суммы на содержание шведского короля. Недолго думая, Карл обращается за финансовой помощью к французским и английским купцам, отпускавшим ему требуемые суммы под огромные проценты. Не были заинтересованы в убытии шведского короля и ведущие западноевропейские державы. 1 сентября 1712 г. в Бендерах был подписан французско-шведский договор. Франция все еще надеялась снова столкнуть Россию и Турцию.

Недовольство пребыванием Карла XII в Варнице нарастало. В Стамбуле и Бахчисарае, Каушанах и Бендерах ломали голову, как избавиться от назойливого засидевшегося гостя. «Оригинальный план» предложил недавний друг шведского короля, а теперь его злейший враг, крымский хан Девлет-Гирей. Он сговорился с польским королем Августом II, что во время сопровождения Карла из Бендер через Польшу турецко-татарская охрана «потеряет» короля и он превратится в пленника Польши. Но Карл разгадал этот замысел и наотрез отказался ехать³³.

18 января 1713 г. султан Ахмед III собрал совет, который придумал другой способ избавиться от высокого гостя. Бендерскому сераскиру Исмаил-паше и крымскому хану Девлет-Гирею было отправлено секретное предписание, чтобы они решительно настояли на немедленном выезде короля в свою страну. В случае отказа – насильно схватить его и отправить в Демотику. Там Карла XII должны были посадить на французский корабль и возвратить в Швецию.

1 февраля (по новому стилю – 12-го) состоялось трагикомическое сражение, известное в истории под названием «калабалык» (с турецкого – «стычка»). Бендерский паша и крымский хан вынуждены были спровоцировать столкновение со шведами. Присланный султаном конюший в резкой форме заявил, что если Карл XII не уедет, то ему отрубят голову. В ответ на это шведский король вынул шпагу и заявил, что готов драться. Запорожцы и поляки отказались участвовать в очевидной авантюре короля. В итоге 100 шведов сражались с 12 тысячами турок и татар. Исмаил-паша приказал блокировать лагерь, прекратить его снабжение, поджечь амбары. Карл XII распорядился вырыть окопы вокруг своего дома (больше похожего на дворец), забить всех лишних лошадей, среди которых были и великолепные скакуны, присланные в подарок от султана, посолить их мясо для употребления в пищу.

Во время начатого турками штурма шведский король пустил в ход даже несколько имевшихся у него пушек. Поскольку туркам было приказано ни в коем случае не причинять вреда Карлу XII, то они и понесли ощутимые потери. Король упорно сопротивлялся. Русские посланники в Турции сообщали Петру обо всех подробностях этого короткого театрального действия. В схватке с янычарами шведский король потерял четыре пальца, часть уха и кончик носа³⁴. В сопровождении небольшого отряда Карл XII был тайно отправлен из Бендер.

Однако султану необходимо было сохранить внешние приличия, и он представил случившееся как самоуправство своих подчиненных. И за такое успешно выполненное поручение вместо благодарности главные герои были наказаны: крымский хан и великий везир получили отставку, а Бендерский сераскир Исмаил-паша был сослан. Правда, для некоторого успокоения Карла XII султан сообщил ему, что казнил «самоуправного» пашу³⁵.

После отъезда Карла XII Варницкий лагерь под Бендерами быстро распался. Верный шведскому королю бывший киевский воевода Иосиф Потоцкий выехал вместе с патроном. В 1713–1714 г. Карл XII находился в Турции, сначала в Адрианополе, затем в Демотике. 19 октября 1714 г. он прибыл в Питешти (Румыния), где стал дожидаться прибытия шведского отряда из Варницкого лагеря во главе с генералом Акселем Спарре. В начале ноября после прибытия своих подданных из Бендер король Швеции продолжил свой путь на родину³⁶.

Часть запорожцев во главе с К. Гордиенко ушла в низовья Днепра. Другая, руководимая Ф. Орликом, осталась в Варнице, но вскоре Орлик покинул свою днестровскую стоянку и начал колесить по европейским странам в надежде сколотить антирусскую коалицию для освобождения Украины. В 1734 г. Ф. Орлик вновь объявился в окрестностях Бендер. Он остановился в Каушанах у гостеприимного крымского хана и попробовал поднять казаков на новый большой поход против России. Однако русское правительство, испуская оплошность Петра Великого, постановило основать Новую Сечь, и

большинство запорожцев ушло в российские пределы. Племянник И.Мазепы Андрей Войнаровский по приказу Петра I был арестован русским консулом в Гамбурге в 1716 г. и в кандалах отправлен в Якутск, где и умер³⁷.

Часть казаков обосновалась в Варнице и других бендерских предместьях. Во время своего пребывания в Бендерах Карл XII мало заботился о своих союзниках. «А казаки по туркам и волохам работают, сено косят и жнут, и что где выработают, то и есть. А жалования им от короля шведского никакого нет»³⁸, – докладывали разведчики Петра I.

Вероятно, к северу от крепости поселились и прибывшие со Станиславом Лещинским польские татары-липки или липканы³⁹. К весне 1714 г. у польского экс-короля из первоначальных 2000 осталось всего 700 всадников⁴⁰. Скорее всего, после отъезда Карла XII часть татар осталась на службе у бендерского паши. Именно с ними связано происхождение названия северного пригорода Липканы, а также, возможно, и микротопонима Липкан на левом берегу Днестра в с. Парканы.

* * *

После отъезда беспокойного шведского короля жизнь гарнизона Бендерской крепости отнюдь не стала безмятежной. В 1727–1728 гг. турецким войскам пришлось приложить немало усилий для усмирения буджакских татар, пожелавших водворить на ханский престол Каплан-Гирея⁴¹. Ведущая роль в подавлении буджакского бунта отводилась бендерским янычарам.

В период русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Бендеры оказались несколько в стороне от военных действий. Во время Крымской кампании русские войска были обескровлены штурмом крепости Очаков, взятой в июле 1737 г., а также вспыхнувшей эпидемией чумы. Остатки Очаковского турецкого отряда отступили к Бендерам. Бендерский гарнизон, усиленный отступившими из-под Очакова турецкими войсками, проявил заметную активность. 14 октября бендерские войска приняли участие в попытке отбить у русских Очаков. Трижды (23, 25 и 28 октября) турки штурмовали крепость, но ни с чем ушли обратно к Бендерам.

Взятие Бендерской крепости планировалось русским командованием в период Молдавского похода фельдмаршала Миниха в 1739 г. В Российском Военно-историческом архиве сохранился небольшой набросок плана крепости Бендеры за 1738 г.⁴², составленный одним из военных разведчиков, с обозначением не только самой крепости, но и дополнительных защитных сооружений как на правом, так и на левом берегу Днестра, дорог, ведущих к Бендерам. С исторической точки зрения этот небольшой листок ценен также тем, что на нем на левом берегу реки ниже Бендер обозначена «деревня Суклея» – самое раннее упоминание об этом приднестровском селе.

19 августа русские отряды без боя вошли в Хотинскую крепость, так как большинство ее турецкого гарнизона, участвовавшее в Ставучанском сра-

жении (16–17 августа того же года), не вернулось на исходные позиции, а ретировалось к Бендерам⁴³. После рывка к Яссам к началу сентября 1739 г. у командовавшего русскими войсками фельдмаршала Миниха уже не было достаточно военных сил для штурма еще одной мощной крепости. Русская армия понесла большие потери не столько на полях сражений, сколько от холода, голода и болезней. Бессарабский поход стоил русской армии жизни 11060 солдат и 5000 казаков. 9 сентября Миних направляет императрице Анне Иоанновне рапорт, в котором предлагает перенести операцию по взятию Бендер на весну следующего 1740 года. По мнению фельдмаршала, крепость «при нынешнем холодном времени и за трудными горы и проходы, и за оставлением нашей тяжелой артиллерии в Хотине, и, смотря по числу провианта, ныне следовать и атаковать невозможно»⁴⁴. Любопытна еще одна деталь. Узнав о начавшихся русско-турецких переговорах, русский главнокомандующий предложил включить в текст мирного договора пункт «о разорении неприятелем Бендер»⁴⁵. Однако этот вопрос на переговорах в Белграде не рассматривался.

* * *

В мирное время город-крепость по-прежнему оставался местом остановки не только купцов, но и дипломатов разных стран. В 1740 г. из Петербурга и Стамбула навстречу друг другу двинулись две представительных посольских делегации для участия в мирных русско-турецких переговорах. Эти чрезвычайные посольства должны были ратифицировать и уточнить некоторые статьи Белградского мирного трактата 1739 г. 12 мая 1740 г. специальный представитель Порты Мехмед Эмини-паша во главе посольства из 300 человек выехал из турецкой столицы и направился в Бендеры⁴⁶, а затем в Очаков.

Не менее представительной была русская делегация, куда, не считая офицеров и свиты, вошли 492 солдата гвардейских полков. С 22 июля 1740 г. русское посольство сидело в Киеве и несколько раз присылало курьеров в Бендеры для уточнения своих действий с турецкой стороной⁴⁷. Встреча и обмен посольствами состоялись лишь 17 октября 1742 г. на самой пограничной линии в четырех верстах от устья р. Ташлык. Затем турецкое посольство продолжило свой путь в Петербург, а русское, достигнув Бендер, остановилось там на некоторое время, так как оба посольства должны были прибыть в столицы одновременно. Русскую делегацию возглавлял А.И. Румянцев (1680–1749), отец прославленного фельдмаршала П.А. Румянцева, опытный дипломат петровской школы, тот самый, который совместно с П.А. Толстым выполнял щекотливое поручение российского императора по пленению и доставке в Петербург царевича Алексея. Русско-турецкие переговоры в Стамбуле проходили сложно, при взаимном недоверии друг к другу. Для того чтобы подтвердить свои мирные намерения, русская сторона выпустила

из плена трех турецких пашей и срочно доставила их в Бендеры в составе еще 200 пленников⁴⁸.

Возвращаясь из Стамбула, в конце декабря 1741 г. русское посольство прибыло в Бендеры и вынуждено было остановиться здесь более чем на два месяца. А.И. Румянцев жаловался в столицу на исключительно тяжелые условия пребывания в крепости по вине негостеприимного бендерского паши, явно не желавшего организовать дальнейший проезд русской делегации⁴⁹. О пребывании русского посольства во главе с А.И. Румянцевым в Бендерах упоминает и М. Когэлничану. Правда, численность делегации (3000 чел.) у летописца значительно преувеличена⁵⁰.

В 1758 г. вновь взбунтовалась Буджакская орда, совершившая без ведома турецкого султана несколько набегов на Молдавское княжество. Крымский хан Сеадет-Гирей, находившийся в это время в Каушанах, надеялся укрыться от своих непослушных подданных в Бендерской крепости. Однако под давлением янычар местный паша отказал в покровительстве крымскому хану и отправил султану Мустафе III (1757–1773) страстное послание с просьбой назначить на ханство Крым-Гирея, пользовавшегося у буджакцев большой популярностью. 21 сентября 1758 г. Крым-Гирей привез от султана подтвердительную грамоту, и ногайцы успокоились⁵¹. Впрочем, дождавшись удобного случая, турецкое правительство в 1764 г. доверило ханство более покладистому Селим-Гирею III (1764–1767). Обладая в Каушанах реальной военной силой, крымские ханы редко навевывались в Бахчисарай; больше следили за тайными замыслами конкурентов, нежели за управлением своим государством.

* * *

В русско-турецкой войне 1769–1774 гг. Бендерская крепость оказалась в самой гуще событий. Объявившие глубокой осенью 1768 г. войну друг другу, Россия и Турция оказались не готовыми к ведению активных боевых действий. Единственным военным формированием, способным на быструю мобилизацию, оказалась Буджакская орда, но в ней не затихали внутренние междоусобицы. Султан Мустафа III снова вспомнил о строптивом Крым-Гирее и, восстановив его на престоле, устроил в Стамбуле пышный прием недавнему затворнику. Торжества по случаю восшествия на престол нового крымского хана продолжались в Каушанах. Не лишенный военных талантов, властный и жестокий, Крым-Гирей смог объединить своих подданных и заставить их на некоторое время забыть о внутренних распрях. В новой русско-турецкой войне многие ногайские мурзы видели прекрасную возможность своего обогащения.

На организацию рейда Крым-Гирею понадобилось меньше месяца. С раннего утра 7 января (по новому стилю) 1769 г. в Каушанах царил оживление. Не дожидаясь основных сил, запряженные верблюдами телеги, которые составляли обоз буджакского войска, отправились к Бендерам⁵². Выезд Крым-Гирея из Каушан был обставлен весьма торжественно. Ехавшие за ним два служителя бросали в толпу деньги. По приказу хана было заколото 100 баранов для угощения каушанцев и открыты бочки с вином.

Не останавливаясь в Бендерах, Крым-Гирей переправился на левый берег Днестра, сжег Парканы, Суклею, Карагаш, Слободзею и помчался в Новую Сечь. Продвижение татар было настолько стремительным, что запорожцы даже не успели организовать отпор. На бендерский невольничий рынок стали поступать первые партии пленников. Один из русских очевидцев писал: «Я видел привезенных из польской Украины бедных мужиков и баб, и маленьких ребят, которых они (татары – Г.А.) в торгу как убойную скотину продавали»⁵¹.

Сразу после буджакцев в Бендеры направилось и большое количество купцов, надеявшихся пожить во время похода. К примеру, австрийский купец Клееман, автор ярких воспоминаний о своем путешествии в Крым, еще в преддверии татарского рейда, 2 января приехал в Бендеры, продал все привезенные им товары и вернулся в Каушаны. 21 января купец снова прибыл в Бендеры и долгое время не мог найти себе пристанище в хане (караван-сарай, постоянный двор), заполненной янычарами и сипахиями (конные воины-землевладельцы, вооружавшиеся за собственный счет). 26 января Клееман в сопровождении еще десяти таких же, как он, предпринимчивых купцов двинулся из Бендер вслед за татарскими войсками⁵⁴.

Вскоре сильная стужа помешала Крым-Гирею развить свой успех в украинских степях. Массовые обморожения, болезни, отсутствие корма для лошадей заставили его повернуть обратно. Бендерский паша Магомет Уржи Валаси устроил крымскому хану торжественную встречу, наведя мост через Днестр и выехав для встречи на левый берег реки, Крым-Гирей, доставив в подарок турецкому султану «3000 женщин большого и 300 меньшего роста»⁵⁵, уехал к себе в Каушаны и неожиданно умер при загадочных обстоятельствах⁵⁶. Ходили слухи, что он был отравлен. Так или иначе, смерть Крым-Гирея была ощутимой потерей для турецкого султана, не сумевшего найти достойную замену на ханском престоле.

Русским войскам пришлось приложить немало усилий, чтобы к лету 1769 г. изменить ситуацию в свою пользу. Военный совет при Екатерине II, находившийся в Петербурге и плохо знавший истинную обстановку на южных рубежах, отдал распоряжение командующему 2-й армией графу П.И. Панину с ходу овладеть Бендерами. Однако русский полководец проявил известную мудрость и даже изворотливость в переписке с царским двором, на словах не отказываясь от этой авантюры, а на деле откладывая решение бендерской проблемы на следующий год. П.И. Панин, знакомый с малоудачным опытом южного похода фельдмаршала Миниха, стремился к минимальным потерям своих войск и опасался, как бы холода и начавшаяся на юге морозная язва не привели к серьезным отрицательным последствиям. Никто до него еще не осаждал реконструированной Бендерской крепости. Чтобы несколько успокоить императрицу и ее военных советников, в октябре 1769 г. Панин направил к Бендерам небольшой отряд Витгенштейна, перед которым прежде всего были поставлены разведывательные цели.

После первых столкновений с турецкими войсками Витгенштейн доложил, что без правильной осады крепости, имевшей десяти тысячный гарнизон и 400 орудий, не обойтись. Призванный оказать помощь отряду Витгенштейна командующий 1-й армией П.А. Румянцев также заявил о необходимости серьезной подготовки к взятию Бендер с обязательным применением осадной артиллерии⁵⁷. Существовавший между двумя русскими армиями громадный разрыв более чем в 400 верст⁵⁸ особенно сказался при первых попытках совместных действий под Бендерами. К тому же командовавший турецкой армией великий везир из-за неимоверного нашествия мошкеры и слепней, буквально пожиравших лошадей и людей, отодвинул основные силы из болотистой равнины Прута ближе к Бендерам, что также усиливало шансы гарнизона на успешную защиту города.

Весь период осады Бендерской крепости показал, что турецкий гарнизон был хорошо подготовлен к длительной обороне. В преддверии военных действий город был обнесен новым земляным валом, значительно пополнились хлебные припасы⁵⁹. Узнав о приближении русских войск, турки вырубили все сады в предместьях Бендер. В гарнизоне поддерживалась строгая, даже суровая, дисциплина. Прибывший в Бендеры новый сераскир Ахмат-паша, обнаружив неисправность крепостных орудий, велел повесить артиллерийских командиров.

Овладение Бендерской крепостью стало главной задачей 2-й армии в новом 1770 г., хотя конечной целью военный совет поставил перед Паниным выход к Дунаю и взятие Очакова⁶⁰. «Бендеры едва ли могут долго продержаться», – самоуверенно указывалось в рескрипте Екатерины II на имя П.И. Панина, составленном петербургскими штабными генералами. Всю зиму 2-я армия готовилась к своему походу на Бендеры, заготавливала доски и бревна, необходимые для наведения мостов через Днестр и более мелкие реки.

Выдвижение армии Панина началось 20 марта, но шло медленнее запланированного в связи с весенней распутицей. 28 июня русские авангарды подошли к Днестру чуть ниже Дубоссар. Несмотря на медленные темпы перехода, П.И. Панин был удовлетворен его результатами: «Я получил счастье первый из российских генералов в июне месяце не только не с разоренною, но сколь малую, столь наилучшею, ничем не ослабевшею армиею перейти р. Днестр»⁶¹, – писал он своему брату Н.И. Панину, занимавшему в то время высокий пост министра иностранных дел. Действительно, потери от болезней, чего так опасался командующий 2-й армией, были минимальные. 2 июля вдоль Днестра к Парканам отправился отряд генерала Каменского для обложения Бендер с левого берега.

6 июля через Днестр под Дубоссарами был построен наплавной мост на галерах для переправы долгожданной осадной артиллерии. Сильное наводнение заставило русских строить мосты на сваях даже в тех местах, где прежде были маленькие ручейки⁶². Основная часть войск П.И. Панина двинулась к Бендерам.

Узнав о продвижении противника, турки предприняли несколько вылазок из крепости как на левом, так и на правом берегу Днестра. 7 июля до тысячи человек вышли из крепости, переправились на левый берег и напали на казаков. Встретив отчаянное сопротивление, отряд стал поспешно отступать к переправе. В течение всей осады крепости Бендерский гарнизон придерживался тактики активной обороны. 10 июля были атакованы позиции русских войск на р. Бык.

15 июля П.И. Панин разбил свои войска на пять колонн и приступил к полному окружению крепости. На левом берегу приблизился к переправе и отряд генерала Каменского. Каждая из колонн разбивала свой отдельный лагерь. Три колонны – севернее крепости, а две начали обход, чтобы обложить ее с юга, разбив там свои лагеря. Командование Бендерского гарнизона приступило к решительным действиям, целью которых было не допустить создания сплошного кольца вокруг крепости. Турки вывели из-за крепостных сооружений почти все войска и атаковали правый фланг русских. Видя отступление своего авангарда, Панин немедленно организовал подкрепление и атаковал турок с трех сторон, заставив их отступить в крепость. У русских была возможность вслед за неприятелем ворваться в город, но впоследствии П.И. Панин объяснял свою остановку «боязнью заразы»⁶³. Сразу после сражения командующий 2-й армией отправил к бендерскому сераскиру 9 пленных турок с известием о победе войск П.А. Румянцева у р. Ларга и предложением сдаться. По ночам русские войска рыли траншеи, а днем обстреливали крепость. Первый массовый артиллерийский обстрел был произведен 21 июля и затем совершался почти ежедневно с участием батарей с левого берега, которые обстреливали прежде всего подступы от водяных ворог к Днестру. Это немедленно отразилось на снабжении города водой. Перебежчики из крепости сообщали, что в Бендерах вода резко поднялась в цене.

Вылазки турецкого гарнизона продолжались. Прежде всего турки стремились помешать траншейным работам. Между тем в Бендерах произошли изменения в командовании. Скоропостижно умер сераскир Магомет Уржи Валаси, и тогда турецкие военачальники обратились к находившемуся в крепости трехбунчужному паше Мегмет Эмину с просьбой принять командование гарнизоном.

Все время осады Бендер П.И. Панин вел оживленные переговоры с крымским ханом и буджакскими мурзами. Во многом благодаря проявленной дипломатической гибкости командующего 2-й армией были обеспечены блистательные победы П.А. Румянцева, так как значительная часть татар не участвовала в активных боевых действиях. Бендерский гарнизон также не дождался подмоги не только от турецких войск, но и от крымского хана⁶⁴.

В полночь 2 августа весь турецкий гарнизон бесшумно вышел из крепости и внезапно ворвался в русские траншеи. Нападение турок было поддержано сильнейшим огнем крепостной артиллерии. С обеих сторон

было много убитых и раненых. Еще одна разведка боем убедила турок, что русские не только интенсивно окапывались, но и начали рыть подкопы под их оборонительные сооружения. С тех пор вылазки гарнизона носили целенаправленный характер: расстроить земляные работы русских. После дневных схваток и взаимных перестрелок по ночам с обеих сторон кипела работа по восстановлению разрушенного и строительству новых подземных галерей. Узнав о том, что из крепости также стали рыть «контрмину», П.И. Панин приказал углубить ров перед наиболее важными передовыми позициями своих войск.

Между тем осадные работы замедлились. Русская армия ощущала острую нехватку ядер, и с начала августа по крепости совершалось не более 100 выстрелов в день. По приказу Панина по ночам солдаты стали подбирать ядра. В середине августа несколько дней шли проливные дожди, которые во многом повредили земляные работы, произведенные русской армией.

Турецкий гарнизон продолжал активно сопротивляться и также увеличил объем своих подземных работ. Каждый из подкопов под русские позиции завершался мощным взрывом и атакой из крепости. 29 августа после очередного такого мощного взрыва, засыпавшего землей одну из русских гренадерских рот, из крепости вышли почти все турецкие войска и атаковали передовые позиции армии П.И. Панина. Но и эта вылазка была успешно отбита. Интенсивные подземные работы продолжались с обеих сторон. 8 сентября русские и турки столкнулись друг с другом в подземных галереях, и завязалась оживленная перестрелка.

С начала сентября, несмотря на нехватку боеприпасов, П.И. Панин приказал усилить артиллерийский обстрел крепости, чтобы заглушить шум от подземных работ, которые близились к завершению. Анализ современных исторических монографий и статей, где упоминается эпизод со штурмом Бендерской крепости показывает, что некоторые их авторы не до конца разобрались в военной терминологии XVIII века и несколько «туманно» представляют себе, как осуществлялось взятие крепости русскими войсками и в чем заключался смысл подземных пороховых мин. К примеру, Н.А. Мохов сообщает, что подземной миной 15 сентября была разрушена часть крепостной стены, и через образовавшийся пролом начался штурм крепости. «Одновременно штурмовались укрепления в других местах, – продолжает автор. – Завалив рвы вязанками хвороста, солдаты под огнем по лестницам взбирались на стены»⁶⁵. Сомнительность такой интерпретации штурма особенно наглядно подтверждается самим видом внушительного крепостного рва шириной от 12 до 15 метров и высотой более 5 метров. Трудно даже представить себе количество необходимого атакующим хвороста, чтобы заполнить такой ров, да еще под огнем противника.

Весь смысл кропотливых приготовлений армии П.И. Панина заключался в использовании «усиленного горна», который военные еще называли «сдавленным шаром». В переводе на современную терминологию речь идет о

мощном направленном взрыве. А.А. Лефорт утверждает, что такой мощный взрыв, как Бендерский, в XVIII столетии применялся в военном деле лишь однажды и то неудачно: при осаде крепости Швейдинц в 1762 г. в период Семилетней войны⁶⁶.

Взрыв левой пороховой мины (3 сентября) и правой (6 сентября) был лишь прелюдией к решительным действиям и главному взрыву. Русские войска укрепили образовавшиеся от взрывов двух мин воронки и превратили их в своеобразные небольшие плацдармы для главного штурма. 15 сентября закончились работы в средней галерее, куда было заложено 400 пудов пороха. Около 10 часов вечера раздался оглушительный взрыв, образовавший огромную воронку более 25 метров в поперечнике. Взрывом подняло часть контрэскарпа настолько, что землю завалило ров, создав подобие моста, на что и рассчитывали штурмующие. Незадолго до взрыва русская артиллерия открыла огонь из всех видов орудий, обстреливая город зажигательными бомбами и каркасами⁶⁷, завезенными из Киева накануне штурма. Тремя колоннами русские войска устремились к крепости. Средняя колонна быстро прошла главный крепостной ров по образовавшейся насыпи и приставила лестницы к оборонительному валу. Крепостные ворота оказались настолько крепкими, что все попытки взорвать или разрубить их закончились неудачей. Отступив в город, турки продолжали упорно сопротивляться, постепенно отступая к замку. Наступило утро, но бой продолжался. Полуторатысячный турецкий отряд, выйдя из водяных ворот, неожиданно появился на левом фланге русских войск. Легко прорвав первую линию, турки атаковали слабо защищенные обозы. Штурмующим пришлось снять часть своих сил для ликвидации прорыва. Турецкий отряд хотел прорваться на Аккерман, но был полностью разгромлен.

В 8 часов утра Бендерский гарнизон капитулировал. В плен было взято 11794 чел., в том числе 5390 воинов, остальные – мирные жители, в том числе женщины и дети⁶⁸. Панин был вынужден срочно вывести как войска, так и пленных из пылающего города, где не осталось ни одного целого строения. В течение трех последующих дней к горевшей крепости нельзя было подойти.

Екатерина II, узнав о страшных разрушениях в городе, была крайне недовольна: «Чем столько потерять и так мало получить, лучше было вовсе не брать Бендер»⁶⁹. За все время осады и штурма русские войска потеряли 1672 чел. убитыми и 4564 ранеными. Потери турок составили около 5000 чел.

События 1770 г. под Бендерами примечательны еще тем, что в казачьем полку Кутейникова отчаянно дрался и будущий «крестьянский царь» Е.И. Пугачев, через несколько лет заставивший трепетать все русское дворянство только от упоминания его имени. Специалисты полагают, что Пугачев использовал бендерский опыт при осаде и штурме русских городов во время крестьянской войны 1774–1775 гг. А.И. Андрущенко отмечает, что первым самозванством Пугачева стало объявление себя под Бендерами крестником Петра I, который якобы подарил ему золотую саблю⁷⁰.

В Бендерах остался трехтысячный русский гарнизон. Первым комендантом города был назначен И.А. Коррет, которому вменялось в обязанность начать восстановление крепостных сооружений⁷¹. Пленные турки были отправлены в глубь России. Для этих целей П.А. Панин выделил более 600 подвод, сераскиру Мехмед-Эмину предоставил карету, а главным начальникам – коляски⁷².

Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору (1774 г.) Бендерская крепость возвращалась Турции. Резиденция сераскира была перенесена из Бендер в Измаил⁷³, что, вероятно, отразилось на темпах восстановления крепости. Турецкое население города находилось в плену в предместьях Петербурга. 1 февраля 1776 г. колонна с пленными во главе с бывшим комендантом Бендерской крепости Мехмедом-пашой и бывшим крымским сераскиром Ибрагим-пашой отправилась в обратный путь. Русское командование обеспечило пленным транспорт и пропитание в дороге. Каково же было удивление конвоя, когда по прибытию к русско-турецкой границе в Балте, с турецкой стороны никто колонну не ждал. Остальной путь от Балты до Бендер бывшие пленные, в том числе женщины и дети, прошли пешком⁷⁴.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира Буджак должен был остаться за Крымским ханством. Однако прорусская ориентация нового хана Шагин-Гирея (1777–1782, 1783), объявившего независимость Крыма, заставила Турцию действовать энергично и принять решение об учреждении «собственного пашалыка» с включением принадлежавшей Крымскому ханству территории вплоть до Буга⁷⁴. «Бендерский паша прогнал всех начальников и чиновников хана из Буджака и завладел всей страной»⁷⁶, – сообщает немецкий историк Тунманн в своей книге, написанной буквально по свежим следам событий.

Мирная жизнь города восстанавливалась с трудом. В 1785 г. в Бендерах разразилась чума⁷⁷. Однако в преддверии новой русско-турецкой войны ремонтно-восстановительные работы в крепости были закончены. Склады заполнились боеприпасами и продовольствием. 27 апреля 1787 г. турецкий султан отдал распоряжение молдавскому господарю А. Ипсиланти переправить в Бендеры большую партию лесо-строительного материала для ремонта лафетов крепостных орудий, а 11 октября были доставлены 440 балок различных размеров, предназначенных для ремонта крепости, доски для лафетов орудий, 199 рулонов ткани из конопли, 200 мотков шерсти и другой материал для обслуживания орудий⁷⁸.

* * *

Новая русско-турецкая война 1787–1791 гг. также не обошла Бендерскую крепость стороной. Окрыленный взятием Очакова, командующий русской армией Г.А. Потемкин весной 1789 г. повел свои войска на Бендеры и Аккерман. Как и в 1770 г., бендерский гарнизон не отсиживался в крепости, а

регулярно совершал дальние вылазки из города. Уже в начале лета адмирал де Рибас докладывал Г.А. Потемкину о стычках передовых казачьих разъездов с турками на левом берегу Днестра⁷⁹.

18 июня 1789 г. произошло первое серьезное столкновение противников. Казачий отряд из 300 чел., ведомый атаманом Чапегой, готовился к переправе на правый берег Днестра в районе с.Терновка. Однако заметив, что турецкий отряд около 400 чел. вышел из крепости и переправился на левый берег, казаки тотчас повернули коней и поскакали в Парканы. Завязался ожесточенный пятичасовой бой, в ходе которого турецкий десант увеличился до 3000 чел. Казакам удалось продержаться до прибытия подкрепления. Увидев спешащие на подмогу русские роты, турки поспешно переправились в крепость, потеряв до 100 чел. убитыми и 40 ранеными⁸⁰.

11 июля основные силы русской армии двинулись на Бендеры и переправились через Днестр в районе Дубоссар. Долгое время Г.А. Потемкин не мог избавиться от мысли с ходу взять Бендеры. В то же время первые отчаянные вылазки турок из крепости заставили русского командующего усомниться в достоверности донесений своих разведчиков о малочисленности бендерского гарнизона. На самом деле в крепости находилось около 20000 чел., и турецкие войска были готовы к длительной обороне.

И все же 18 августа Г.А. Потемкин принял решение взять Бендеры с ходу. Но отчаянное сопротивление гарнизона, его активная оборона и мощь турецкой артиллерии заставили русских отступить. 21 августа, приказав сжечь весь хлеб в окрестностях Бендер, Потемкин вернулся в Кишинев и отдал приказ об осаде крепости.

Турецкий гарнизон был полностью отрезан от внешнего мира не только по суше, но и по воде. Захватом Каушан русская армия обеспечила себе безопасность с юга. Приехавший туда в начале октября генерал Самойлов определил невозможность там квартироваться войскам: дома, мечети, лавки находились в «совершенном разорении». «В домах полы, печки, потолки и самые стены выломлены, другие до основания разобраны»⁸². В связи с приближавшимися холодами войска вынуждены были строить землянки.

Два первых осенних месяца 1789 г. прошли во внимательном наблюдении за действиями друг друга, причем русские войска не предпринимали никаких активных действий даже для занятия ретраншаментов – предкрепостных сооружений, называвшихся у турок «байраками». Участник боевых действий под Бендерами прусский наемник секунд-майор фон Ран сообщает, что турецкий гарнизон располагал четырьмя такими байраками⁸³. Ежедневно от генералов к Г.А. Потемкину поступали весьма однообразные рапорты «о движениях неприятельских». Как правило, в сторону Каушан турки высылали дозоры к большому кургану (впоследствии названному в народе «суворовским»), но, завидев русские разъезды, немедленно удалялись⁸⁴. К примеру, генерал-поручик граф де Балмен 26 сентября докладывал: «Ездил с обыкновенным разъездом господин полковник барон Бенингсен,

который доезжал до самого большого кургана, что близ Бендер, и не мог нигде приметить неприятеля, а только что внизу были усмотрены едущие из города каруцы трех человек: одного турка, одного армянина и одного волоха (молдаванина – Г.А.), которые, как они объявились, ехали якобы за капустою. Их отрезали (взяли в плен – Г.А.) и представили ко мне, из коих турок и армянин доставлены к светлейшему князю (Потемкину – Г.А.), а волоха по его старости и дряхлости оставили»⁸⁵.

Полевая ставка Г.А. Потемкина находилась севернее Бендер. Согласно устным преданиям, главнокомандующий превратил ее в роскошный подземный дворец, «который великолепием своим ослеплял поклонников князя... Он давал здесь великолепные балы в утешение своей любимицы (племянницы Г.А. Потемкина – Г.А.)»⁸⁶.

Военные действия под Бендерами активизировались с конца октября, чему способствовали два обстоятельства: сдача турками крепости Аккерман 25 сентября и приближение зимы. Продолжение осады Бендерской крепости в зимнее время означало бы катастрофу для русской армии. 16 октября генерал де Балмен препроводил в Бендеры 25 плененных турок, освобожденных по приказу Потемкина для наглядного подтверждения ими взятия Аккермана⁸⁷. Прибывшие к бендерскому паше турки принесли письмо от «светлейшего князя», в котором выдвигалось требование о немедленной сдаче гарнизона. В противном случае «будет так же, как с Очаковым... Избирайте для себя лучшее», – настаивал российский главнокомандующий.

Однако долгое время Г.А. Потемкин всячески пытался исключить возможность серьезного решающего штурма. Еще свежи были в памяти последствия взятия крепости 1770 г. Но и медлить уже было нельзя. «Бога прошу, да поможет тебе взять Бендеры, а наипаче без потери людей», – писала Екатерина II своему фавориту⁸⁸. 29 октября корпус генерал-поручика А.И. Самойлова захватил предместья крепости и поставил там осадные орудия. Отряд генерала Гудовича вышел к левому берегу Днестра и также установил 40 полевых орудий. На виду у турок по реке под самыми стенами крепости расположились 50 оснащенных небольшими орудиями казацких лодок-чаек⁸⁹. В ночь с 30 на 31 октября русские войска заняли предкрепостные сооружения и приготовились к решительному штурму. 2 ноября бендерский паша прислал парламентаря с письмом, в котором просил 20 дней на размышление о сдаче крепости. Г.А. Потемкин понимал, что затягивание переговоров не в его пользу. Поэтому в своем ответе он категорично потребовал немедленной сдачи. В подтверждение своих слов главнокомандующий выдвинул войска на исходные позиции для штурма. В самый последний момент в час ночи прибыл новый турецкий парламентар с согласием о сдаче.

Заняв без особых усилий Бендерскую крепость, Г.А. Потемкин обнаружил, что большинство ее гарнизона составляли турецкие воины преклонного возраста, обремененные семьями и старческими болезнями. Победителям достались 325 орудий, 12000 пудов пороха, 20000 пудов сухарей, мука и прочий провиант.

Турецкому гарнизону был разрешен свободный выход, «а обывателям азиатским позволили прежде выходу продать там свое имение. Европейские

жители там остались». По свидетельству фон Раана, для отправки 16000 турецких жителей из Бендер в Брэилу были снаряжены 4000 подвод⁹⁰.

Как и в предыдущих войнах основные потери русской армии произошли не на поле боя, а от инфекционных заболеваний, от которых умирали десятки тысяч солдат. Помимо чумы, оставшийся русский гарнизон Бендерской крепости ощутимо пострадал от массового отравления недоброкачественными турецкими продуктами. 3 апреля 1790 г. прибывший в Бендеры с инспекцией генерал-поручик А.Н. Самойлов обнаружил большую смертность среди рядового состава. Проведенное генералом расследование показало, что «главная причина умножения больных в гнилости турецкой муки». А.Н. Самойлов не побрезговал спуститься в крепостной склад и присутствовать при проверке качества провианта. В своем рапорте Г.А. Потемкину он докладывал, что когда по его приказу попробовали сделать контрольный замес, «то увидел на поверхности воды множество маленьких гадин, а сверх того и даже запах провианта испорченный»⁹¹. Лишь за время пребывания А.Н. Самойлова в крепости с 3 по 9 апреля умерло 80 человек, заболело еще 236, а всего количество больных составило 1020 человек⁹². Г.А. Потемкин сурово наказал крепостное начальство. Лишь к концу мая количество умерших и больных стало значительно уменьшаться.

С 4 августа по 10 ноября 1790 г. Бендеры стали резиденцией Г.А. Потемкина⁹³. Отсюда он рассылал свои «ордера» по огромному Новороссийскому краю. Его походная типография находилась в крепости с 15 декабря 1790 г. по 1 января 1791 г. По инициативе энергичного «светлейшего князя» турецкие крепостные мечети были превращены в церкви. В Бендерах у Г.А. Потемкина созрело также решение о создании на левом берегу Днестра армянской колонии. Армяне Бендер, Аккермана и других турецких городов были переправлены в созданную в 1792 г. на левом берегу Днестра колонию Григориополь, названную в честь Г.А. Потемкина.

В огромной свите екатерининского фаворита находился и художник, баталист и пейзажист, М.М. Иванов (1748–1823), который запечатлел Бендерскую крепость на нескольких своих полотнах⁹⁴. Его картина «Вид Бендерской крепости» входит в сокровищницу российского изобразительного искусства. Она довольно точно отражает состояние крепости в конце XVIII века. Менее известны рисунки М.М. Иванова. Один из них (см. приложение) примечателен тем, что написан с левого берега Днестра и весьма достоверно изображает не только крепость, но и Бендерскую переправу.

Согласно Ясскому мирному договору 1791 г. Бендеры вновь отошли Турции. Сразу же по занятии крепости турецкие и французские инженеры приступили к ее косметическому ремонту и созданию новых оборонительных линий вне города⁹⁵. К маю 1794 г. были укреплены крепостные ворота и казематы, остальные работы закончились к 1 августа того же года⁹⁶. Правда, через несколько лет туркам вновь пришлось провести капитальный ремонт. В 1801 г. в крепости по неосторожности взорвалось около 30 подвод с порохом. В результате взрыва невиданной силы пострадали многие постройки⁹⁷.

БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX СТОЛЕТИИ

Новая русско-турецкая война 1806–1812 гг. явилась переломной в жизни Бендерской крепости. Стратегический замысел русского командования по ее захвату во многом был похож на операции двух предыдущих войн. В первых числах ноября 1806 г. корпус генерала Мейендорфа приблизился к берегу Днестра у Дубоссар и изготовился к переправе, а корпус генерала Каменского должен был атаковать Бендеры с левого берега реки. Правда, существенным отличием по сравнению с предыдущими кампаниями были начатые Россией активные военные действия без объявления войны Турции. Царское правительство объясняло необходимость ввода своих войск в Дунайские княжества угрозой наступления наполеоновской армии. Русские войска якобы должны были просто пройти через Бессарабию. В частности, в Бендерах предполагалось остановиться на привале и, отдохнув, двинуться дальше. Главнокомандующий Молдавской армией Михельсон 7 ноября 1806 г. отправил генералу Мейендорфу секретную инструкцию: «Желательно, чтобы крепость Бендеры могла быть занята Вами каким-либо благовидным образом, зависящим единственно от благоразумия Вашего высокопревосходительства ..., воспользоваться случаем, если бы таковой открылся»¹.

Фактически осада или штурм крепости не предусматривались. В случае если не удастся избежать кровопролития, русские войска обязаны были стать у Лапушны и блокировать бендерский гарнизон. В военном отношении поход за Днестр был плохо обеспечен. Прибывший 15 ноября в Дубоссары со своим штабом генерал Мейендорф не обнаружил ни наведенного моста, ни даже заготовленных материалов к его сооружению². Любая военная активность турецкой стороны могла обернуться плачевно для топтавшихся на левом берегу Днестра русских войск.

«Героем» бескровного взятия крепости стал не какой-то прославленный боевой генерал, а молдавский помещик И.Ф. Катаржи, перешедший на службу в русскую армию. Уже 16 ноября он был отправлен в Бендеры, где повел с бендерским сераскиром Гассан-пашой переговоры, не скупясь на обещания и подарки. 80-летний турецкий наместник, видимо, догадывался об истинных намерениях русской армии, но добивался более приемлемых условий сдачи. Заметив начавшееся движение русских войск, бендерский сераскир Гассан-паша отправил своего курьера в Дубоссары к Михельсону за объяснениями. Пока турецкого представителя заверяли в «мирных намерениях» русской армии, корпус Мейендорфа перед самыми окнами дома, где

находился гость из Бендер, устроил своеобразный «маскарад», несколько раз пройдясь маршем, постоянно меняя внешний вид подразделений и создавая видимость большого количества войск. «Военная хитрость» удалась. По прибытии в Бендеры курьер Гассана-паши доложил весьма завышенные данные о численности русской армии в Дубоссарах. Упомянутый эпизод довольно подробно описан в воспоминаниях графа А.Ф. Ланжерона и в книге А.Н. Петрова. Однако адъютант барона Мейендорфа штабс-капитан И.П. Котляревский (известный украинский писатель-драматург) вносит в своем дневнике некоторые коррективы. Он сообщает, что из Бендер на переговоры к Мейендорфу 19 ноября прибыли два турецких чиновника с переводчиком³. На следующий день, получив богатые подарки от командующего, они отправились обратно в Бендеры.

Между тем ситуация в Дубоссарах складывалась драматично. Обещанные из Одессы лесостроительные материалы для наведения моста через Днестр не поступали. Понимая какими неприятными последствиями может закончиться промедление с переправой, Мейендорф отдает распоряжение использовать для переброски на правый берег Днестра войск и артиллерии два небольших парома дубоссарского карантина. Узнав о колебаниях турок, командующий русским корпусом приказал монтировать штурмовые лестницы. Нельзя согласиться с выводом А.Н. Петрова о том, что бендерский гарнизон не был готов к отражению штурма крепости⁴. Даже перед началом наступательной операции русской армии и без того многочисленный турецкий отряд получил подкрепление. Согласно «Входящему журналу» корпуса Мейендорфа, в ответ на движение русских войск к Днестру «замечено было 23 октября 1806 г., что в Бендеры со знаменем и барабанным боем вступило до полутора тысяч войск турецких»⁵.

Впрочем, русские офицеры, прибывшие вместе с Катаржи, подкупили не только Гассана-пашу, но и его приближенных и даже стражу у крепостных ворот. В течение всех переговоров с Гассан-пашой, несмотря на непогоду, продолжалась переправа русских войск на правый берег Днестра и их выдвижение в сторону Бендер. 23 ноября к Мейендорфу для переговоров вновь прибыли представители бендерского паши, но командующий продолжил марш корпусом в сторону крепости. Поздно вечером один из русских отрядов подошел к Яским воротами поставил там свою охрану вместо турецкой. Утром 24 ноября к крепости подошли основные силы русских. Узнав об их приближении, Гассан-паша прислал к Мейендорфу одного парламентаря «сказать командующему, что войска могут занять форштадт, сколько в оном поместятся, а остальные могут расположиться по ближайшим деревням, но крепости не занимать»⁶. Однако не останавливаясь, русские войска вошли в крепость через южные Стамбульские ворота и рассредоточились по валам, захватив без боя турецкую артиллерию. Крепостные орудия были развернуты в сторону города, на улицах и у всех ворот были расставлены усиленные посты. «Таким образом Бендерская крепость занята без всякого кровопролития»⁷, – делает запись в своем дневнике И.П. Котляревский.

Сомнительная «военная хитрость» была неожиданной даже для российского посла в Турции А. Итальянского, находившегося в полной растерянности и не знавшего, что отвечать на настойчивые протесты турецкого правительства и европейских дипломатов. «При таком положении вопроса, – писал военный историк А.Н. Петров, – русской армии оставалось только брать поскорее и побольше, пока Турция не заметит, что потеряла уже половину своих оборонительных средств»⁸.

Подобные методы мало приветствовались и в высших офицерских кругах. Немало колкостей в отношении «неделикатного» начала войны встречается в воспоминаниях одного из ее активных участников графа А.Ф. Ланжерона. «Никогда еще война не велась так плохо, и, между тем, ни разу не кончалась так неожиданно счастливо»⁹, – саркастически подчеркивал полководец.

Согласно проведенной переписи населения, вооружения и военного имущества, «жителей в крепости и на форштадте найдено магометанского исповедания – 5981, да других наций и исповеданий – 19000, военных снарядов в крепости: пушек осадных на лафетах и без лафетов – 128, на лафетах полевых – 11, мортир – 10. Пороху до 2000 пудов, ядер разного калибра 30000, картечь вязанных – 300, картечь в жестянках – 600, ружейных пуль – 60000, сабель и ружье в ящиках трех сортов из каждого сорта по 100. Сверх того шанцевого инструмента, лесу для лафетов и других разных материалов в большом количестве»¹⁰.

18 ноября в Бендерской крепости был произведен праздничный салют из 51 турецкого орудия и стрелкового оружия по случаю «благополучного разрешения от бремени Ея Величества государыни императрицы рождением великой княжны Елизаветы». Был отслужен молебен в греческой церкви на форштадте. Во время салюта войска пели «Многие лета».

После занятия Бендер барон Мейендорф был обеспокоен поведением буджакских татар. Он отправил в Каушаны депешу с требованием «в знак покорения прислать нам аманатов (заложников – Г.Л.)»¹¹, как гарантию того, что татары не выступят против русских войск. Но к условленному сроку в Бендеры из Каушан никто не приехал. В ночь с 4 на 5 декабря один батальон егерей и отряд казаков по приказу Мейендорфа заняли Каушаны. Каушанский наместник был вынужден отправить в Бендеры в качестве заложников представителей от каждого олата (уезда), а также своего брата. Для дальнейших переговоров с татарами в окрестные села были командированы И.Ф. Катаржи, «доказавший уже опыты своей приверженности России» и адъютант Мейендорфа штабс-капитан И.П. Котляревский¹². Переговоры проходили непросто. В случае конфликта татары могли выставить до 30000 вооруженных всадников¹³, и с такой силой нельзя было не считаться. Особую несговорчивость проявил наместник бендерского олата Юсуф-эфенди¹⁴. По его приказанию большая часть вооружения сдавшегося турецкого гарнизона была распродана по одиннадцати близлежащим татарским деревням.

В середине декабря корпус Мейендорфа вышел из Бендер в направлении Измаила. В Бендерской крепости остался Нижегородский мушкетерский полк для несения гарнизонной службы.

Только 18 (30 по н.ст.) декабря 1806 г. Турция объявила войну России. Любопытно, что в манифесте султана встречается еще одно название города Бендеры – Фаши. «Прося султана всего на один раз провести чрез его владения запасы для своих войск, – говорится в документе, – Россия, несмотря на то, что по дружбе ей было дозволено это, отправила к Фаши (Бендеры) свои войска с артиллерией и разными припасами»¹⁵.

Взятый без единого выстрела город в считанные дни был разграблен победителями и превратился в призрак. Особенно старался комендант крепости генерал-майор Хитрово, назначенный на эту должность после недолго командовавшего в Бендерах генерал-майора Войнова. Самым большим «подвигом» в военной биографии М. Хитрово было пленение Е.И. Пугачева в 1774 г. К моменту своего коменданства в Бендерах 70-летний генерал имел в Херсонской губернии несколько поместий, которые он жаждал пополнить трофеями из бывшей турецкой крепости. Впоследствии граф Ланжерон вспоминал: «Я прибыл в Бендеры 1 января 1807 г. и нашел там Нижегородский полк с его командиром генерал-майором Михаилом Хитрово, он с большим усердием забирал в городе и зерно, и лес, и все, что только могло пригодиться ему для украшения его домов в Одессе»¹⁶. Вне сомнения, в первую очередь был разграблен роскошный дворец Гас-сана-паши. Этот вывод напрашивается из того, что, несмотря на большое количество описаний крепости XIX века, мы ни разу не встречаем воспоминаний о дворце, разграбленном, вероятно, до основания, вплоть до камней, в первые же месяцы командования гарнизоном вороватого генерала. После отбытия Нижегородского мушкетерского полка следующим комендантом Бендерской крепости был назначен командир оставшегося батальона майор Синенков.

* * *

Между тем первые же неожиданные трудности в Бендерах привели в панику генерала М. Хитрово, которого эмоциональный А. Ланжерон называл «самым невозможным трусом в Европе»¹⁷. Узнав об объявлении Турцией войны России, абсолютное большинство татарских мурз прекратили всяческие переговоры с И.Ф. Катаржи и И.П. Котляревским, а с начала февраля стали уводить своих людей в сторону Измаила. «Многих селений татары бежали в Измаил..., не имею средств удержать их стремление»¹⁸, – жаловался Хитрово Мейендорфу. После получения приказа выдвинуться своим полком к Измаилу, оставив в Бендерах всего лишь один батальон, командир нижегородцев поставил перед вышестоящим командованием вопрос о целесообразности пребывания в крепости пленных турок и о «жителях

татарских одиннадцати деревень, лежащих вокруг Бендер, содержащихся вроде войска янычарского». Русское правительство предприняло крупномасштабное переселение татар и турецких гарнизонов в глубь России. 16 февраля 1807 г. к Хитрово пришла группа чиновников Гассана-паши и от его имени потребовала дозволить им вернуться в Турцию в связи с тем, что русские войска «вошли в Бендеры на приятельском положении», но теперь, после объявления султаном войны, они (турки) не могут оставаться в крепости.

Сам престарелый Гассан-паша несколько раз менял свои намерения. Вначале он «по секрету» заявил генералу Хитрово, что прислал чиновников «по их настоятельству, но что он никогда не пожелает выехать в Турцию, будучи таких уже лет, кои... одного только требуют: покоя»¹⁹. Затем, узнав о выезде в глубь России, заявил: «хоть режьте нас, мы не пойдём за Днестр»²⁰.

23 февраля 1807 г. первая партия турок из свиты Гассана-паши в количестве 41 человека была переправлена в Тирасполь²¹. Всего же согласно «Именному списку выведенных из Бендер в Николаев трехбунчужного паши его штату и чиновников воинского звания с их женами, детьми служителями их» от 4 июля 1807 г. при 80-летнем сераскире Гассане состоялось 929 человек. Количеству его прислуги могли бы позавидовать даже некоторые европейские монархи. В штате бендерского трехбунчужного паши состояло 8 советников, а также «казначей; городничий; церемониймейстер; смотритель всего двора; провиантмейстер; смотрители: за кофием, за утиральниками, за столами, за закусками, за нюхательным табаком, за утиральниками при умывании во время молитвы, за кофейниками и кувшинами, за подсвечниками, за порохом и оружейными магазинами, за дорогими лошадьми, полученными в подарок, за головными уборами, за гардеробами, за табакокурительными сосудами, за коврами, за подарками; старший ключник, старший фельдшер, знаменосец при церемонии»²². Вместе с 80-летним Гассаном-пашой отправилась и его 35-летняя жена Еминя со своей прислугой, большинство которой составляли девушки от 13 до 25 лет²³.

Переезд свиты трехбунчужного паши оказался весьма хлопотным делом. Тираспольский уездный предводитель дворянства сокрушался, что «едва мог половинное количество поместить в квартиры» на территории Тираспольской крепости, «а другую половину расположил в городе»²⁴.

Гассан-паша сдался русским властям с условием, что сохранит за собой некоторые прежние свои функции, прежде всего, прием соплеменников с различными жалобами. Эта обязанность давала турецкому наместнику солидные и никем не контролируемые доходы. Через несколько лет Гассан-паша появился в Дубоссарах. Встречу с ним 16 мая 1808 г. описывает Д. Бантыш-Каменский: «Гассану уже 70 лет или более. Он семь раз был великим везиром, знаком с Суворовым и Потемкиным. Мустафа III (турецкий султан – Г.А.) не простит ему того, что он сдал без всякого защище-

ния неприступный город с многочисленным гарнизоном и значительными укреплениями»²⁵. Вскоре турецкий сановник переехал в Кишинев, откуда поддерживал оживленную переписку как с Турцией, так и с командованием русской армии²⁶.

* * *

Главный «герой» последнего взятия Бендер И.Ф. Катаржи был щедро вознагражден царским правительством. Ему были пожалованы 12000 десятин земли в Новороссийской губернии, чин генерал-майора и орден Святой Анны²⁷. Вскоре помимо должности начальника пограничной службы он получил еще одну, весьма доходную. 20 апреля 1807 г. И.Ф. Катаржи приказом командующего Молдавской армией был назначен «управляющим имениями в раях Бендерской, Аккерманской и Килийской» с пребыванием в Бендерской крепости²⁸. После турок и татар в окрестностях Бендер осталось большое количество хорошо возделанных фруктовых садов и рыбные озера, которые были розданы в аренду не столько местным жителям, сколько офицерам и генералам русской армии, помещикам Бессарабии и Тираспольского уезда²⁹. Не забыл И.Ф. Катаржи и о себе. Когда его стали обвинять в злоупотреблениях и беспощинном владении бывшими турецкими садами, И.Ф. Катаржи заявил, что села бывшей Бендерской райи Гура-Быкулуй в устье р. Бык и Леонтьево на р.Ботна издавна принадлежали его предкам, а турки «завладели ими насильственным образом». Катаржи представил даже «подтвердительный документ» от Молдавского Дивана (правительства)³⁰. Впрочем, подобные фальсифицированные наследственные дела в те годы были не редкостью. 11 июля 1807 г. особым рескриптом царя Бендерская, Аккерманская и Килийская райи были переданы в управление Молдавского Дивана³¹.

* * *

Зима 1807–1808 г. выдалась суровая и снежная. Нижегородский полк из-за промедления командования не успел вернуться на зимние квартиры в Бендеры и фактически весь вымер в сырых землянках от цинги и холода. «От Нижегородского полка, переведенного в Бендеры, после болезней осталось 180 человек»³², – констатировал А. Ланжерон.

11 июня 1808 г. Бендерскую крепость посетил Главнокомандующий Молдавской армией генерал-фельдмаршал А.А. Прозоровский в сопровождении начальника инженерной службы генерал-майора И.М. Гартинга. Престарелый военачальник был потрясен варварским «хозяйничанием» Бендерского военного коменданта М. Хитрово. Новому коменданту подполковнику И.Ф. Чичагову он оставил подробнейшую инструкцию о его обязанностях, которая была больше похожа на литературное произведение, нежели на официальный

документ. Главной задачей И.Ф. Чичагову вменялось восстановление разрушенного. «Вы яко комендант и хозяин здешней крепости и предместья ведать должны, обо всем давать пособия и принять все попечение, чтобы работы с успехом течение свое имели, и которые квартиры как в крепости, так и в форштадте, починены будут, то вам оные хранить, – напутствовал генерал-фельдмаршал. – ... Дисциплина в войсках и крепостях есть душа, чтоб ни солдат, ни обыватель, ни денщик, ни слуга своевольства отнюдь не смогли сделать». И.Ф. Чичагову поручалось организовать строгую пропускную систему в Бендеры, но в то же время ему было категорически запрещено вмешиваться в гражданские дела. «Вне крепости и города ни в какие распоряжения Вам не входить, окромя смотреть, чтоб перевоз на Днестре был исправен... Никому на пушечный выстрел, полагаю версту расстояния, селиться не позволять... Укрепления сей крепости содержать во всегдашней исправности... Никому не ломать и не портить, в чем Вы ничем оправдаться не можете. Вообще же все, что туркам принадлежало, по высочайшему государя повелению должно считать принадлежащим короне Российской...»³³.

* * *

В период русско-турецкой войны 1806–1812 г. бендерским военным комендантам кроме ремонта крепости и несения гарнизонной службы приходилось заниматься обеспечением бесперебойной переправы войск и снаряжения через Днестр, организацией, отправкой и сопровождением обозов в зону активных военных действий. Переправа была довольно хлопотным делом, так как река не раз напоминала о своем норовистом характере. 2–3 раза в год Днестр непременно разливался, сбивая паромы и прибрежные постройки. Начавшийся 29 марта 1808 г. ледоход продолжался до 5 апреля. «Вода разлилась от самой крепостной стены до селения Паркан расстоянием с лишним две версты, почему переправа чрезвычайно опасная»³⁴, – докладывал начальству И.Ф. Чичагов. Бендерский комендант был вынужден организовать работу парома не на канате, а на веслах. Впоследствии из-за непогоды паромы еще не раз выходили из строя.

Оставшееся малочисленное бендерское население, а также жители близлежащих сел обязаны были исполнять натуральную гужевую (транспортную) повинность, которая невероятно возрастала в военные годы. Весной 1809 г. Молдавский Диван обязан был обеспечить 1200 пар волов, необходимых для перевозки осадной артиллерии из Бендер в Текуч. В этих целях молдавское правительство направило из Кишинева в Бендеры своего чиновника Илью Ботезатула. От русского командования в крепость был командирован офицер Василий Бантыш, молдавский дворянин³⁵.

Как и в предыдущих войнах, главные потери русская армия понесла от инфекционных заболеваний. На октябрь 1812 г. в бендерском крепостном

госпитале, рассчитанном на 120 больных, находилось более 600 человек. Главный лекарь госпиталя жаловался вышестоящему начальству на ежедневно возрастающую смертность среди больных³⁶. После войны специальным указом от 29 мая 1817 г. при бендерском военном госпитале была учреждена «команда служащих инвалидов» – санитарная рота из не способных к строевой воинской службе солдат³⁷.

Согласно Бухарестскому мирному договору Бессарабия отошла к России. Русское командование приступило к капитальной реконструкции вновь приобретенных крепостей. Причисленная к оборонительным сооружениям первого класса, Бендерская крепость значительно преобразилась, став сугубо военным объектом. Из нее были удалены все гражданские учреждения и выселены мирные жители. Согласно штату должность коменданта крепости приравнивалась к генерал-майорской. Кроме него по ведомости 1821 г. в крепости значилось 4 офицера, 24 унтер-офицера и 324 человека рядового состава³⁸.

Находясь недалеко от Российских границ и в то же время в стороне от зоны военных действий, Бендерская крепость превратилась в арсенал артиллерийского вооружения и место постоянной дислокации артиллерийских и инженерных подразделений 6-го армейского корпуса. В крепости содержались также трофейные турецкие пушки, ядра и бомбы. Несколько раз Бендеры посещали царствующие особы в целях инспекции и смотра войск. Многократные поездки совершали крупные правительственные чиновники. Историки прошлого столетия с трепетом вычисляли дни и часы проезда «высочайших особ». А.И. Зашук пишет о том, что 4 апреля 1818 г. император Александр I «посетил Бендеры»³⁹, хотя в действительности его карета пролетела мимо крепости с задернутыми занавесками на Тирасполь. Император внимательно слушал в пути доклад графа Аракчеева, присоединившегося накануне в Кишиневе к его свите⁴⁰,

С 1820 по 1823 гг. 12 раз проезжал мимо Бендерской крепости А.С. Пушкин. Однако известно, что единственная его задержка в городе была обусловлена попыткой найти остатки лагеря Карла XII в Варнице. Зато здесь неоднократно по долгу службы бывал друг великого поэта И.П. Липранди – личность яркая и загадочная. Пушкинисты уверены, что именно он стал прообразом Сильвио – главного героя повести «Выстрел», и сам сюжет навеян одним из эпизодов яркой и таинственной биографии офицера.

Профессиональный военный разведчик, И.П. Липранди был прекрасно осведомлен о прошлом и настоящем стран Юго-Восточной Европы. Ему принадлежит во многом необычное описание Бендер начала 20-х годов XIX столетия: «...Затем самые Бендеры представляют особую характеристику своих жителей. Независимо от того, что здесь сосредоточивались всевозможные раскольничьи толки нашего исповедания и еврейского, но и фабрикации фальшивой мелкой монеты и в особенности турецких пар, выделяваемых просто из старых солдатских манерок (котелков – Г.А.); подделка ассигнаций,

паспортов и других видов. Чтобы запастись ими, стекались из отдаленных мест...»⁴¹. Для расследования этих происшествий и приезжал офицер по особым поручениям И.П. Липранди в крепость на допросы задержанных.

Другой друг А.С. Пушкина, подпоручик Иван Бартенев, служил в Бендерской крепостной инженерной команде. Рискую навлечь на себя гнев начальства, молодой офицер неоднократно навещал узника Тираспольской крепости В.Ф. Раевского, снабжал его свежими журналами, пересылал его корреспонденцию⁴².

В мирное время в далеком от основных воинских континентов и от столицы России гарнизоне не редкостью были различного рода злоупотребления, казнокрадство и издевательства некоторых офицеров над рядовыми чинами. В начале 1824 г. в Бендеры из Санкт-Петербурга нагрянула комиссия Главного штаба, направленная по следам письма ефрейтора Ивана Чуйкина, служившего в той же, что и И.Бартенев, 3-й сводный пионерной (инженерной) бригаде. Это письмо доведенный до отчаяния молодой человек отослал своему другу. В нем И.Чуйкин подробно рассказывает о тяготах повседневной службы и издевательствах начальников, которые «есть не что иное, как безумцы и невежи, лицемеры и нахалы». Письмо заканчивалось весьма тревожно для близких и друзей военнослужащего: «Ожидая ответа как от тебя, так и от отца в скорости, ибо первая несправедливость и грубость доведет меня до отчаяния»⁴³. Как это письмо попало в Главный штаб, неизвестно, но командование сурово наказало командира 3-й сводной пионерной бригады Салтова и некоторых других офицеров.

* * *

В годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Бендерская крепость принимала войска второго эшелона и развернула госпиталь до штата военного времени. 6 мая 1828 г. крепость посетил российский император Николай I, направлявшийся в действующую армию. Около часа стоял перед ним навзятку бендерский комендант, выслушивая указания по приему «государыни-императрицы», которая должна была приехать в крепость и там ожидать своего супруга. С 11 по 14 мая гарнизон нес усиленную караульную службу, охраняя императрицу Александру Федоровну, жившую в доме бендерского коменданта⁴⁴.

В кампании 1828-1829 гг. вновь много проблем возникло с переправой. Большие надежды русское командование возлагало на строившийся чуть ниже крепости стационарный мост. Немецкий инженер А.Шеффер обещал закончить его сооружение к лету 1828 г. Уже с осени 1827 г. началась подготовка подъездных путей к Днестру. Но 28 февраля 1828 г. начавшийся ледоход снес все воздвигнутые сооружения. К тому времени на бендерской переправе вместо обычных двух остался один паром, который с началом войны явно не мог справиться с возросшими транспортными нагрузками.

Переправа войск, обозов с боеприпасами, провиантом и ранеными осуществлялась и днем, и ночью, но все равно у Днестра скапливалось большое количество подвод, колясок и людей в ожидании своей очереди⁴⁵. В качестве натуральной повинности мирные жители Бессарабии с подводами и без них были задействованы летом осенью 1828 года на перевозке снарядов и пороха из Бендер, Тирасполя и Одессы в г. Брэилу⁴⁶.

С большим напряжением работал бендерский госпиталь. Смертность личного состава от эпидемий в годы этой войны была чрезвычайно высокой, что и явилось одной из причин поездки А.Я. Стороженко с инспекцией по южнорусским городам. Высокопоставленный чиновник 29 апреля 1829 г. посетил Бендерскую крепость, сохранив о ней навеянные непогодой противоречивые впечатления: «Въезжая в ворота Бендерские, с каким-то беспокойным любопытством я озираю мрачные стены и своды: глухой стук моего экипажа, гром и проливной дождь, казалось, пробуждали эхо прежних битв и ужасов, совершавшихся у стен Бендерских». После поездки А.Я. Стороженко предложил командованию построить в Бендерах большой госпиталь и признал неэффективным размещение 600 больных в гражданских домах на пространстве 4–5 верст, и прикрепленный к ним «один лекарь едва ли успеваешь лечить» их⁴⁷.

* * *

В преддверии Крымской войны 1853–1856 гг. русское командование предприняло заготовку провианта и фуража на Днестре⁴⁸. Одного спирта на медицинские нужды в Бендерской крепости хранилось 5062 ведра. Дрова и камыш, предназначенные для разворачиваемого госпиталя, не умещались на территории в отведенных местах⁴⁹.

Основные военные действия планировались на Дунае и Кавказе, и поначалу Бендеры виделись командованию глубоким тылом. Однако вступление в войну в феврале 1854 г. Англии и Франции на стороне Турции до предела обострило военную обстановку. В планах на 1854 год русское командование вынуждено было учитывать угрозу морских десантов противника. Значение Бендерской крепости как важного оборонительного объекта существенно возросло. Как уже упоминалось, 22 марта 1854 г. был подписан императорский указ о переводе Бендер на осадное положение. Согласно оперативному плану, в случае высадки англо-французского десанта в районе Днестровского лимана 16-й пехотной дивизии следовало направиться к Бендерской крепости и, опираясь на нее, организовать активную оборону совместно с резервной уланской дивизией⁵⁰. Крепость стала срочно вооружаться. Помимо резервных орудий из собственных казематов, на воздвигнутые люнеты были доставлены единороги (гладкоствольные гаубицы) из артиллерийского парка Тираспольской крепости⁵¹.

Развернувшееся в 1854 г. вокруг крепости оборонительное строительство, несмотря на огромные затраты и привлечение к работам десятков тысяч мирных жителей, имело и свои позитивные результаты, способствуя улучшению путей сообщения Бессарабии с другими российскими губерниями. Построенные два наплавных моста и подъездные пути к ним были переданы гражданскому ведомству. Впоследствии один из мостов был разобран, а другой служил главным средством переправы через Днестр вплоть до строительства железнодорожно-пешеходного двухъярусного моста в 1871 г.

Интерес к крепостям Бессарабии как к возможным объектам военных действий проявили и противники России. Французская военная разведка забросила в Бессарабию и на южную Украину разведывательно-диверсионную группу из 25 человек «для обозрения крепостей, местностей и прочего». 13 декабря 1854 г. в Парканах во время «снятия плана крепости Бендерской» были схвачены «два французских шпиона Егор Кузьмин, он же Балтазар Штарк, и Михаил Яворский». Еще двум их сообщникам удалось скрыться⁵².

Тяжелые для России условия мирного договора 1856 г. заставили высшее военное командование обратить усиленное внимание на Бендерскую крепость. Передача южной Бессарабии Румынии вновь приблизила город к границе. Возросло стратегическое значение крепости и после строительства железной дороги и моста через Днестр, что позволило отнести ее к разряду «тет-де-понов», то есть предместных оборонительных сооружений. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона Бендерская крепость характеризуется как классический пример мощного «тет-де-пона»⁵³.

После Крымской войны крепость стала местом постоянной дислокации 55-го Подольского пехотного полка, отличившегося при обороне Севастополя в 1854–1855 гг.

20 августа 1861 г. в крепость для смотра войск бендерского гарнизона прибыл лично российский император Александр II⁵⁴. С каждым разом приезды монархов обставлялись со все большей помпезностью. На организацию таких встреч выделялись огромные средства. Особенно пышно готовилась вторая встреча Александра II, который должен был приехать из Одессы 24 сентября 1869 г. Срочно была отремонтирована дорога от переправы до Варницких ворот крепости. Кроме того, она была украшена «эмблематическими украшениями», в числе которых «предполагается расставить в нишах по две пары мужчин и женщин из поселян всякой народности, обитающей в области (т.е. Бессарабии – Г.А.)». Император должен был приехать с семьей поездом до строящегося моста через Днестр в 10 часов вечера. Крепостная артиллерия приготовилась к торжественному салюту. Был срочно отремонтирован генеральский дом, где предполагалось разместить царскую семью⁵⁵. Однако все труды оказались напрасными. Внезапно заболела императрица, и Александр II изменил программу своего пребывания в южнорусских губерниях.

С прибытием Подольского пехотного полка и нескольких вспомогательных подразделений поднялся престиж должности коменданта Бендерской крепости, которая теперь соответствовала чину генерал-лейтенанта. На материальной базе Бендерской крепости проводились учения по развертыванию войск и совершенствованию боевой выучки. В 1874 г. на маневрах русских войск под Бендерами присутствовала большая группа румынских офицеров, размещенных для проживания в генеральском доме⁵⁶.

Во второй половине 1870-х годов высшим командованием рассматривался вопрос о проведении железнодорожной ветки на территорию крепости, однако впоследствии ее строительство было признано нецелесообразным⁵⁷.

* * *

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принесшей долгожданную свободу болгарскому народу, новую славную страницу в свою боевую биографию вписал Подольский полк. Его боевой путь на Балканы начался 12 апреля 1877 г. с участия в смотре войск, произведенном российским императором Александром II в Кишиневе. Подольский полк отличился при форсировании Дуная и в сражении на Шипкинском перевале. Развернутые по штату военного времени, подольцы значительно пополнились за счет выходцев из Бессарабии и непосредственно из Бендер. В Российском Военно-историческом архиве в Москве хранится «Список нижних чинов, переправлявшихся через Дунай в 1877 г.», которым через несколько лет, в 1881 году в Бендерах выплачивалось денежное вознаграждение⁵⁸. Это наиболее полный из известных списков участников войны 1877–1878 гг. – уроженцев Бендер, окрестных приднестровских и бессарабских сел, воевавших в составе 55-го Подольского пехотного полка и других воинских подразделений, сформировавшихся на территории крепости. Среди награжденных ефрейтор Гавриил Стоянов; рядовые Николай Проданов, Михаил Чмиль, Иван Чумаченко, Клим Швец; младший унтер-офицер Семен Добров, ефрейтор Василий Швец⁵⁹ и многие другие. Рядовой Подольского полка Иван Чебан был представлен к боевой награде за то, что в бою на Шипкинском перевале метким огнем из укрытия помешал отряду турецких стрелков зайти в тыл русским войскам⁶⁰.

На территории Бендерской крепости была сформирована первая дружина ополчения из местных жителей. Среди них было много бессарабских болгар-ополченцев, добровольно пришедших в Бендеры и горевших желанием участвовать в освобождении матери-Родины⁶¹.

К сожалению, увлекаясь ходом военных действий, мы еще недостаточно изучили другие страницы истории этой войны. К примеру, на Шипке, во многих болгарских городах и селениях местные жители трогательно заботятся о могилах российских воинов. Свыше 420 памятников воздвигнуто

признательными болгарами⁶². На многих могильных плитах выбиты имена и фамилии солдат и офицеров. Но биографии абсолютного большинства павших героев неизвестны. А ведь среди них много уроженцев Бессарабии. Неизвестны нам и рядовые будни войны. Мы не знаем, как служилось нашим предкам-землякам в далекой Болгарии. К примеру, журнал военных действий Житомирского пехотного полка, воевавшего бок о бок с подольцами (местом его постоянной дислокации являлся Тирасполь), сообщает следующие подробности пребывания «нижних чинов» в окопах вблизи г. Гарбово: «Обмундирование, обувь изношены, белья нет... Белье некоторые стали шить из сахарных мешков... Солдаты сильно страдают от развития насекомых (т.е. вшей – Г.А.)»⁶³.

* * *

К концу 1870-х годов Бендерская крепость окончательно потеряла свое значение самостоятельного оборонительного объекта. По утвержденному в 1878 г. Главным штабом российской армии военному плану на случай военных действий в Бессарабии «оборона крепости должна быть вынесена на впереди лежащие высоты»⁶⁴.

Крепость превратилась в постоянные «зимние квартиры» регулярных войск. Здесь же проводились занятия с резервистами. Хранились огромные запасы военного имущества. Согласно отчету коменданта Бендерской крепости за 1896 г. личный состав находившихся в ней 55-го Подольского пехотного полка и Ларго-Кагульского резервного батальона составил:

штаб- и обер-офицеров	– 28
строевых и нестроевых нижних чинов	– 663.

Из них «знающих чтение и письмо – 371, холостых – 620, больных – 112. Болезненность и смертность в частях гарнизона были значительные вследствие тифозной эпидемии 16 октября и 16 ноября... Снабжение крепости водой производится подвозом ее из реки бочками. Необходимо устройство водопровода»⁶⁵.

Это был последний отчет коменданта Бендерской крепости. Согласно приказу командования он передал всю крепостную документацию (28 журналов, ведомостей и деловых книг) бендерскому уездному военному начальнику. Закончилась военная история крепости как самостоятельного оборонительного объекта.

УЗНИКИ БЕНДЕРСКОЙ КРЕПОСТИ

Как и многие другие подобные сооружения средневековья, Бендерская крепость являлась не только местом долговременной обороны, но и выполняла весьма специфическую функцию: содержание в тюремной изоляции как пленников, так и провинившихся турецких воинов. Со временем здесь же содержались горожане и приезжие за различного рода преступления. Бендерские кадии (судьи) вершили свой суд по законам шариата и определяли провинившимся различные формы наказания, в том числе и заключение в крепостной тюрьме. Сюда же, в крепостные казематы, направлялись захваченные во время набегов на молдавские, польские и украинские земли рабы и ждали своей отправки в Кафу, Константинополь или другие невольничьи рынки.

Специфика данной темы объясняет существенную ограниченность в источниках. Мы не располагаем данными о том, что представляла из себя крепостная тюрьма в эпоху турецкого владычества. Вероятно, много таинственных страниц так и останется за пределами наших поисков.

За скудостью документов не всегда можно распутать сеть сложных дворцовых интриг, которые обильно плелись в Османской Порте. По информации Д.Кантемира, предводитель буджакских татар грозный Кантемир-мурза, наводивший ужас на соседние страны, будучи в должности двухбунжучного бая, «имея в своих руках Бендеры с окрестными степями... вдруг посажен в окопы и умерщвлен был»¹.

Во время обострения русско-турецких отношений в 1711 г. российские дипломаты и курьеры Шапкин, Каверин, Сафонов и другие были брошены в бендерскую тюрьму². Содержались они там более полугода не без стараний шведского короля Карла XII, всячески пытавшегося помешать дипломатической переписке российского императора и турецкого султана. Казачьи разъезды Ф.Орлика раз за разом нападали на русских курьеров, перехватывали корреспонденцию, а самих посланников направляли в темницу. «А чрез Бендер не чаю, чтоб уже кого пропустили»³, – сокрушался вице-канцлер и управляющий почтами П.П. Шафиров в письме другому видному сподвижнику Петра I Б.П. Шереметеву. Лишь смелый рейд юного ротмистра А.П. Вольтынского (впоследствии видного государственного деятеля) в конце ноября 1711 г. с конвоем к Бендерам изменил ситуацию. Русскому офицеру удалось прорваться сквозь казачьи кордоны и добиться аудиенции у нового бендерского паша Хуссейна⁴. Турецкий наместник после долгих проволочек выпустил русских затворников и пообещал проследить за бесперебойной доставкой дипломатической корреспонденции.

После насильственного выдворения шведского короля Карла XII 1(12) февраля 1713 г. затворниками Бендерской крепости оказались активные

участники «заговора». Сведения на этот счет противоречивы. Вполне естественно, насилие над «царствующей особой» было серьезным оскорблением и даже вызвало протесты европейских дипломатов⁵. Турки никак не рассчитывали на столь отчаянное сопротивление короля. Султан Ахмед III обещал Карлу XII сурово наказать виновных. В 1713 г. в Швеции было напечатано сообщение под длинным названием «Изображение правого оттоманского суда в Бендерах над виновниками нападения на дворец короля в Варнице, или кровавое возмездие, в котором открыто принял участие его султанское величество Ахмед III по пристрастию и благосклонности к интересам шведского короля»⁶. В этой публикации весьма живописно повествуется о наказании заговорщиков. 36 татарских офицеров 13 февраля «были взяты под сильный караул» янычарами. Был схвачен при попытке к бегству бобруйский староста. При нем были обнаружены «различные важные письма, вредные по содержанию интересам шведского короля»⁷.

25 марта того же года в Бендеры для расследования обстоятельства «заговора» прибыл великий везир, и уже 30 марта состоялось жестокое наказание виновных. «Арестованных татар возводили поодиночке на приготовленный для этого помост и живо рубили им головы и четвертовали, причем присутствовавшие янычары единодушно ликовали, выражая великое удовольствие, повесив разрубленные части на больших дорогах». Над виновными турками тоже было проведено быстрое следствие. Каждый третий был казнен, «а всего 95 душ обгарили кровью сабли свирепых янычар». Согласно публикации, янычары расправились также с бендерским агой, ворвавшись к нему в тюремную темницу⁸. В документе главным виновником заговора против Карла XII называется крымский хан, а его спасителями – турецкие янычары. Заканчивалась публикация напыщенными стихами: «Так побеждает Карл, татарин же должен покориться!..»

Еще в XIX веке ученые усомнились в правдоподобности красочно описанной бендерской «кровавой бани». В.Д. Смирнов, ссылаясь на более достоверные турецкие источники, сообщает о менее тяжком наказании виновных⁹. Появившаяся в Стокгольме публикация была явно предназначена для успокоения общественного мнения в Швеции. Особенно наглядно проступает неправдоподобность описанных в ней событий при сравнении с еще одной запущенной фальшивкой: «Точное описание воздвигнутых турецкою изобретательностью триумфальных ворот, которые были поставлены в Бендерах, благодаря стараниям и издержкам турецкого паши и великого везира, его королевскому величеству Карлу XII, шведскому королю при отъезде последнего в свои наследственные земли, с присовокуплением замечательной прощальной речи. Весьма точно переведено с арабского»¹⁰. Даже ошибка с указанием времени ее публикации (1710 г.) показывает маловероятность эпизода с упомянутой аркой и слабую осведомленность ее авторов с обстоятельствами пребывания Карла XII в Бендерах. Поэтому в соответствующей главе о застройке крепости я не счел необходимым кос-

нуться вопроса о якобы имевшем место случае сооружения триумфальной арки и ее демонтажировании после отъезда шведского короля.

* * *

После занятия Бендерской крепости русскими войсками под арестантские казармы были выстроены четыре здания, а также отдельный дом для военного суда. В тюрьме содержались заключенные как за воинские преступления, так и за уголовные. Бегство рекрутов из армии было распространенным явлением, несмотря на суровые наказания за дезертирство. К примеру, пойманный 30 июля 1821 г. рядовой Рижского драгунского полка Иван Фомин, просидев два с лишним месяца в Бендерской крепости 11 октября был «наказан шпицрутенами чрез пятьсот человек два раза и потом по выздоровлении будет приведен на верность служебной присяге»¹¹. Другой бывший военнослужащий Артем Воробьев во время наказания шпицрутенами в апреле 1822 года потерял сознание. Его направили на излечение в Тираспольский госпиталь. По выздоровлении ему надлежало получить недостающие удары шпицрутенами¹².

Рядовой Адам Павлов, из крестьян помещика графа Румянцева, находился на службе с 1 апреля 1806 г. За первый побег «был приговорен к наказанию кнутом и ссылке на галеры». За второй побег «прогнан шпицрутенами через 500 человек два раза и отправлен для продолжения службы в 12-ю пехотную дивизию»¹³. Из телесных наказаний применялось также битье розгами. К примеру, такому наказанию были подвергнуты два дезертира, бежавших из Григориополя. «Первый наказан розгами 20 раз, а второй 15..., и отосланы обратно в Григориопольскую градскую полицию»¹⁴.

Среди 64 бендерских колодников, содержащихся за уголовные преступления, по данным на 7 октября 1820 г. в основном преобладали воры, беглые крепостные крестьяне из центральных российских губерний и бендерские жители, их укрывавшие, скупщики краденого и фальшивомонетчики¹⁵.

Однако в крепостной тюрьме встречались и необычные узники. Еще во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. из центральных российских губерний в Бендеры стали приезжать представители религиозных сект духоборцев и субботников. Городское и губернское начальство узнало о них в 1818 г. Несколько раз активистов сект арестовывали, заключали в крепостные застенки, но за отсутствием состава преступления отпускали. К 24 мая 1819 г. в городе насчитывалось 40 духоборцев и субботников. В дальнейшем популярность сект, особенно субботников, в Бендерах возросла, что не на шутку встревожило местные власти. 14 ноября 1825 г. бендерский полицмейстер Бароцци отправил секретный рапорт Новороссийскому генерал-губернатору М.С. Воронцову с просьбой о принятии мер к «Бендерскому равнину Лейбе Шмилевичу, увлекающему слабых невежественных людей

в жидовство и помощников его Давида Кринищенского и Михаила Сребренника». Бароцци предложил первых двух отослать в Сибирь, а последнего определить на военную службу. «Признаю полезным удаление упомянутых евреев из Бендер»¹⁶. После многомесячного пребывания в бендерской крепостной тюрьме активисты секты были отправлены в Сибирь.

* * *

В 1821 г. вспыхнуло антитурецкое восстание греческого народа. Бессарабия стала местом концентрации повстанцев-гетеристов (этеристов) и их переправы в пределы Османской империи. Командующий 6-м армейским корпусом генерал Сабанеев докладывал из Тирасполя новороссийскому генерал-губернатору о массовом прибытии в Бессарабию добровольцев с оружием из Одессы и других причерноморских городов¹⁷. Царское правительство, заинтересованное в разжигании нового русско-турецкого конфликта, некоторое время оказывало негласную поддержку повстанцам, но после их поражения под Драгошанами 19 июня 1821 г. потребовало роспуска тайного общества «Филики Этерия» на территории Бессарабии¹⁸ и беспрекословной сдачи оружия повстанцами.

Такова предыстория появления в Бендерской крепости в 1821 году нескольких узников, заключенных тайно, без суда и следствия, проводших за решеткой более года. «Прусский инженерный офицер, премьер-лейтенант Фридрих фон Фабек ... доставлен июля 15-го сего года к содержанию в крепости впредь до особого разрешения от генерала Инзова (в то время исполнял обязанности новороссийского генерал-губернатора и наместника Бессарабии – Г.А.) по случаю строения им, фон Фабеком, для этеристов на берегу Прута против Скулянского карантина укрепления и потом перешедшего на нашу сторону»¹⁹. Фридрих фон Фабек находился в бендерской тюрьме до 11 декабря 1821 г., и затем был отправлен к генерал-лейтенанту И.Н. Инзову в Кишинев²⁰. Но в тот же день по распоряжению бессарабского наместника в крепость тайно, под усиленным конвоем, прибыли три греческих этериста: «капитаны Анастасий Бимбаш, Хаджи Оглу, Дука Константинов доставлены к содержанию в крепости впредь до особого разрешения генерал-лейтенанта Инзова»²¹. Пикантность ситуации заключалась в том, что все три руководителя повстанческими отрядами являлись офицерами российской армии и подлежали суровому наказанию за нарушение присяги на верность царю. В ежемесячных ведомостях напротив фамилий офицеров под графой «за что и на сколько осужден» значилось: «без суда».

Впоследствии, 25 июля 1822 г., один из греческих патриотов, Дука Константинов, был освобожден из-под стражи и ему было «дозволено иметь пребывание в городе на форштадте под полицейским наблюдением»²². 17 октября штабс-капитан Константинов «убыл в г. Курск для продолжения дальнейшей службы»²³. Сколько еще томилась в бендерских застенках его

товарищи, неизвестно. Но привлекает внимание тот факт, что пребывание греческих этеристов в Бендерах совпало с заключением в Тираспольскую крепость поэта-декабриста В.Ф. Раевского, арестованного в Кишиневе 6 апреля 1822 года, и также содержавшегося там без суда и следствия. Вероятно, об этих трех греческих патриотах, находившихся в бендерской тюрьме, сообщает И.П. Липранди в своей редкой рукописной книге: «Дука Албанец (он же Константинов – Г.А.) был поверенным в делах Али-паши Янинского в Бухаресте. После Этерии жил в Бендерах и Кишиневе...»²⁴. Об А. Бимбаше мы узнаем, что он командовал крупным повстанческим отрядом. Впоследствии умер в Бендерах²⁵. И.П. Липранди упоминает также о «Хаджи Продане»²⁶, однако нет уверенности, что он и «Хаджи Оглу» – одно и то же лицо. В любом случае эпизод с пребыванием греков-этеристов в Бендерской крепости весьма примечателен, и пока не нашел отражения в специальной литературе, посвященной греческому национально-освободительному движению²⁷.

* * *

Списки находившихся под стражей заключенных начала 1820-х годов свидетельствуют о сложных и противоречивых процессах, происходивших в российском обществе в целом и российской армии в частности. Усилившаяся реакция против инакомыслящих в последние годы правления Александра I сопровождалась, кроме того, и ужесточением дисциплины в армии, и привлечением к ответственности офицеров, уличенных в коррупции и жестоком обращении с подчиненными. По сведениям за 1822 год в крепости содержались три офицера «за растрату казенных денег» и «фальшивые подписи». 25 октября 1821 г. был арестован за избиение «нижних чинов» и «разного рода упущения и беспорядки» командир бендерской инженерной команды полковник М.Н. Корольков, содержавшийся в крепости около года²⁸.

Нередки были случаи, когда среди заключенных оказывались совершенно безвинные люди, месяцами терпеливо ожидавшие разбора обстоятельств своего задержания. Часто арестовывались и преступники, и свидетели, содержавшиеся вместе до суда. Так, по подозрению в тайной переправе через Днестр беглых крестьян, более года (с мая 1819 по октябрь 1820 гг.) незаконно содержались 8 бендерских жителей, причем старшему из них, Михаилу Семенову, уже исполнилось 75 лет²⁹.

Подобная практика продолжалась и в дальнейшем. Она была характерна для всей судебной системы царской России. По данным центральных архивов, в Бессарабии в середине XIX века «сидели напрасно» 84 процента заключенных, больше, чем в какой-либо другой российской губернии.

Сведения об условиях заключения в бендерской крепостной тюрьме весьма скудны. Составитель отчета за 1828 г. ревизор Танеев, представивший общую справку о состоянии тюрем на пути от Одессы до Петербурга, особо

не выделил бендерскую тюрьму ни среди худших, ни среди образцовых, хотя указанные им недостатки по тираспольской тюрьме во многом были характерны и для Бендер: «В Тирасполе острог каменный, построен замком и огорожен высокой стеной. В нем 6 арестантских покоев, из которых в четырех размещено 60 человек, а два пустых. При полиции арестованные мужчины и женщины содержатся вместе. Везде нечистота, воздух тяжелый, полов нигде нет, кушанье варится тут же в избе. В остроге для естественных надобностей арестанты не имеют особых мест, а исправляют их днем в самой ограде у стен. Крыша острога течет». Танеев подчеркнул, что перечисленные им недостатки характерны для большинства осмотренных им тюрем³¹. Вместе с Танеевым в Бендерах побывал один из губернских чиновников, сообщивший о том, что в городе тюрьма «весьма тесна и к помещению арестантов неудобна»³².

Обычно заключенные большинства губернских и уездных тюрем редко использовались для каких-либо работ. Бендерская тюрьма в 1820-х годах в этом плане несколько отличалась от остальных. Большинство заключенных привлекалось для работ в варницком каменном карьере и на строительстве в крепости. Работа там была не из легких. К примеру, в октябре 1821 г. 19 человек были «отпущены в городскую полицию за неспособностью к крепостной работе»³³. Однако с окончанием крупного строительства работы арестантов стали нерегулярными. В мае 1835 г. бендерские городские власти добились разрешения использовать заключенных для расчистки, благоустройства улиц и засыпки турецких подземных ходов, подчеркнув в своем рапорте Бессарабскому гражданскому губернатору, что использование труда арестантов будет полезно для их же здоровья. С 30 мая ежедневно в сопровождении конвоя из одного офицера и 6 солдат арестанты «прибывали из острога на работы не иначе как в кандалах»³⁴.

В мае 1828 г. последовал царский указ «О постройке в некоторых городах Бессарабской области острогов». Согласно этому постановлению в апреле следующего года началось строительство тюремного замка в Бендерах «по Большой липованской улице (ныне улица Советская – Г.А.), идущей от ново-выстроенной соборной каменной церкви... близ дома Леонтия Толстого»³⁵. Тюрьма, рассчитанная на 72 человека, стала городским долгостроем, и еще долгое время уголовники и военные преступники содержались вместе в крепостной тюрьме.

После тюремной реформы 1845 г. военных арестантов стали регулярно привлекать для военно-рабочей команды инженерного ведомства. В 1862 г. в арестантской команде крепости Бендеры, причисленной к инженерному ведомству числилось «63 арестанта военно-временного разряда и 1 арестант каторжного разряда»³⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надеюсь, мой читатель существенно обогатил свое представление об истории крепости на Днестре. Не менее интересно и прошлое города, возникшего вблизи крепостных стен. Первоначально он сохранял облик «касабы», то есть «местечка», торгово-ремесленного поселка, но затем приобрел статус «шехира» – города со всеми характерными для мусульманского мира чертами¹. Картографическое исследование М.Шлапак свидетельствует о хаотичной застройке города со значительной плотностью населения и в то же время демонстрирует его главные уличные артерии и характер заселения². История средневековых многонациональных Бендер богата разнообразными событиями. Безусловно, тщательное изучение истории города открыло бы немало любопытных фактов любителям старины. Прошлое Бендер всегда неразрывно связано с историей крепости.

* * *

После упразднения оборонительного статуса крепость стала местом постоянной дислокации войск, складирования боеприпасов и снаряжения, пунктом сбора и мобилизационной подготовки призывников. Армии XX века стали массовыми. В сентябре 1904 года сотни жителей Бендер и близлежащих сел в новеньких шинелях стройными колоннами вышли из крепости на погрузку к эшелонам, отправляющимся в далекую Маньчжурию. 55-й Подольский пехотный полк принял участие в кровопролитных сражениях с японцами у деревни Сандепу и под Мукденом. Вернулся полк на зимние квартиры в июле 1905 года, но уже не обратным маршрутом через всю полыхавшую революцией Россию, а южными морями до Одессы, а затем поездом до Бендер³.

26 августа 1912 г. в Бендерах широко отмечался 100-летний юбилей Отечественной войны с наполеоновской Францией. Городская газета «Бессарабский телеграф» сообщала подробности об открытии на территории крепости памятника воинам-подольцам, павшим на поле брани: «Памятник представляет собой четырехгранную гранитную колонну, на вершине которой установлен двуглавый золотой орел»⁴. Ныне памятник находится напротив южного рва крепости и является визитной карточкой города.

В начале первой мировой войны 55-й Подольский и 251-й Ставучанский пехотные полки, находившиеся в Бендерах, были укомплектованы до штата военного времени. Они воевали в составе 8-го армейского корпуса. С первых же дней войны командиром корпуса был назначен поступивший на русскую службу болгарский генерал-лейтенант Р.Д. Радко-Димитриев, получивший боевой опыт в ходе Балканской войны 1910–1912 гг. Подольцы отличились в Галич-Львовской наступательной операции, которой руководил блестящий русский полководец А.А. Брусилов. Не всегда удача сопутствовала нашим

землякам. 8-й армейский корпус понес большие потери в апреле 1915 г. во время контрнаступления австро-германских войск в районе Горлицы. Многим выходцам из Бендер и окрестных сел пришлось испытать горечь не только поражения, но и трехлетнего плена.

Необычное оживление царило в Бендерах весной 1916 года. 9 мая Юго-Западный фронт посетил российский император. Командующий фронтом А.А. Брусилов встретил Николая II в Бендерах, а затем сопроводил в Одессу, где император присутствовал на смотре дивизии, сформированной из военнопленных сербов, служивших прежде в австро-венгерской армии⁶.

В августе 1916 г. Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Бендеры стали прифронтовой зоной. Для бесперебойной переправы войск и обозов через Днестр под руководством крепостных военных инженеров силами австро-венгерских военнопленных севернее железнодорожного моста был построен наплавной мост. В период военных действий на Румынском фронте в Бендерской крепости квартировали запасной пехотный полк и две ополченских дружины. Местное отделение корпуса жандармов с беспокойством докладывало об участвовавших в городе и его окрестностях случаях мародерства со стороны военнослужащих. Несмотря на «сухой закон», по Бендерам ходило много пьяных солдат и призывников. 22 февраля 1917 г. по городу прокатились винные погромы⁷. Казавшаяся незыблемой Российская империя разваливалась, как картонный домик.

После Февральской и особенно Октябрьской революций началось массовое дезертирство военнослужащих с линии фронта. Командующий Румынским фронтом Д.Г. Щербачев пытался чрезвычайными мерами остановить поток беглецов. 18 января 1918 г. по его приказу все железнодорожные станции, в том числе и Бендеры, были взяты под усиленный контроль. «Поток дезертиров должен быть остановлен. Задержанных отправлять в ближайшие запасные части для новых формирований... Производство дел о сопротивлении на станциях заканчивать в 24 часа»⁸, – телеграфировал командующий фронтом. По его приказу во всех прифронтовых городах, в том числе и в Бендерах, была проведена единовременная акция по поимке дезертиров. Бендерский военный комендант направил усиленные патрули на вокзал, во все подозрительные места. В тот же день 18 января были проведены массовые облавы на подпольных продавцов спиртного. Вино, водка, самогон уничтожались на месте. Снег был красным от вина, по многим улицам текли потоки спиртного. Запах от него на улицах чувствовался еще несколько дней.

16 (29-го по новому стилю) января развернулись упорные двухнедельные бои немногочисленных и слабовооруженных революционных отрядов с превосходящими силами румынской армии. Особенно кровопролитным было сражение за обладание крепостью и местом через Днестр. 25 января (7 февраля) румынские войска вступили в Бендеры. Крепость перешла в ведение министерства обороны Румынии. С 1924 года в ее казармах располагался

10-й полк егерей королевской армии⁹. Незадолго до начала второй мировой войны крепости было присвоено имя Штефана чел Маре.

23 июля 1941 г. советские войска в связи с опасностью окружения были вынуждены оставить Бендеры. В крепости вновь расположились румынские войска, несшие охрану железнодорожного моста, который после восстановления получил название «Маршал Антонеску».

13–14 апреля 1944 г. советские части попытались с ходу овладеть правым берегом Днестра. По крепости, где засели фашистские войска, из парканских садов был открыт артиллерийский огонь. К счастью, разрушения были незначительными.

Почти сразу же после окончания Великой Отечественной войны, несмотря на многие другие неотложные задачи, 3 июля 1945 г. городской исполнительный комитет принял решение взять под охрану Бендерскую крепость, как исторический и архитектурный памятник республиканского значения. На территории крепости были запрещены любые работы, направленные на изменение внешнего вида или снос оборонительных сооружений. Чуть позже, 4 ноября 1949 г., горисполком подтвердил свое решение, включив крепость в число исторических памятников, находящихся на территории города¹⁰.

Однако Бендерская крепость так и осталась в ведении Министерства обороны СССР. 23 июня 1975 г. Центральный Комитет КПМ и Совет Министров МССР приняли совместное Постановление под № 211, в котором Бендерская крепость объявлялась историческим памятником республиканского значения. Однако решение, принятое на столь высоком уровне, явилось лишь еще одной формальной отпиской. Больше того, в начале восьмидесятых годов на территории крепости начались строительные работы, изменившие ее внешний облик. Был частично засыпан крепостной ров, разрушены северо-восточный бастион и Хотинские ворота.

* * *

Потрясенный стою у восточной крепостной стены: ее огромный фрагмент валяется вниз, подмытый, вероятно, дождем. Крепость гибнет. Роковые трещины, словно разрастающаяся пагуина, появляются в самых неожиданных местах. В первую очередь там, где нарушен дренаж или близко стоят современные постройки. Обходя с фотоаппаратом крепостные сооружения, я всегда внимательно следил, как бы в объектив не попали следы современной «наскальной живописи». Кто знает, быть может, лет через сто наши потомки с волнением будут тщательно срисовывать и долго ломать голову, что же означают таинственные надписи вроде «ДМБ-81. Керчь» или «рядовой Мамедов. Нахичевань» и многие другие «художества» обильно появляющиеся даже в самых труднодоступных участках крепости.

Кажется, уже давно всем понятно, что хозяином этого уникального комплекса должен стать не молодой человек с автоматом в руках, а археолог

с лопатой, кисточкой и блокнотом и экскурсовод с указкой. Еще в недавнем прошлом было принято несколько красивых постановлений по охране крепости, но катастрофически плохое состояние каменного исполина эти бумажки не улучшили. Сейчас и подавно никому нет дела до крепости. У всех и без нее хватает проблем. Возникшее на волне перестроечной эйфории Общество в защиту Бендерской крепости распалось тихо и незаметно.

Между тем трудно переоценить значение этого историко-архитектурного памятника. На его основе мы можем существенно пополнить свои знания о нашем историческом прошлом. Находясь между двумя уже известными специалистам археологическими комплексами в Старом Орхее и Белгород-Днестровском, древняя Тигина (Бендеры) играла свою специфическую роль в прошлом Нижнего Поднепровья, и основательные археологические изыскания в крепости могли бы наверняка снять многие серьезные проблемы, связанные с историей края.

Мы еще плохо осознаем, каким уникальным богатством располагаем. Таких хорошо сохранившихся (несмотря на наше варварское к ним отношение) исторических памятников очень мало. На территории Молдовы – лишь Сорокская крепость, но она слишком мала по сравнению с Бендерской.

Крепость могла бы стать важной статьей дохода от туристического бизнеса, являющегося во многих странах самым прибыльным и стабильным. Но, естественно, для этого необходимо потрудиться. В первую очередь нужна хорошо продуманная программа консервации крепости. Время неумолимо. Но в наших силах не ускорить, как мы сейчас это делаем, а замедлить естественный процесс старения оборонительного комплекса.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ГАОО – Государственный архив Одесской области.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
НАРМ – Национальный архив Республики Молдова.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
ПСЗ – Полный свод законов Российской империи.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГВИА – Российский Государственный Военно-исторический архив.
Сб.РИО – Сборник Российского исторического общества,
СПб – Санкт-Петербург.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Э.Челеби. Книга путешествия. Вып.1, Москва, 1961.
2. И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. М. – Л.1957, стр. 626.
3. П. Свиныйн. Описание Бессарабской области. – ЗООИД, т.6, Одесса, 1867.
4. К.Стамати. О Бессарабии и ее древних крепостях. – ЗООИД, т.2, Одесса, 1860.
5. А.Зашук. Материалы для военной географии и военной статистики России. Военное обозрение Бессарабской области. СПб, 1863.
6. Н.А. Маркс. К истории Бендерской крепости. Одесса, 1917.
7. Ş.Ciobanu. Cetatea Tighina. – Comisiunea monumentelor istorice. Secția din Basarabica. Chisinau, 1928.
8. D. Poștarencu. Din istoria Tighinei, Chișinău, 1992.
9. Е.М. Руссев. Борьба молдавского народа против оттоманского ига. Кишинев, 1968; Г.В. Гонца. Молдавия и османская агрессия в последней трети XVI в. Кишинев, 1984; И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством. Кишинев, 1992.
10. I.Chirtoagă. Tighina. – Destin românesc, 1994, Nr. 3.
11. Барбаро и Контарини о России. Москва, 1971, стр.3–4.
12. В. Гроссу. Крепость Тигина. – Политика, 1991, N1, стр.66.
13. Ю. Колесник. Тигина. – Glasul, 28 Iunie 1990.

Глава 1. КОГДА ЖЕ ВОЗНИКЛА ТИГИНА?

1. А. Зашук. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область. Часть 2-я, СПб, 1862, стр.145.
2. А. Накко. История Бессарабии с древнейших времен. Часть 2-я, Одесса, 1876.
3. П.Н. Батюшков. Бессарабия. Историческое описание. СПб, 1892, стр.106.
4. П.А. Крушеван. Бессарабия. Москва, 1903, стр. 217.
5. Britannica. The New Encyclopaedia. Vol. II, Chicago, 1994.
6. Const. C. Giurescu. Tîrguri sau orase și cetăți moldovene din secolul X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea. București, 1967, p.p. 58, 293.
7. E. Diaconescu, D.Matei. Alexandru cel Bun. 1400–1432. București, 1979, p. 43.
8. N.Costăchescu. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Vol. II, Iași, 1932, p. 630–631.

9. Там же, р. 631.
10. Е.М. Подградская. Торговые связи Молдавии со Львовом в XV–XVII веках. Кишинев, 1968, стр. 46.
11. Ф. Грекул. Молдавский город второй половины XV века. – «Вопросы истории», 1949, N11, стр. 122.
12. В.А. Войцеховский. Крепости Поднестровья. – Материалы докладов второй научно-технической конференции КПИ. Кишинев, 1966, стр.197; его же. К вопросу о периодизации строительства крепости в Бендерах. – Материалы третьей научно-технической конференции Кишиневского политехнического института. Кишинев, 1967, стр.189–190.
13. И.Г. Хынку. К древней истории Бендер. – «Советская Молдавия», 10 февраля 1970; См.также: I.Gh. Hîncu. Cetăți antice și medievale timpurii din Republica Moldova. Chișinău, 1993, p.p. 7–8; его же. Străvechi monumente din Republica Moldova, Chișinău, 1996, p.p. 43–43. К сожалению, в последних работах автор ничем не пополнил свою газетную публикацию почти 30-летней давности.
14. D. Poștarencu. Din istoria Tîghinei..., p.4; I.Chirtoagă. Tighina..., p.111; Л.Л. Полевой. Древняя Тигина найдена. – «Вечерний Кишинев», 10 января 1970.
15. См: Молдавия в эпоху феодализма. Т.1, Кишинев, 1961; т.2, Кишинев, 1978. M.Costăchescu. Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare. Vol. 1–2; Iasi, 1932; I. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. 1–2, Bucuresti, 1913; Documente Româniae historica. A. Moldova. Vol. II, București, 1976.
16. S.Giurescu. Țîrguri sau orașe..., p. 294.
17. См»: Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV веков. Москва, 1984; G. Bezviconi. Călători Rusi în Moldova si Muntenia. Bucuresti, 1947; Călători străini despre Țările române. Vol. 1, Bucuresti, 1968.
18. Книга хожений..., стр. 299.
19. Л.Л. Полевой. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979, стр.156.
20. Călători straini despre Țările române. Vol. 1, Bucuresti, 1968, p. 43.
21. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. – Записки Императорского Новороссийского университета. Т.1 Одесса, 1867, стр.125.
22. Путешествие и посольство господина Гильберта де Ланнуа. – ЗООИД, т. 3 Одесса, 1853, стр. 436–439.
23. P. Cocirlă. Țîrgurile sau orasele Moldovei in epoca feudală. Sec. XV–XVIII. Chișinău, 1991, p.14.
24. М.Н. Тихомиров. «Список русских городов дальних и ближних». – Исторические записки, т.40, Москва, 1952, стр. 223.

25. Е.П. Наумов. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». – Летописи и хроники. Сборник статей за 1973 год. Москва, 1974, стр.159.

26. A. Andronic. Orașe moldovenesti in secolul al XIV-lea în lumina celor mai vechi izvoare rusești. – Romanoslavica, XI, istorie, București, 1965, p. 215.

27. Книга Большому чертежу. Москва-Ленинград, 1950, стр. 112.

28. Ș. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 22.

29. П.П. Бырня. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1984, стр.65.

30. Там же, стр. 80.

31. Л.Л. Полевой. Очерки исторической географии Молдавии стр. 43–70.

32. Л.Л. Полевой. Деревянное и каменное гражданское строительство в городах Молдавии в XIV – первой половине XVI в. – Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972.

33. M.D. Matei. Studii de istorie orășenească medievală Moldova sec. XIV-XV. Suceava, 1970, p.73.

34. Там же, p. 37.

35. А.О. Добролюбский. Об археологическом изучении средневековья в Молдавии. – Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985 стр.189.

36. Н.А. Мохов. Молдавский торговый путь в XIV–XV вв. – Польша и Русь. Сборник статей. Москва, 1974, стр. 301.

37. V. Spineu. Moldova in secolele XI–XIV. București, 1982, p. 331.

38. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. ..., стр. 25.

39. В.Л.Егоров. Русь и ее южные соседи в X–XIII веках. – Отечественная история, 1995, N 6, стр.185.

40. Л.Л. Полевой. Очерки исторической географии Молдавии. стр. 34.

41. M. Costăchescu. Documentele moldovenesti..., p. 790.

42. Молдавия в эпоху феодализма. Том 2. Кишинев, 1978 док. №№ 105,106.

43. Там же, док. NN 2, 3, 5–7, 9, 10–12, 24.

44. Там же, док. N 98.

45. Там же, док. N 120.

46. Там же, док. N 111.

47. Там же, док. N 11.

48. Беер. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. Москва, 1783, стр. 21.

49. А.О. Добролюбский, А.Н. Дзиговский. Памятники кочевников IX–XIV вв. на западе Причерноморских степей. – Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.

50. С.А. Плетнева. Кочевники средневековья. Москва, 1982 стр. 56.

51. Там же, стр. 78.

52. Константин Багрянородный. Об управлении империей Москва, 1989, стр.157.
53. П.А. Крушеван. Бессарабия. Москва, 1903, стр. 217.
54. Ф.К. Брун. Древняя топография некоторых местностей Новороссийского края, – Новороссийский календарь. Одесса, 1858, стр. 38.
55. Г.А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. Москва. 1973, стр. 85.
56. ПСРЛ, т. IX, Москва, 1965, стр. 212, 6666/1158.
57. Г.А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966, стр. 239.
58. Там же, стр. 246.
59. Г. Аствацатуров. Очерки истории села Парканы. Часть 1. Бендеры, 1995, стр.8.
60. А.О. Добролюбский. Древности кочевников в Нижнем Поднестровье. – Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев, 1984, стр.156.
61. Там же, стр. 164.
62. Г.А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы..., стр.161.
63. А.О. Добролюбский. Тайны причерноморских курганов. Одесса, 1988, стр.156.
64. Там же, стр.157.
65. Г.А. Федоров-Давыдов. Общественный строй..., стр. 147.67.
66. V. Spinei. Moldova in secolele XI–XIV..., p. 275.
67. Книга хожений..., стр. 299.
68. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т.6 Статья «Верста».
69. А.И. Еремия. Географические названия рассказывают. Кишинев, 1990, стр.136–137.
70. В.Г.Фоменко. Еще о топониме Кишинев. – Ономастика. Москва, 1969, стр. 223.
71. Г.А. Федоров-Давыдов. Общественный строй..., стр. 113.
72. Справочник почтовой индексации. Т.1, Москва, 1969, стр. 524–525.
73. Книга хожений..., стр. 406.
74. П.Ф. Параска. Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV века. – Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1980, стр. 81.
75. В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб, 1887, стр.137.
76. Грамоти XIV ст. Киев, 1974, док. N 58, стор.113.
77. М.Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. – Ученые Записки Мордовского государственного университета. Вып. XI. Саранск, 1960, стр. 175.
78. ПСРЛ, т.11–12, стр. 205, 6917/1404–1409.

79. П.Н. Надинский. Очерки истории Крыма. Часть 1. Симферополь, 1951, стр. 64.
80. Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991, стр. 25. 81. В.Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. – Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т.2. Москва, 1940, стр. 29.
82. В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб, 1887, стр. 158.
83. Там же, стр.159.
84. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. 217.
85. Н.М. Карамзин. Предания веков. Москва, 1987, стр. 393.
86. Al. Bennigsen, Ch.Lemersier- Quelquejag. Le Khanat de Crimée..., p. 331.
87. Тунманн. Крымское ханство..., стр. 27.
88. Cronici Turcești privind tarile romane. Vol.1, București, 1966, p.268, 352.
89. Н.А. Баскаков. Родоплеменные названия кыпчаков в топонимике южной Молдавии. – Топонимика Востока. Москва, 1964, стр.47.
90. В.В. Бартольд. Сочинения, т.5, Москва, 1968, стр.140.
91. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1, кн.1, Москва-Ленинград, 1952, стр.140.
92. Летопись Бендерских церквей и прихода. – Кишиневские епархиальные ведомости, 1874, N 15, стр. 573.
93. Șt.Ciobanu. Cetatea Tighina..., p.19.
94. Там же, p. 20.
95. И. Дрон. Что в имени твоём – Тигина? – «Независимая Молдова», 24 августа 1994 года; он же. История названия «Тигина». – Педагогический журнал, 1984, N 5–6.
96. Э.Челеби. Книга путешествия..., стр. 206, 313 и др.
97. Șt. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 19.
98. В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т.III, часть 1, СПб, 1905, стр.1022,1034.
99. Л.Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Москва, 1969, стр. 38.
100. В.В. Бартольд. Сочинения. Т.5. Москва, 1968, стр.302; Л.Н. Гумилев. Древние тюрки. Москва, 1967, стр. 464.
101. Рашид ад-Дин. Сборник летописей..., стр. 142.
102. Л.Н. Гумилев. Древние тюрки..., стр. 58.
103. В.В. Бартольд. Сочинения. Т.3. Москва, 1965, стр. 445.
104. Там же, стр. 531.
105. Там же, стр. 42.
106. Там же, т. 2, часть 1. Москва, 1963, стр. 563.
107. Там же, т. 5. Москва, 1968, стр. 331,61.
108. В.Л. Егоров. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Москва, 1984, стр. 129.
109. В.В. Бартольд. Сочинения, т.3, стр. 553.

110. Там же, т.2, часть 1, стр. 848.
111. Н.А. Мохов. Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1964, стр. 87.
112. М.А. Усманов. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979, стр. 210.
113. Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов. ЗООИД, т.1, Одесса, 1844, стр. 44.
114. ПСРЛ, т. 12, 6940,15; 6940,16.
115. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр.203, 216.
116. Al. Bennigsen, Ch. Lemersier – Quelquejag. Le Khanat de Crime au debut du XVI siecle de la tralition Mongole a la cuzerainete Ottomane. – Cahiers de Russe et Sovietique. Vol.XIII; N 3, Paris, 1972, p.331.
117. Н.М. Карамзин. Предания веков, Москва, 1987, стр. 393–394.
118. И.Г. Хынку. К древней истории Бендер...
119. В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий...Т.II, ч.1, стр.834.
120. Д.И. Яворницкий. История запорожского казачества в трех томах, т.2, Санкт-Петербург, 1987, стр. 48–49.
121. История городов и сел Украинской ССР. Херсонская область. Киев, 1983, стр. 229.
122. Д.И. Яворницкий. История запорожского казачества..., стр. 469.
123. Documenta României historica. A.Moldova. Vol.II, București, 1976, p. 415.
124. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. Москва, 1976, стр.122.
125. Г. Уреке. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1971, п.193.
126. И. Некулче. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1974.

Глава 2. ПРЕДЫСТОРИЯ БЕНДЕРСКОЙ КРЕПОСТИ

1. С.А.Плетнева. Кочевники средневековья..., стр. 71, 78.
2. М.Н.Тихомиров. Пути из России в Византию в XIV–XV вв. – Византийские очерки. Москва, 1961, стр. 26; Книга хождений..., стр. 276.
3. Călători străini..., p. 472.
4. М.Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды..., стр. 241.
5. Cronici turcești..., Vol.1, p.180.
6. E. Diaconescu, D.Matei. Alexandru cel Bun..., p.127.
7. M. Costăchescu. Documentele moldovenești..., Vol. 2, p. 407.
8. А. Защук. Материалы для военной географии и военной статистики России..., стр. 338.
9. M.Guboglu, Inscripția sultanului Suleiman Magnificul în urma expediției în Moldova (1538/945). – Studii. Revista de istorie, București, 1956, N 2–3.
10. Д. Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, стр. 20.
11. N. Iorga. Istoria literaturii române în secolul XVIII-lea. Vol. I. București, 1969, p. 257–258.

12. В.Н. Ермуратский. Дмитрий Кантемир и его «Описание Молдавии» (вступительная статья). – Д. Кантемир. Описание Молдавии..., стр. XII.
13. Д. Кантемир. Описание Молдавии..., стр. 20.
14. М. Costăchescu. Documentele moldovenești..., p. 789.
15. Там же, p. 798.
16. М.А. Mehmed. Din raporturile Moldovei cu imperiul otoman în două jumătăți a veacului al XV-lea. – Studii. Revista de istorie. București, 1960, N 5, p.166.
17. Е. Kaluzniacki. Documenta moldawskie i multanskie z archiwum miasta Lwowa. Lwow, 1878, p.46.
18. См: I. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. I-II, Bucuresti. 1913.
19. N.Grigoraș. Moldova lui Ștefan cel Mare, Iași, 1982, p.92.
20. Сб. РИО, т. 95. СПб, 1895, стр. 264, 330, 351.
21. N.Grigoraș. Moldova lui Ștefan cel Mare..., p. 93.
22. В.А. Ульяницкий. Материалы для взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. Москва, 1887, стр.102.
23. N.Grigoraș. Moldova lui Ștefan cel Mare..., p. 99.
24. А.Д. Новичев. История Турции. Т.1. Ленинград, 1963, стр. 53.
25. Т. Gemil. Două documente tătărești referitoare la campania din 1476 a sultanului Mehmed al II-lea în Moldova. – Anuarul institutului de istorie și arheologie «A.D. Xenopol», Iași, 1968, Vol. V, p.193.
26. Там же, p.190.
27. Cronici turcești..., Vol. 1, p. 63.
28. И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско-Прутского междуречья..., стр. 9.
29. Там же, стр. 72.
30. Н.А. Мохов. Молдавия в эпоху феодализма..., стр.189.
31. Л.Е. Семенова. Некоторые аспекты международного положения молдавского княжества во второй половине XV в. – Юго-Восточная Европа в средние века..., стр. 225.
32. Беер. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. Москва, 1783, стр.19.
33. Catalogul documentelor turcești. Vol.II, București, 1965, p. 9.
34. М. Губоглу. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине. – Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т.1. Москва, 1964, стр.145 *Бунчук – длинный шест с прядями конских волос. Символ власти у турецких пашей, крымских ханов, а в дальнейшем у польских и украинских гетманов и русских казачьих атаманов.*
35. Сб. РИО, т. 41, СПб, 1884, стр. 470.
36. Там же, т. 95, СПб, 1895, стр. 40.
37. Э. Челеби. Книга путешествия..., стр. 42.
38. Там же. Введение, стр. 6.
39. Сб. РИО, т. 41, СПб, 1884, стр.152.

40. В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века..., стр. 340.
41. В.Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы..., стр. 23.
42. Н.А. Мохов. Молдавский торговый путь..., стр. 301.
43. I.Chirtoagă. Cioburciu. Revista de istorie a Moldovei, 1996, N 2, p.69; С.С. Giurescu. Țiguri sau orașe..., p. 213.
44. В.Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы..., стр.59.
45. Славяно-молдавские летописи..., стр.76.
46. Там же, стр.121.
47. Там же, стр. 77, 121.
48. ПСРЛ, т. 13, стр. 26, 7025.
49. Возможно, что и в том же 1518 году на обратном пути из Польши. Источники дают нам противоречивые сведения.
50. Славяно-молдавские летописи..., стр. 121.
51. Сб. РИО, т. 95..., стр. 607.
52. Там же, стр. 70.
53. ПСРЛ, т. XIII, стр. 26, 7025.
54. Documente turcești privind istoria Românilor. Vol.I, București», 1976, p.15.
55. Călători străini..., Vol. IV, p.439.
56. М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Москва, 1936, стр. 91.
57. Там же, стр.106.
58. С. Герберштейн. Записки о Московии. Москва, 1988, стр. 29.
59. Там же, стр. 59.
60. Г.В. Гонца. К истории молдавско-турецких отношений начала XVI века. – Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. Москва, 1979, стр. 59.
61. Д. Кантемир. Описание Молдавии..., стр. 50.
62. Хюсейн. Беда и ул-века и (Удивительные события). Часть 1. Москва, 1961, стр.57.
63. Documente turcești..., p.16,17.
64. Славяно-молдавские летописи..., стр.122.
65. N. Iorga. Studii istorice asupra Chilie și Cetății Albe, București, 1889, p. 186.
66. S. Ciobanu. Cetatea Țighina..., p. 22.
67. M. Guboglu. Inscricția sultanului Suleiman..., p.123.
68. N. Iorga. Studii istorice..., p.188.
69. S.Ciobanu. Cetatea Țighina..., p. 23.
70. П. Загребельный. Роксолана. – Сочинения, т.4, Москва, 1987, стр. 457–458.
71. Călători străini..., Vol. IV, p.380,
72. Там же, p. 384.
73. Cronici turcești..., Vol.1, p.p.188–189; 221–230, 254–255, 351–354 др.

74. М. Губоглу. Поход Сулеймана Великолепного в Молдавию 1538/945 г. в свете турецких летописей. – XXV Международный конгресс востоковедов. Т.2. Москва, 1963, стр. 441–442.

75. Г. Гонца. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984, стр. 143.

76. *Cronici turcești...*, Vol.1, p. 230,

77. И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско-Прутского междуречья..., стр.15.

78. *Cronici turcești...*, Vol.1, p.p. 230, 255 и далее по тексту.

79. Там же. p. 145, 150, 464 и далее по всему тексту.

80. Э. Челеби. Книга путешествия..., стр. 42.

81. Славяно-молдавские летописи..., стр.122.

82. *Cronici turcești...*, Vol.1, p.231.

83. Мартин Броневский. Описание Крыма. – ЗООИД, т. 6, Одесса, 1867, стр.339.

84. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. 341.

85. Э. Челеби. Книга путешествия..., стр. 43.

86. ЗООИД, т. ХШ, 1883, стр.263–264.

87. Опул. В: *Studii. Revista de istorie. București*, 1956, N 2–3.

88. Там же, p.119.

89. Там же, p.118.

90. Там же, p.112.

91. П.А. Чеботарь. Что воскликнул бендерский паша. Кишинев, 1990, стр. 111.

92. Летопись Бендерских церквей..., стр. 573; А.Защук. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область. Часть II, СПб, 1862, стр.145 и другие.

93. Цит. по кн.: П.А.Чеботарь. Что воскликнул бендерский паша..., стр.109.

94. Ș.Ciobanu. *Cetatea Tighina...*, p.26; C.Giurescu. *Tirguri sau orașe...*, p. 294 и другие.

95. М. Guboglu. *Inscriptia sultanului Suleiman...*, p.112.

96. *Cronici turcești...*, Voj.1, p.p. 62,188, 266 и далее по тексту.

Глава 3. ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КРЕПОСТИ

1. А. Защук. Материалы для военной географии..., стр. 339.

2. Ș. Ciobanu. *Cetatea Tighina...*, p. 55.

3. В.А. Войцеховский. К вопросу о периодизации..., стр.189–190.

4. Э. Челеби. Книга путешествия..., стр. 43.

5. Там же, стр. 44.

6. Там же.

7. Там же, стр. 45.

8. Там же, стр. 43.

9. Н.А. Маркс. К истории Бендерской крепости. Одесса, 1917, стр.9–10.
10. Э.Челеби. Книга путешествия..., стр. 43.
11. Там же, стр. 45.
12. Там же, стр. 206.
13. Там же стр. 43.
14. М. Бохосян. Арменската цивилизация. София, 1996, стр. 185–186.
15. M.Guboglu. Inscriptia sultanului Suleiman..., p.113–114.
16. А.Х.Тораманян. Зодчество Молдавии XIV – начала XX веков и его связи с архитектурой Закавказья. Ленинград, 1978, стр. 21.
17. В.Л. Мыц. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991, стр. 52.
18. И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско-Прутского междуречья..., стр. 34.
19. А.Д.Новичев. Турецкие кочевники XV–XVIII вв. – Международный конгресс востоковедов. Т. 2..., стр. 418.
20. А.Зашук. Материалы для военной географии..., стр. 340.
21. В.Е. Сыроечковский, Мухаммед Герай и его вассалы..., стр. 61.
22. М.А. Алекберли. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII вв. Саратов, 1961, стр.142; S.Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 29.
23. I.Chirtoagă. Tighina..., p.114.
24. А.И. Еремия, Географические названия рассказывают. Кишинев, 1990, стр. 64.
25. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Москва, 1987, т. III, стр. 208.
26. Cronici turcești..., Vol.I, p.287.
27. Там же, p. 295.
28. Там же, p.p. 250, 296.
29. Г. Аствацатуров. Очерки истории села Парканы..., стр.15.
30. М.А. Алекберли. Борьба украинского народа..., стр.142; Ş.Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 29.
31. И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско-Прутского междуречья..., стр. 74.
32. РГВИА, ф. ВУА, д. 21683.
33. Г. Уреке, Летописецул цэрий Молдовой. Кишинэу, 1971, п.п. 209–300.
34. Călători străini..., Vol. 3, p.p. 201,253 и др; Ş. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p.p. 30–31.
35. S. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 30.
36. В.А. Войцеховский. К вопросу о периодизации..., стр.190; А.Зашук. Материалы для военной географии..., стр. 339.
37. Călători străini..., Vol. 5, p.89–90.
38. Э. Челеби, Книга путешествия..., стр.45.
39. Ş. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p.35.
40. В.Е. Шутой, Позиция Турции в годы Северной войны. 1700–1709 гг. – Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. Москва, 1959, стр.117.

41. М. Губоглу, Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине..., стр.145.
42. И. Некулче. О сама де кувинте. Кишинев, 1974, стр. 244.
43. Ș.Ciobanu. Cetatea Tighina..., р. 36.
44. Călători străini..., Vol. III, р.р. 257–258.
45. Болверк – вспомогательное оборонительное сооружение.
46. Клееман. Путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, также в земли Буджакских и ногайских татар и во весь Крым с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию. СПб, 1783, стр.65–66.
47. РГВИА, ф.1837, оп.1, д. 270, л.17 об.
48. Там же, ф.1837, оп.1, д. 267. л. 98
49. НАРМ, ф.1, оп.1, д. 3971, л.1.
50. Там же, ф.2, оп.1, д. 2197, л.1.
51. РГВИА, ВУА, д. 21 685, л.1.
52. П. Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Москва, 1800, стр. 228–230.
53. Записки графа Ланжерона. – Русский архив, 1907, июнь, стр. 578.
54. П.П. Свиньин. Описание Бессарабской области..., стр. 296–297.
55. А.Защук. Материалы для военной географии..., стр. 339–340.
56. НАРМ, ф.1, оп.1, д. 267, л. 2.
57. ПСЗ, т. 31, стр.660; НАРМ, ф.1, оп.1, д. 361, л. 5.
58. Там же, ф.2, оп.1, д.153, л.1.
59. Летопись Бендерских церквей... – Кишиневские епархиальные ведомости. 1874, N 16, стр. 650–651.
60. А. Защук. Материалы для военной географии..., стр. 340.
61. Там же; Летопись Бендерских церквей..., стр. 728.
62. Кордегардия – помещение для караула, охраняющего крепостные ворота.
63. Н.А. Маркс. К истории Бендерской крепости..., стр. 3.
64. А. Защук. Материалы для военной географии..., стр. 340.
65. Мормон. Путешествие в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь. Т.1. СПб, 1840, стр.142.
66. НАРМ, ф.2, оп.1, д.6092, л.1.
67. Г. Аствацатуров. Очерки истории села Парканы..., стр.102.
68. НАРМ, ф.2, оп.1, д.6092, л.32.
69. Там же, л. 21.
70. Там же, л. 67.
71. Там же, д. 6176, л. 3 об.
72. А. Защук. Материалы для военной географии..., стр. 341.
73. НАРМ, ф. 2, оп.1, д. 6092, л. 233.
74. РГВИА, ф.1837, оп.1, д. 253, л. 4.
75. Там же, стр.114 об.
76. Там же, д. 270, л.л. 22, 30.

Глава 4. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КРЕПОСТИ В XVI–XVII ВЕКАХ

1. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-восточной Европы в XV–XVI вв. Москва, 1984, стр.37.

2. Ш. Лемерсье-Келькеже. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов. – Франко-русские экономические связи. Москва-Париж, 1970, стр. 39.

3. Там же.

4. M. Maxim.Teritorii românești sub administrație otomană în secolul al XVI-lea. – Revista de istorie. 1983, N8, p. 806.

5. Там же, p. 807.

6. I. Chirtoagă. Tighina..., p.113.

7. И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско – Прутского междуречья..., стр.17.

8. Э.Челеби. Книга путешествия..., стр. 42.

9. Там же.

10. А. Зайончковский. О стратегмах и военных уловках по турецким источникам. – Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. Москва, 1974, стр.13.

11. И.Б. Греков. К вопросу о характере политического сотрудничества османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. – Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. Москва, 1979, стр. 300.

12. Османская империя в первой четверти XVII века. Москва, 1984, стр.17.

13. В.А. Александров. Организация обороны южной границы русского государства во второй половине XVI–XVII вв. Россия, Польша и Причерноморье..., стр.159.

14. В.А. Серчик. Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII в. – Россия, Польша и Причерноморье..., стр. 174.

15. И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско-Прутского междуречья..., стр. 15–16.

16. М.С. Грушевський. Історія України-Руси. Т. VII Козацьки часи – до р. 1620. Київ – Львів, 1909, стр.107.

17. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы. Т. 1. Москва, 1965, стр. 117.

18. Ș Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 23.

19. Там же, p. 24.

20. Н.А. Мохов. Дружба ковалась веками. Кишинев, 1980, стр. 71.

21. Б.П. Хашдэу. Ион воевода Лютый. Кишинев, 1989, стр. 47.

22. Н.А. Мохов. Дружба ковалась веками..., стр. 76.

23. Ș. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 29.

24. М.С.Грушевский. Історія України-Руси..., т. VII, стр.150.

25. ЗООИД, Т.ХІ, Одесса, 1879, стр. 468.

В данном случае сведения источников противоречивы, что позволяет сделать и другой вывод о том, что казакам не удалось захватить цитадель (см. Исторические связи..., т.1, стр. 320, примечание 180). Однако характер разрушений и богатые военные трофеи казаков дают все основания предположить факт взятия крепости.

27. М.С. Грушевський..., там же, стр.165.

28. Г. Уреке. Летописецул..., п. 206.

29. Cronici turcești..., Vol. I, p. 361.

30. Исторические связи..., т.1, стр. 320.

31. Ș. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 30.

32. Там же.

33. Там же.

34. Там же, р.31.

35. Ф. Брун. Материалы, касающиеся Крыма и Молдавии. – ЗООИД, т.11, Одесса, 1879, стр. 468.

36. Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. ЗООИД, т. 11..., стр..., стр. 479.

37. Исторические связи..., т. 1, стр. 192.

38. Ș. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p.31.

39. Исторические связи... Т.1, Кишинев, стр. 221.

40. М.С. Грушевський..., там же, стр. 203.

41. Н.А. Мохов. Дружба ковалась веками..., стр. 95.

42. Исторические связи..., там же, стр. 214.

43. I.Chirtoagă. Tighina..., p.115.

44. Там же, стр. 209.

45. Călători străini..., vol. III, p.255. 46 I.Chirtoaga. Tighina..., p.115.

47. Исторические связи..., стр. 223.

48. И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско-Прутского междуречья..., стр.18.

49. Г. Гонца. Общие и особенные черты в положении Молдовы и стран Балканского полуострова в системе господства Османской империи. – Молдавский феодализм. Общее и особенное. Кишинев, 1991, стр.108.

50. Călători străini..., Vol. III, p. 646–647.

51. Ș.Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 31.

52. Calatori străini..., Vol. III, p. 646.

53. Там же, р. 649.

54. Там же, р. 650.

55. Там же, р. 652.

56. Османская империя в первой четверти XVII в. Сборник документов и материалов. Москва, 1984, стр. 22–23.

57. Д.Кантемир. Описание Молдавии..., стр. 25.

58. Ș.Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 32.

59. Беер. История о жизни и делах..., стр.19.

60. Османская империя в первой четверти XVII в..., стр.160.
61. Там же, стр. 23.
62. С.О. Шмидт. Русские полонянки в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. – Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Москва, 1961, стр. 30.
63. Османская империя в первой четверти XVII в. ..., стр. 23.
64. I. Corfus. Documente privitoare la istoria Romăniei culese din arhivele polone. Secolul XVII-lea. București, 1983, p. 94.
65. М.С. Грушевский..., стр. 378.
66. Османская империя в первой четверти XVII в стр. 191.
67. Там же, стр. 26.
68. Там же, стр. 190.
69. Там же, стр. 176.
70. Там же, стр. 194.
71. I. Corfus. Documente privitoare..., 231.
72. И.Б. Греков. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства. – Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. Москва, 1970, стр. 305.
73. Э. Челеби. Книга путешествия..., стр. 42.
74. Там же, стр. 43.
75. Там же, стр. 44.
76. Там же, стр. 45.
77. Там же, стр. 44.
78. Литоніс Самовидця. Київ, 1971, стор.116.
79. А.Защук. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область. Часть 2, Санкт-Петербург, 1862, стр.148.
80. Литоніс Самовидця..., стр.139.
81. I. Chirtoaga. Tighina..., p.115.
82. Н.А. Мохов. Дружба ковалась веками..., стр.141.
83. Литоніс Самовидця..., стор.153.
84. В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII ст..., стр. 599.

Глава 5. БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОГО ПРОТИВОБОРСТВА В XVIII СТОЛЕТИИ

1. I. Chirtoagă. Tighina..., p.115.
2. И. Некулче. Летописецул..., п.189.
3. В.Е. Шутой. Позиция Турции в годы Северной войны. – Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. Москва, 1959, стр.113.
4. Там же, стр.114.
5. С.Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. Москва, 1971, стр. 51.

6. Письма и бумаги Петра Великого. Т.VII, вып. 2, Москва-Ленинград, 1946, стр. 824.
7. Там же.
8. В.Е. Шутой. Позиция Турции..., стр.121–122.
9. Там же, стр.123.
10. В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889, стр.15.
11. Ф. Лагус. Карл XII в южной России. – ЗЗИД, т. 3, Одесса, 1852, стр. 325.
12. Там же, стр. 36.
13. С.Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения..., стр.14.
14. В.А. Артамонов. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы. Москва, 1990, стр. 44.
15. ЦГАДА, ф.17, оп.1, д. 91, л.395.
16. Письма и бумаги Петра Великого..., т. IX, вып. 2, стр.1078.
17. Д.И. Яворницкий. История запорожского казачества..., Т.3, стр. 230.
18. Там же, стр.347.
19. С.Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения..., стр. 38.
20. В.А. Артамонов. Россия и Речь Посполитая..., стр. 44,
21. Я.И. Штернберг. Русско-венгерские отношения периода Полтавской битвы. – Полтавская победа..., стр. 98.
22. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр.16–17.
23. Там же, стр.18.
24. С.Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения..., стр.65.
25. В.А. Артамонов. Россия и Речь Посполитая..., стр.166.
26. Д.И. Яворницкий. История запорожского казачества..., т.3, стр. 370–371.
27. А.З. Мышлаевский. Война с Турцией 1711 г. СПб, 1898, стр.113.
28. В.А. Артамонов. Россия и Речь Посполитая..., стр. 86.
29. Н.Н. Молчанов. Дипломатия Петра Великого. Москва, 1984, стр. 280–281.
30. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр.19.
31. Письма и бумаги Петра Великого..., т. XII, вып. 2, стр. 292.
32. Там же, стр. 515.
33. Н.Н. Молчанов. Дипломатия Петра Великого..., стр. 295.
34. Там же.
35. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. 23. Более подробно о мнимом «наказании виновников» см. главу «Узники Бендерской крепости».
36. I. Remus. Drumul regelui Carol al XII-lea prin Tara românească și Ardeal în anul 1774. – Revista istoria. 1934, N 1–3, p. 24–25.
37. Д.И. Яворницкий. История запорожского казачества..., т.3, стр. 507–508.
38. Письма и бумаги Петра Великого..., т. X, стр. 506.
39. I. Chirtoagă. Tighina..., p, 116.
40. Ș. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 46.

41. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. 45.
42. РГВИА, ВУА 21683, л.1.
43. Е. Шульман. Русско-молдавское боевое содружество (1735–1739), Кишинев, 1962, стр.35.
44. Д.Ф. Масловский. Ставучанский поход. Документы 1739 г. Санкт-Петербург, 1892, стр.188.
45. Там же, стр.192.
46. Р. Михнева. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. Москва, 1985, стр. 64.
47. Р. Михнева. К вопросу о русско-турецких отношениях после Белградского мира – 1739–1741 гг. – *Etudes balkaniques*, vol.15, 1979 N 4, p. 94–95.
48. Там же, p.104.
49. Там же, p.106.
50. Ş. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p. 46.
51. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. 82, 84.
52. Клееман. Путешествие..., стр.61.
53. Н.А. Мохов. Дружба ковалась веками..., стр. 265.
54. Там же, стр.67.
55. А.Н. Петров. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Т.1, СПб, 1893, стр.125.
56. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр.109–111.
57. П.А. Гейсман и А.Н. Дубовской. Граф П.И. Панин. СПб, 1897, стр. 30.
58. А.Н. Петров. Влияние турецких войн..., стр.185.
59. Из бумаг Н.И. Панина, – Русский архив, 1878, N12, стр. 467.
60. А.Н. Петров. Война России с Турцией и польскими конфедератами, Т. II. Год 1770, СПб, 1866, стр. 26.
61. П.А. Гейсман и А.Н. Дубовской. Граф П.И.Панин..., стр. 38.
62. А.Н. Петров. Война России с Турцией..., стр.296.
63. Там же, стр. 299.
64. Подробно об этом см. «Служебный журнал графа П.И. Панина». – Русский архив, 1878, N 12.
65. Н.А. Мохов. Дружба ковалась веками..., стр. 204.
66. А.А. Лефорт. История царствования государыни Екатерины II. Часть III. Москва, 1837, стр. 24.
67. Каркасы – особым способом изготовленные зажигательные снаряды. Зажигательный состав изготавливается из селитры и серы с прибавкой для связи пакли, шерсти и смолы. За свою необычную форму были названы «теремками» (см. приложение).
- «Для того чтобы противник не мог подойти и потушить снаряд, внутри ядра вставлялись куски металлических трубок калибра ружейных стволов, заряженные пулями и упакованным порохом. (См.: Д.Е. Козловский. История материальной части артиллерии. Москва, 1946, стр.104.)»
68. А.Н. Петров. Война России с Турцией..., стр. 334.
69. Там же, стр. 335.

70. А.И. Андрущенко. О самозванстве Е.И. Пугачева и его отношениях с яицкими казаками. – Вопросы социально-экономической истории..., стр. 147. Вероятно, читателю известна и другая превратность судьбы. Войсками по разгрому крестьянско-казацких отрядов Е.И. Пугачева руководил его бывший командующий армией П.И. Панин.

71. РГАДА, ф. 293, оп.1, стр.14.

72. А.Н. Петров. Война России с Турцией..., стр. 337.

73. I.Chirtoaga. Tighina..., p.118.

74. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России. – Русская старина, 1894, май, стр. 160.

75. В.Д.Смирнов. Крымское ханство..., стр. 182.

76. Тунманн. Крымское ханство..., стр. 56.

77. I.Chirtoagă. Tighina..., p. 118.

78. Там же.

79. ЗООИД, т. 11, Одесса, 1897, стр. 406.

80. А.Н. Петров. Вторая турецкая война в царствовании императрицы Екатерины II. Т.2, СПб, 1880, стр. 31.

81. Там же, стр.45,

82. РГВИА, ф. 52, оп. 1/144, д. 523, л. 2.

83. Секунд-майор фон Раан. Перечень из собственного своего журнала в продолжении прошедшей войны при завоевании Молдавии и Бессарабии с 1787 по1790 годы, Кишинев, 1891, стр. 59.

84. РГВИА, ф. 52, оп. 1/144, д. 531, л. 2.

84. Там же, л. 3.

86.А.Я. Стороженко. Два месяца в дороге. Москва, 1871, стр. 46.

87. РГВИА, ф.52, оп. 1/144, д. 531, л. 24

88. Н.Ф. Шахмагонов. От Очакова до Измаила. Москва, 1991, стр.49.

89. А.Н. Петров. Вторая турецкая война..., стр. 84.

90. Секунд-майор фон Раан. Перечень, стр. 94

91. РГВИА, ф.52, оп.1/144, д. 529, ч.13, л. 13 об.

92. Там же, л. 14.

93. ЗООИД, т. 4. Одесса, 1860, стр. 370.

94. А.А. Федоров-Давыдов. Михаил Иванов. Москва, 1950, стр. 4.

95. Г. Аствацатуров. Очерки истории села Парканы..., стр. 21

96. Chirtoagă. Tighina..., p.118.

97. Ş. Ciobanu. Cetatea Tighina..., p.48

Глава 6. БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX СТОЛЕТИИ

1. А.Н.Петров. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1, СПб, 1885, стр.109.

2. Записи И.П. Котляревского о первых действиях русскивойск в турецкую войну 1806 года (По рукописи Императорской публичной библиотеки). Б/г, стр. 4.

3. Там же, стр. 5.
4. А.Н. Петров. Война России с Турцией..., стр. 110.
5. РГВИА, ВУА, д. 2879, л. 73.
6. Записи И.П. Котляревского..., стр. 7.
7. Там же, стр. 8.
8. А.Н. Петров. Война России с Турцией..., стр. 113.
9. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. – Русский архив, 1907, май, стр. 433.
10. Записи И.П. Котляревского..., стр. 9.
11. РГВИА, ф.14209, оп. 5/165, д. 29, ч. 4, св. 21, л. 2.
12. Там же л. 6.
13. Записи И.П. Котляревского..., стр.11.
14. ГАОО, ф.1, оп.1, д. 4, л. 4 об.
15. А.Н. Петров. Война России с Турцией..., стр.125.
16. Записки графа Ланжерона..., август, стр.125.
17. Там же, май, стр. 448.
18. РГВИА, ф.14209, оп. 5/165, д.29, св. 21, л. 41.
19. Там же, л. 56 об.
20. Там же, л. 59 об.
21. ГАОО, ф.1, оп.1, д. 4, л.10.
22. РГВИА, ф.14209, оп. 5/165, св. 21, д.24, л.135.
23. ГАОО, ф.1, оп.1, д. 4, л.697.
24. Там же, л.107.
25. Д. Бантыш-Каменский. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. Москва, 1810, стр. 66.
26. НАРМ, ф.1, оп.1, д. 240: «Переписка с фельдмаршалом Прозоровским о вручении пакетов бендерскому Гассан-паше, находящемуся в Кишиневе».
27. Д. Бантыш-Каменский. Путешествие в Молдавию..., стр. 66.
28. РГВИА, ф.14209, оп. 5/165, св. 32, д. 41, л. 4.
29. Там же, л.л. 18–21.
30. Там же, л.л. 28-30.
31. Там же, л. 47.
32. Записки графа Ланжерона..., сентябрь, стр. 578.
33. НАРМ, ф.1, оп.1, д. 214, л.л. 3–5.
34. Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Том 1. Кишинев, 1990, стр. 361.
35. НАРМ, ф. 1, оп. 1, д. 471, л.л. 23, 27.
36. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 35, л. 3.
37. ПСЗ, изд. 2, т. 34. N 26891.
38. НАРМ, ф.2, оп.1, д. 749, л. 9.
39. А. Зашук. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область. Часть 2-я. СПб, стр.150.
40. Н.К. Шильдер. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3, Санкт-Петербург, 1987, стр.98.

41. Пушкин в воспоминаниях современников. Том 1. Москва, 1974, стр. 334.
42. Н.Я. Эйдельман. Первый декабрист. Москва, 1990, стр. 275–276.
43. РГВИА, ВУА 775, л.1 об.
44. Труды Бессарабской губернской..., т. 2, Кишинев, 1902, стр.42.
45. Г. Аствацатуров. Очерки истории села Парканы..., стр. 101.
46. НАРМ, ф. 2, оп.1, д.1283, л.1.
47. А.Я. Стороженко, Два месяца в дороге по Бессарабии, Молдавии и Валахии в 1829 году. Москва, 1872, стр. 45–46.
48. М.И. Богданович. Восточная война 1853–1856 г. Том 1. Санкт-Петербург, 1876, стр. 66,
49. ГАОО, ф.1, оп. 215, д. 22, л. 2 об., л. 17.
50. В.М. Черемисинов. Одесса в истории русских войн. Одесса, 1904, стр. 92.
51. Там же, стр. 76.
52. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 6228, л.л.1–2.
53. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т.65. Статья «Тег-де-пон».
54. А. Защук. Материалы для географии..., стр.150.
55. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 8043, л.л. 26–49.
56. РГВИА, ф.1837, оп.1, д. 267, л. 104.
57. Там же, л.105 об.
58. РГВИА, ф. 2670, оп.1, д. 110.
59. Там же, л.л. 3 об., 4, 6, 24, 24 об.
60. К.А. Поглубко. Весна освобождения. Кишинев, 1978, стр.191.
61. Там же, стр.179; К. Калчев. Бессарабски българи ополченци в руско-турската война (1877–1878 г.). Велико Тырново, 1995, стр.15.
62. К.А. Поглубко. Весна освобождения..., стр. 6.
63. РГВИА, ВУА, Д. 8285, л. 35 об.
64. Там же, ф.1837, д. 267, л. 41.
65. Там же, л.1 об, л.л. 47–49.

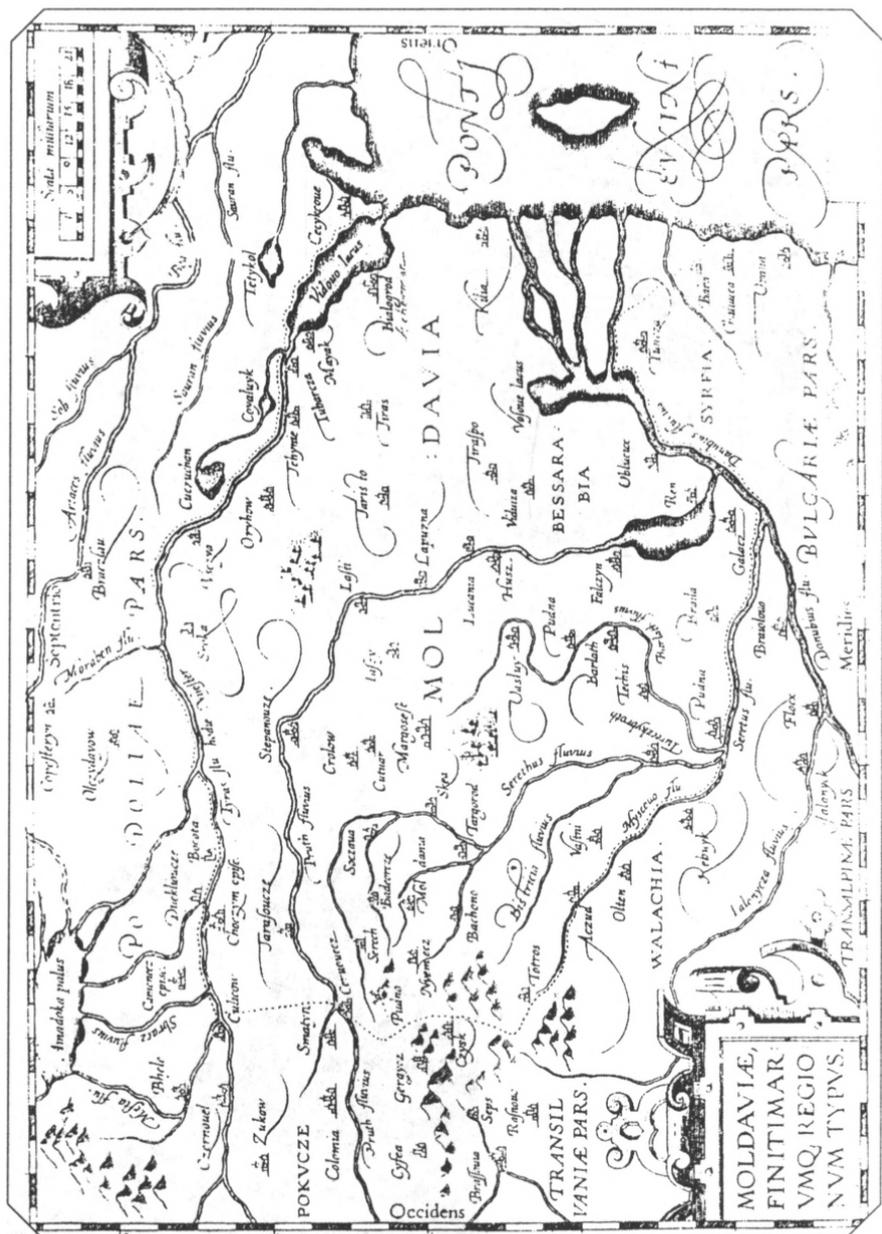
Глава 7. УЗНИКИ БЕНДЕРСКОЙ КРЕПОСТИ

1. Беер. История о жизни и делах..., стр.19.
2. Письма и бумаги Петра Великого..., т. XI, вып. 2, стр. 26.
3. Там же, т. XII, вып. 1, стр. 298.
4. Там же, т. XI, вып. 2, стр. 579.
5. Ş. Ciobanu. Cetatea Tighina..., р. 42.
6. ЗООИД, т. X, Одесса, 1877, стр. 459.
7. Там же, стр. 460.
8. Там же, стр. 463.
9. В.Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. 23.
11. НАРМ, ф. 2. оп.1, д. 749, л. 236.
12. Там же, д. 808, л. 377.
13. Там же, л. 802.

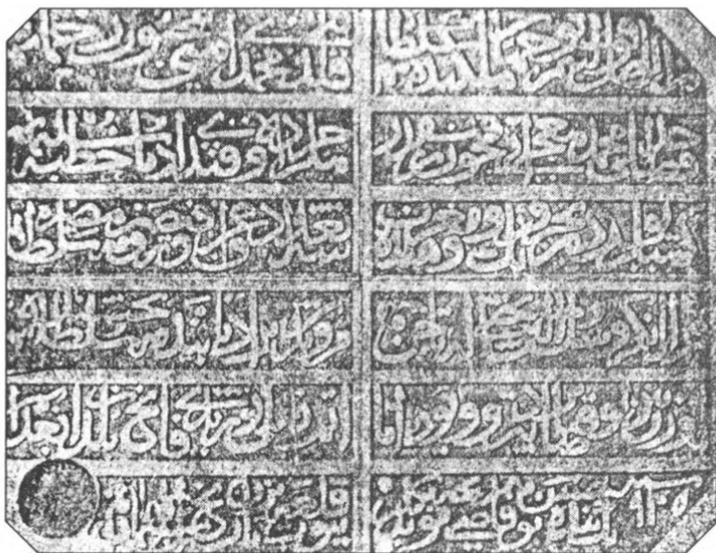
14. Там же, л. 546.
15. Там же, д. 672, л.л. 2 об. – 6.
16. Там же, д.620, л.174.
17. И.Ф. Иовва. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1974, стр.129.
18. Там же, стр.141.
19. НАРМ, ф. 2, оп.1, д. 749, л. 239.
20. Там же, д. 808, л. 43 об.
21. Там же л.107 об.
22. Там же, л. 561.
23. Там же, л. 802.
24. И.П. Липранди. Капитан Иоргаки Олимпиот. Писарская рукопись. Б/г, л. 24.
25. Там же, л. 25.
26. Там же, л. 10.
27. Кроме работы И.Ф. Иоввы см.: Г.Л. Арш. Этеристское движение в России. Москва, 1970.
28. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 808, л. 280 об.
29. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 672, л. 2об.
30. М.Н. Гернет. История царской тюрьмы. Т. 2. Москва, 1961, стр. 520.
31. Там же, Т. 1, Москва, 1960, стр. 350.
32. НАРМ, ф. 2, оп.1, д. 1252, л. 51.
33. Там же, д. 808, л. 788.
34. Там же, д. 2197, л. 4.
35. Там же, д. 1252, л. 42.
36. А. Защук. Материалы для военной географии..., стр. 342.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. И.Г. Киртоагэ. Юг Днестровско-Прутского междуречья..., стр.72.
2. M. Şlapac. Textura urbană a unor oraşe medievale din Moldova in lumina izvoarelor cartografice. – Arta, 1995, p. 437.
3. РГВИА, ф. 409, оп.1, д. 41538, л. 2 об.
4. D. Poştarencu. Din istoria Tighinei..., p. 34.
5. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. Москва, 1994, стр.119.
6. Там же, стр.131.
7. Аствацатуров. Очерки истории села Парканы. Часть вторая. Кишинев, 1996, стр. 8.
8. РГВИА, ф. 2670, оп. 1, д. 108, л. 6.
9. D. Poştarencu. Din istoria Tighinei..., p. 35.
10. Там же, p. 36.

1. Карта Г. Райхерсдорфа с первым картографическим упоминанием Тигины. Впервые опубликована в 1550 г.

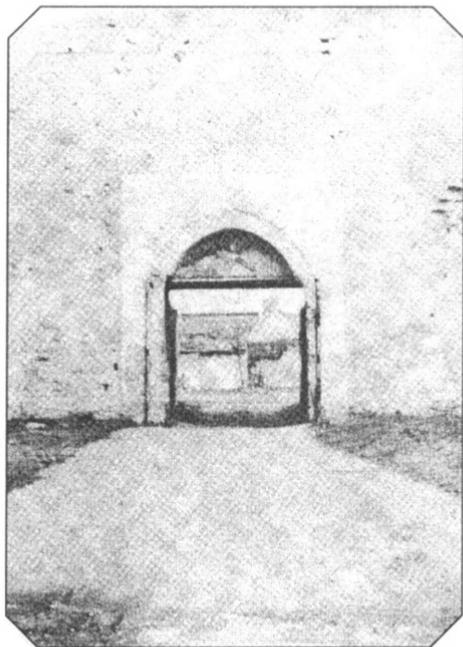
2. Надвратная надпись Сулеймана Великолепного
(датирована 1538 г.). Из книги Н.Я. Маркса.

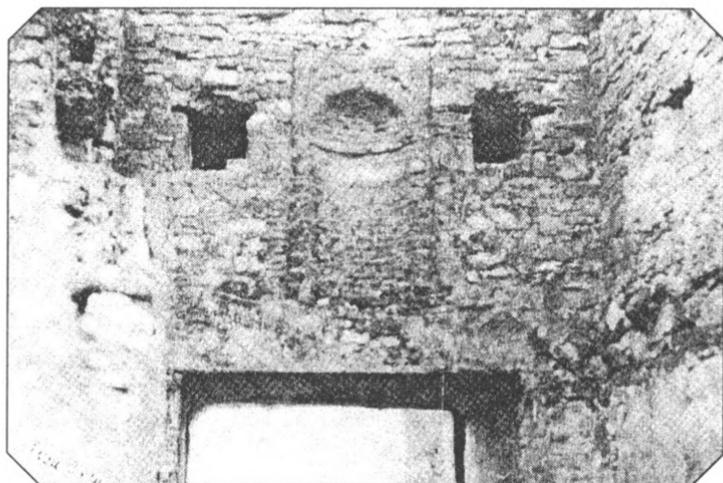
3. Малые водяные ворота;

городские ворота;

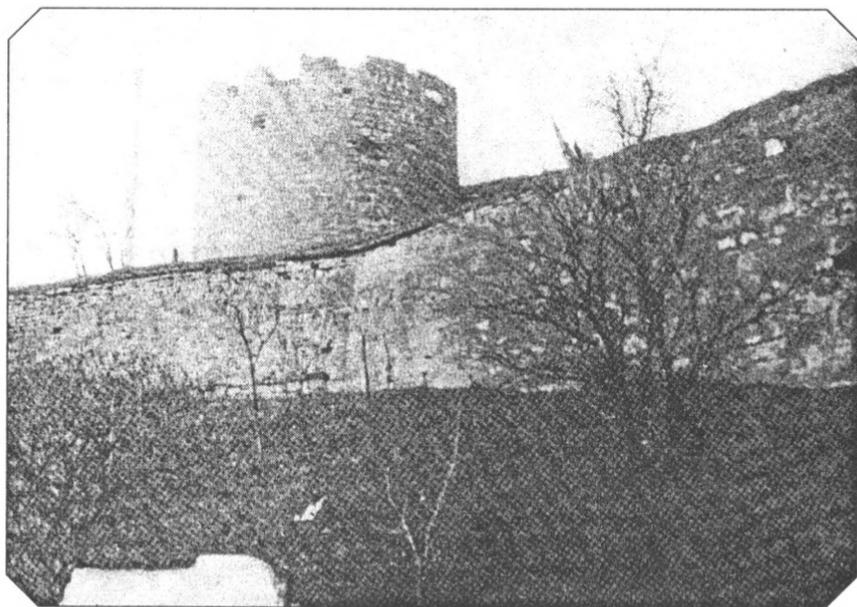

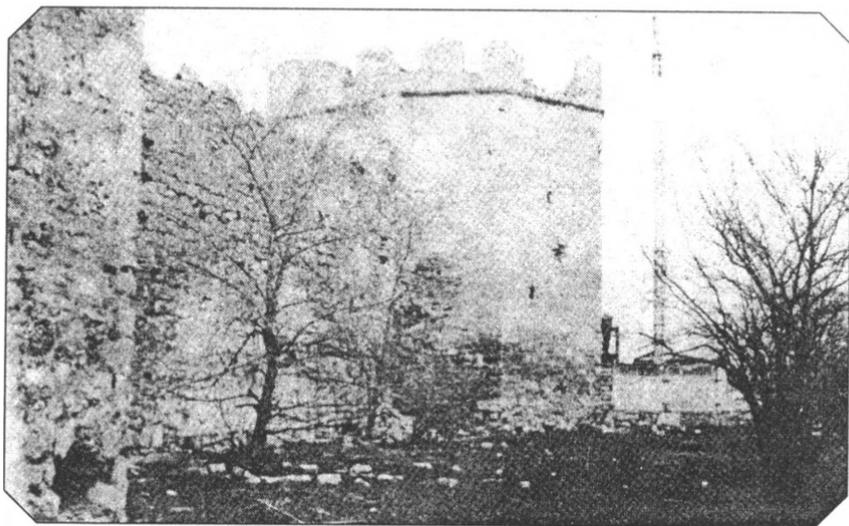
*южные ворота
каменной цитадели.*

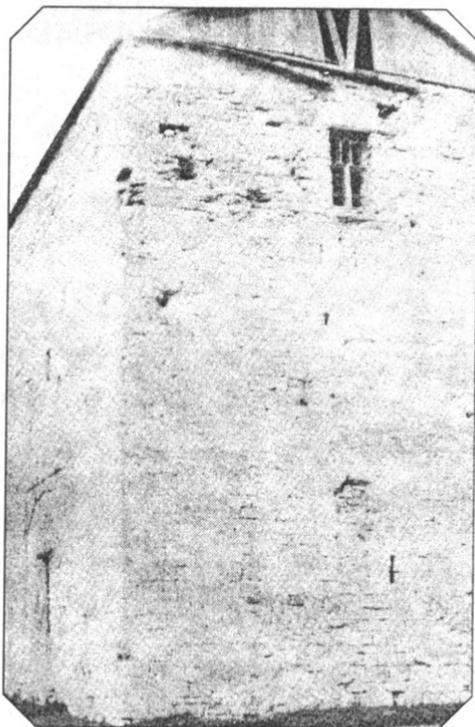
4. Крепостные башни:

- а) внутренний вид южной надвратной башни с остатками мечети;*
- б) круглая угловая башня цитадели:*

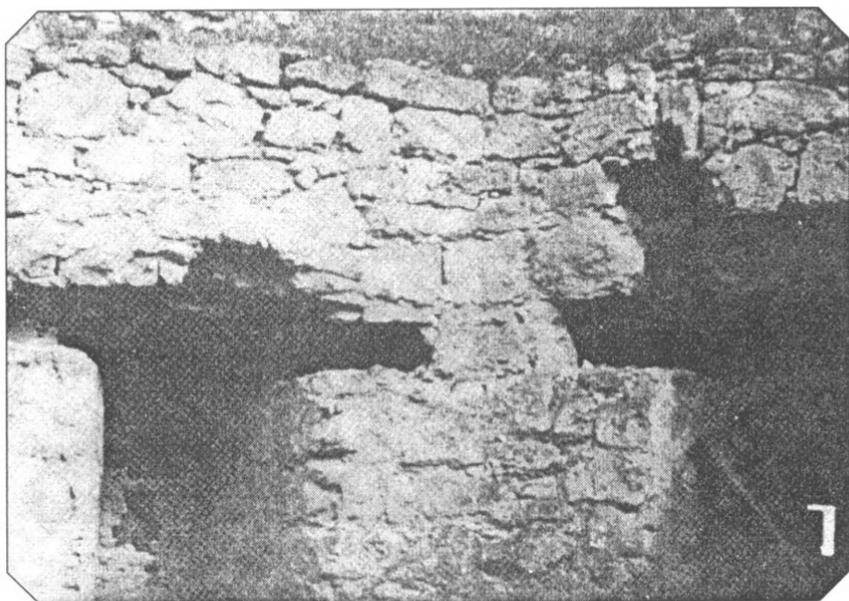

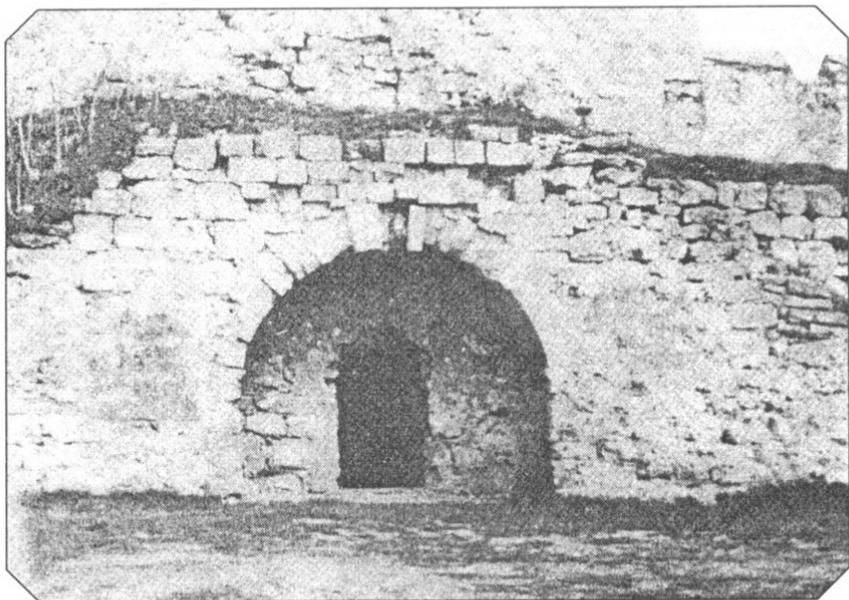
в) восьмигранная угловая башня;

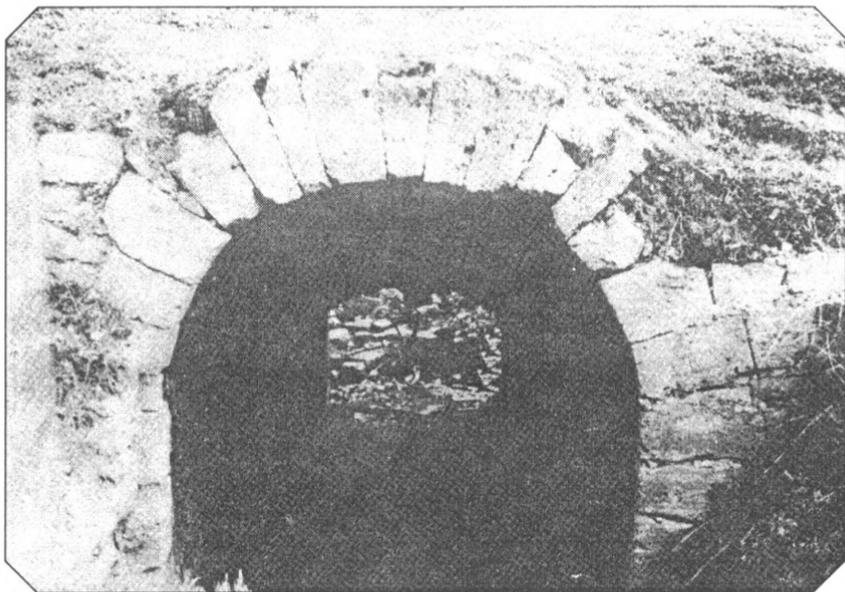
*г) башня перед южными
воротами цитадели;*

д) внутренний вид восьмигранной башни;

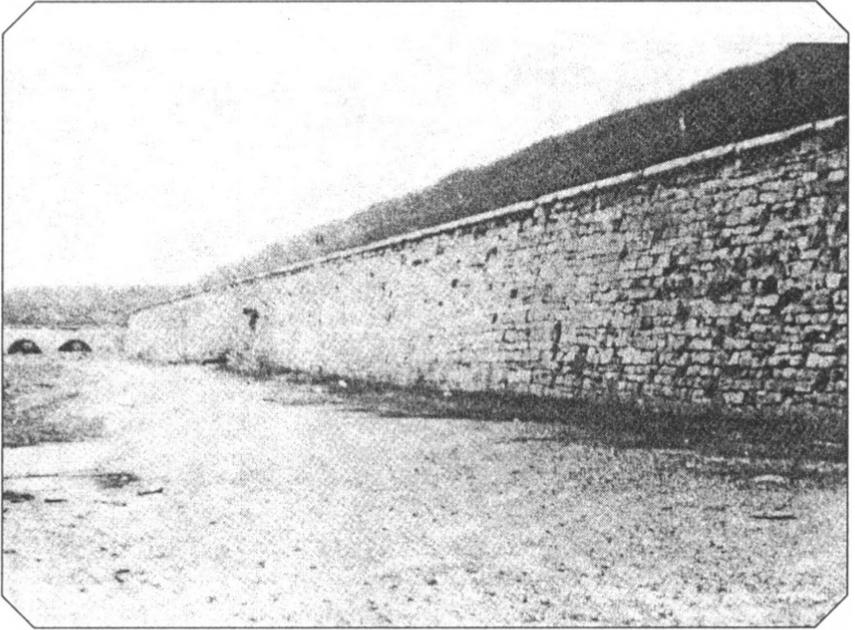
е) вход в восьмигранную башню;

ж) вход в угловую башню нижнего замка.

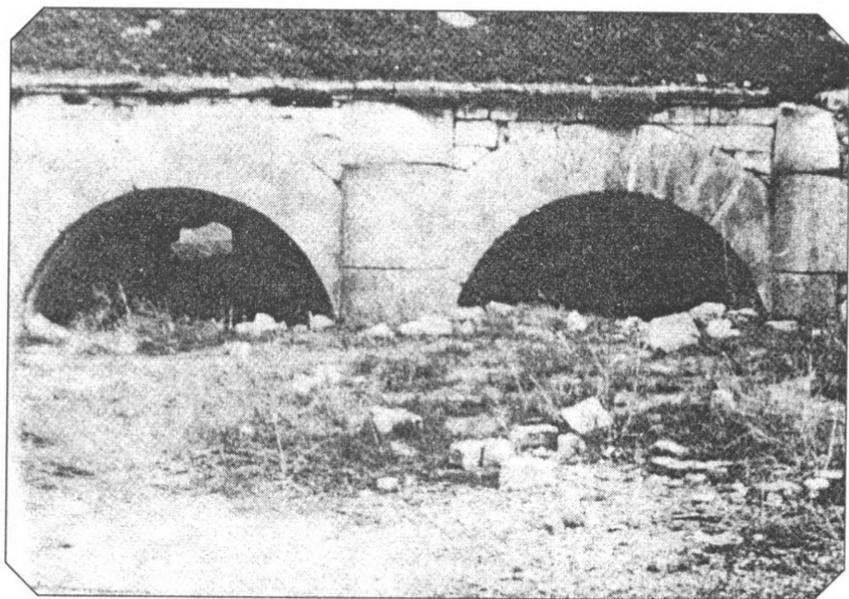

5. Фрагмент стены цитадели с видом на восьмигранную башню.

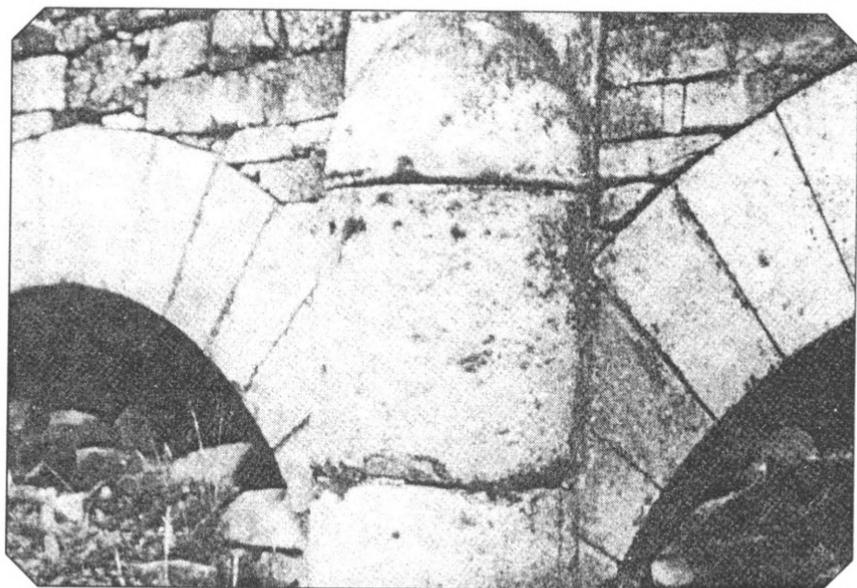

6. Укрепления земляной крепости:
а) общий вид крепостного рва;
б) юго-западный бастион;

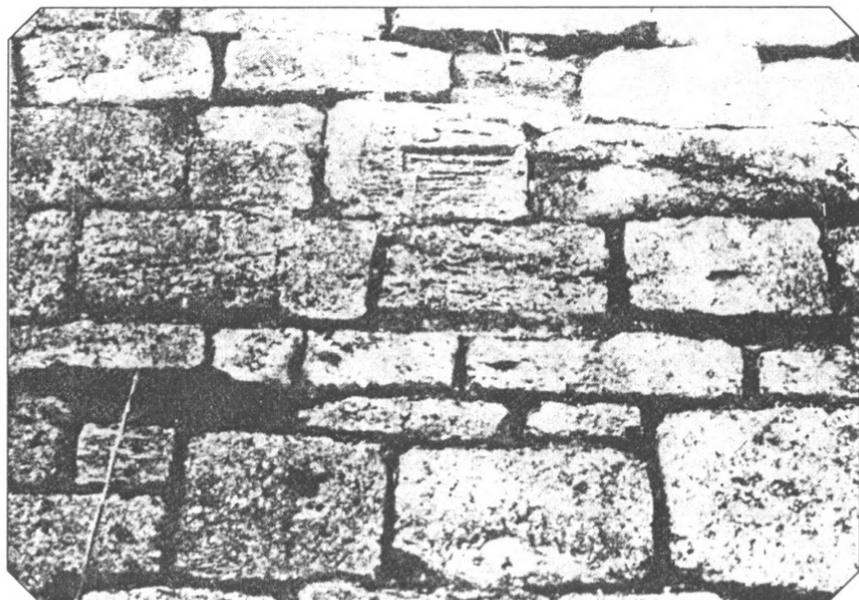

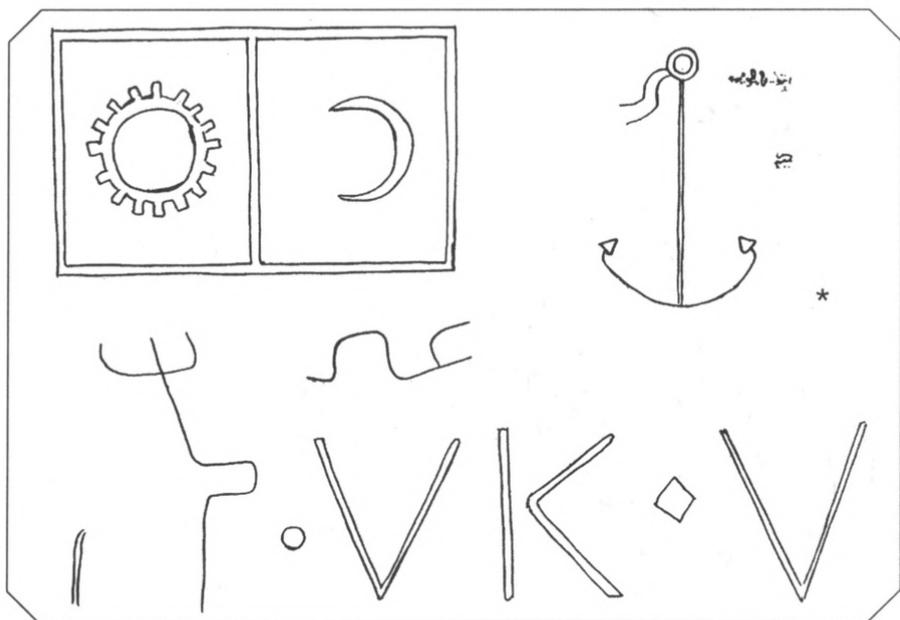

в), г) горнверки, облицованные гранитом.

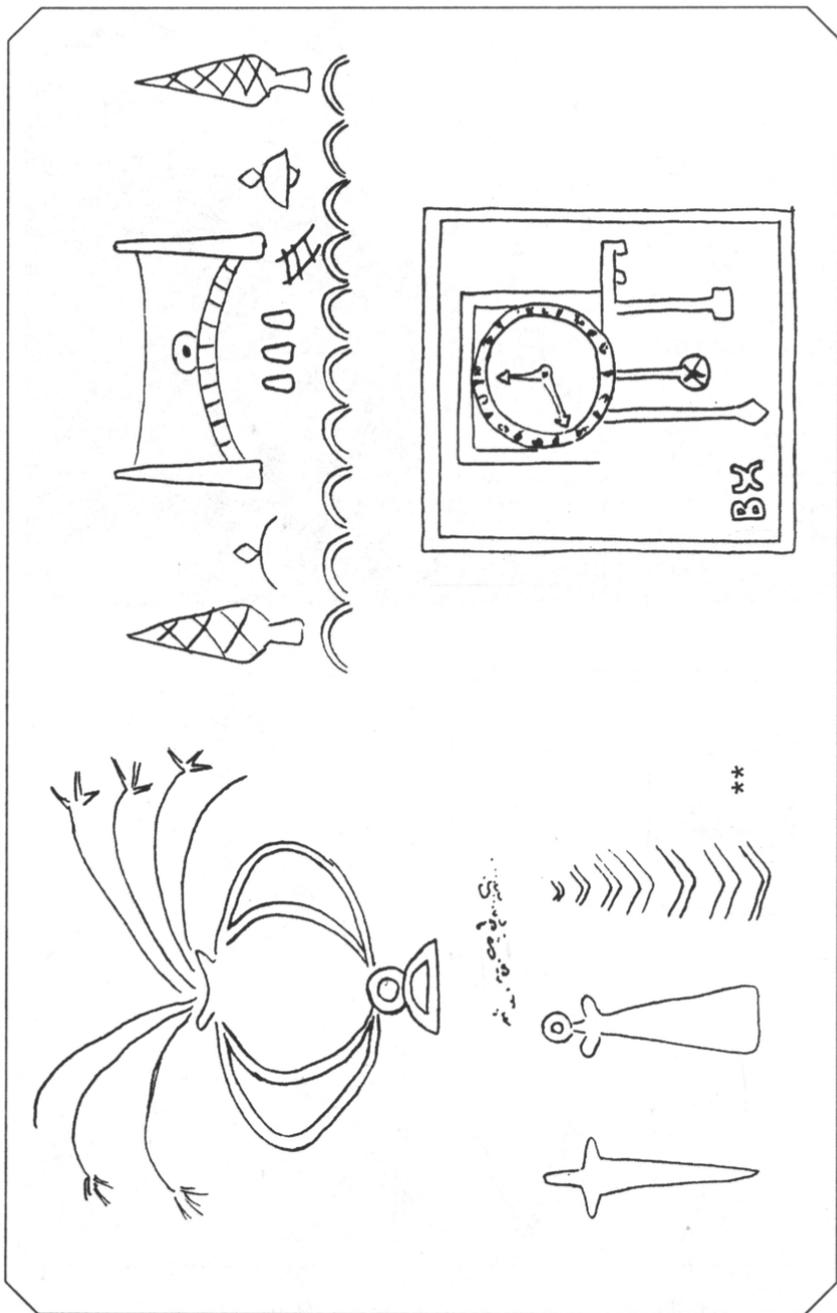

7. Изображения на камнях крепостных укреплений:
а), б), в) – фото,
г) – з) – срисовано автором книги.

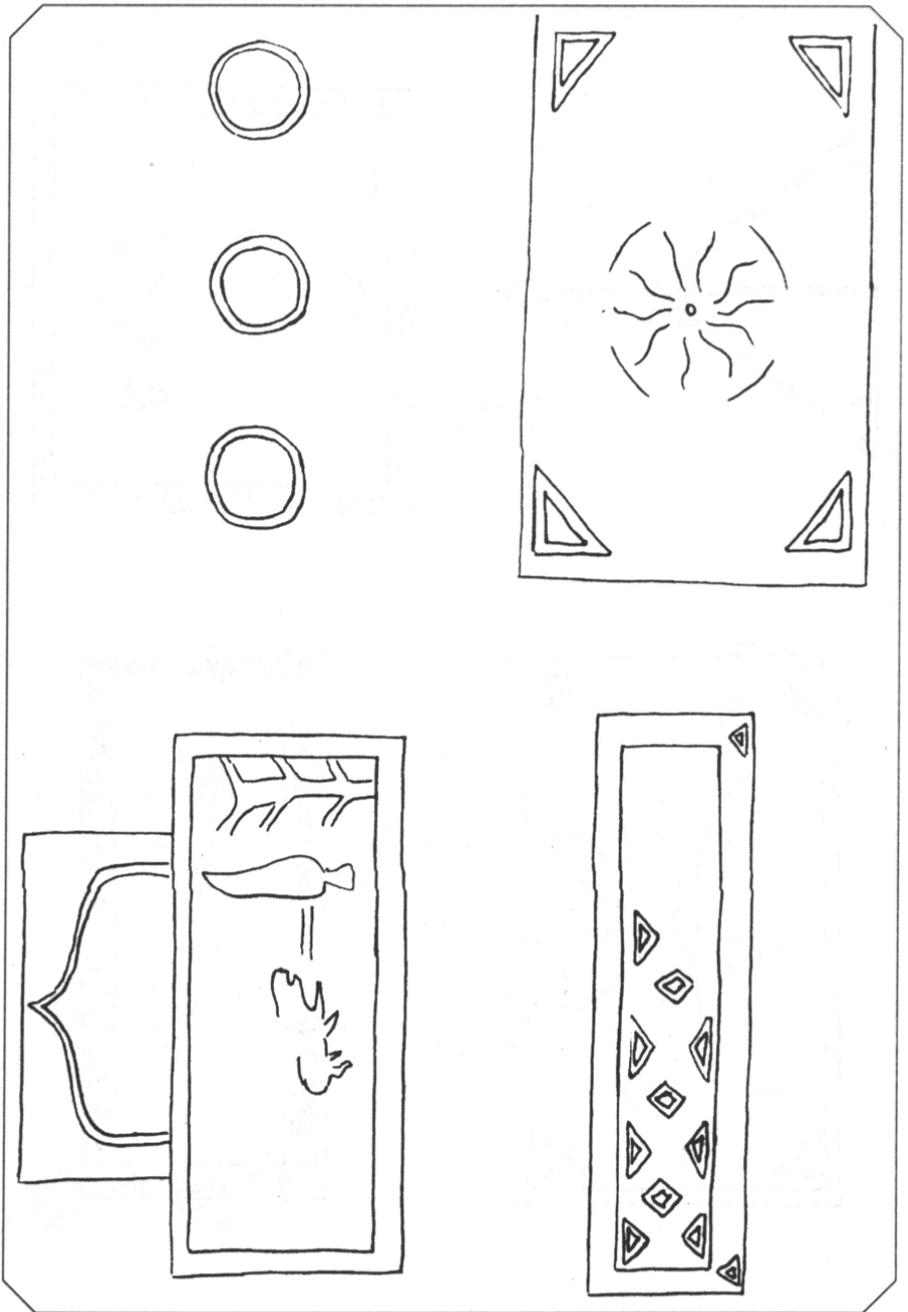

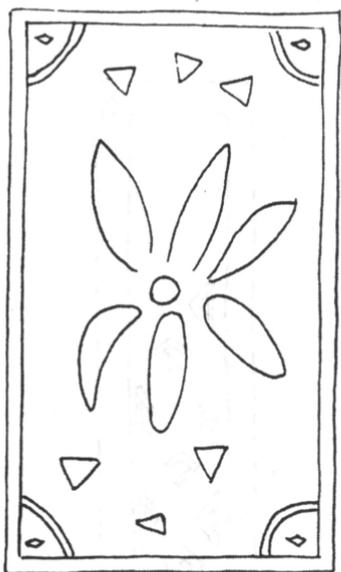
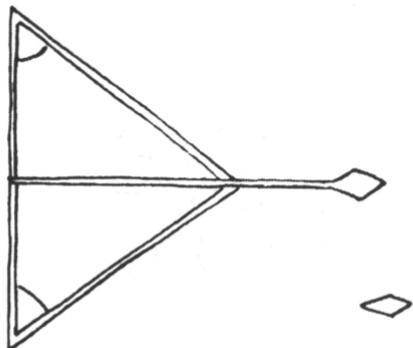

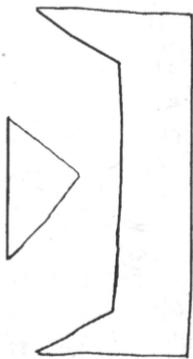
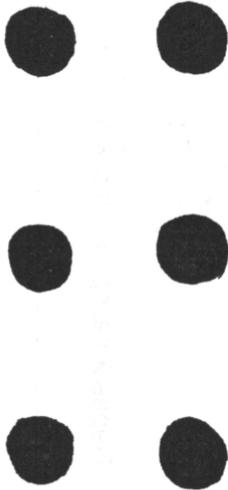
* — справа от якоря — арабская вязь. Неразборчиво.

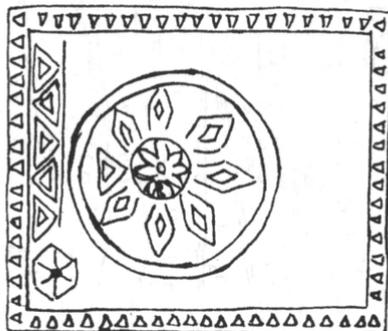

** — тарих на восьмигранной башне. Выше рисунков — арабская вязь. Неразборчиво.

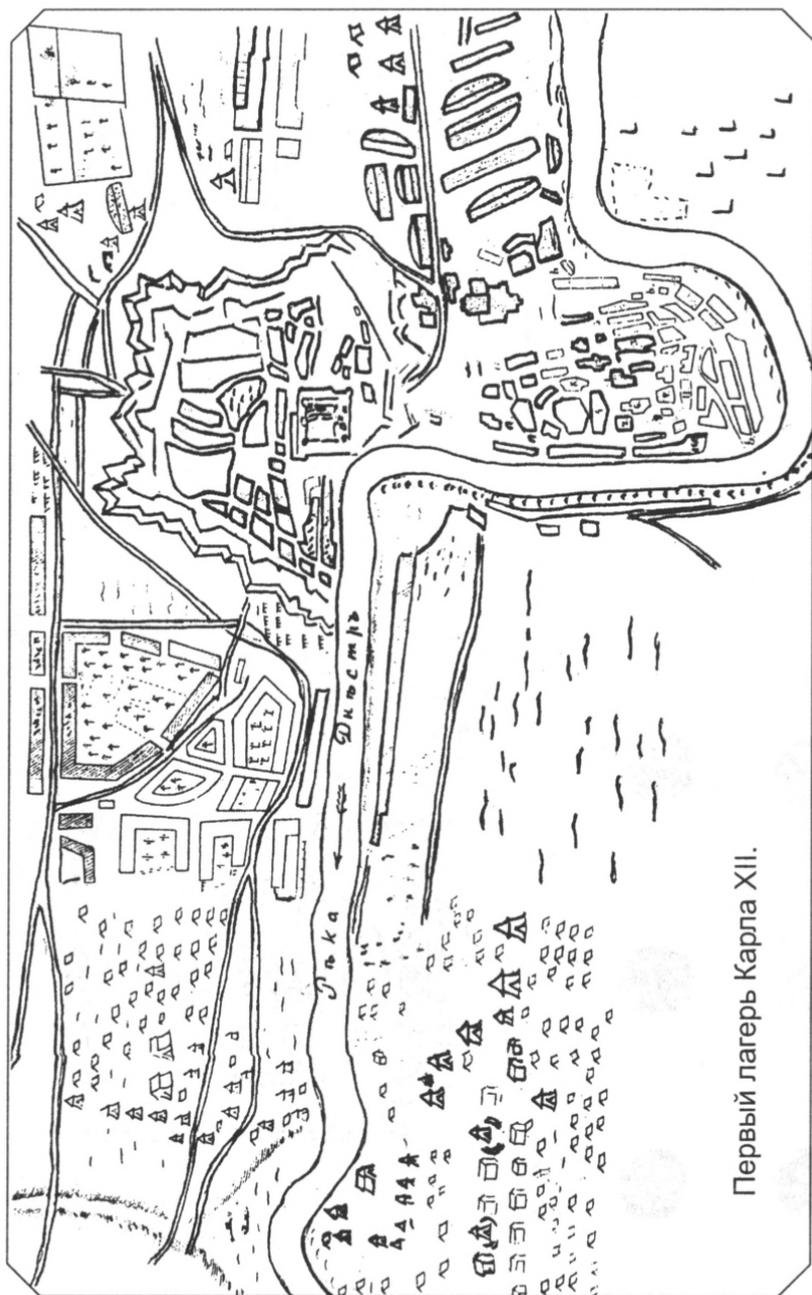

*** — сквозные отверстия в камне.

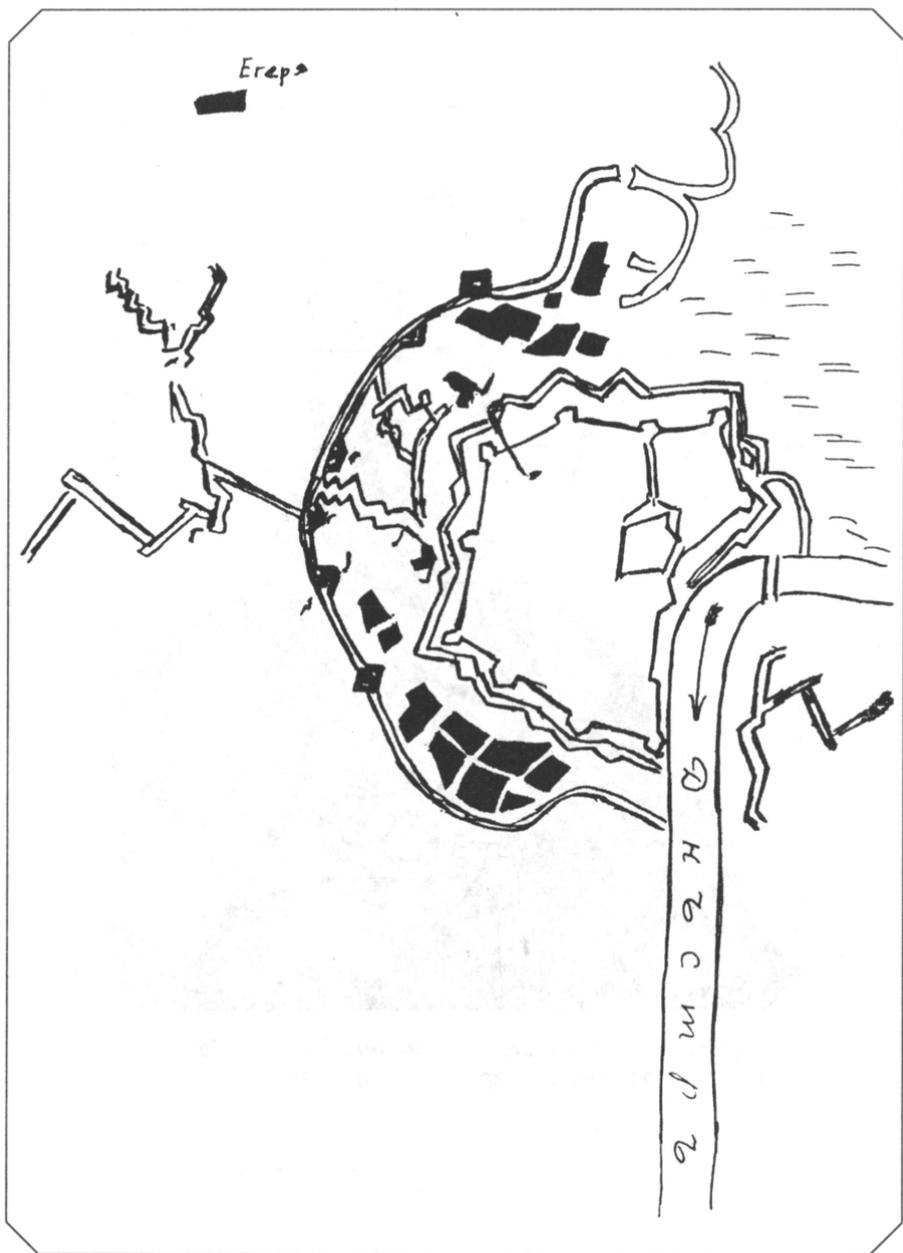
**** — часть изображения повреждена осколком. Вероятно, буквы «К» и «Л»

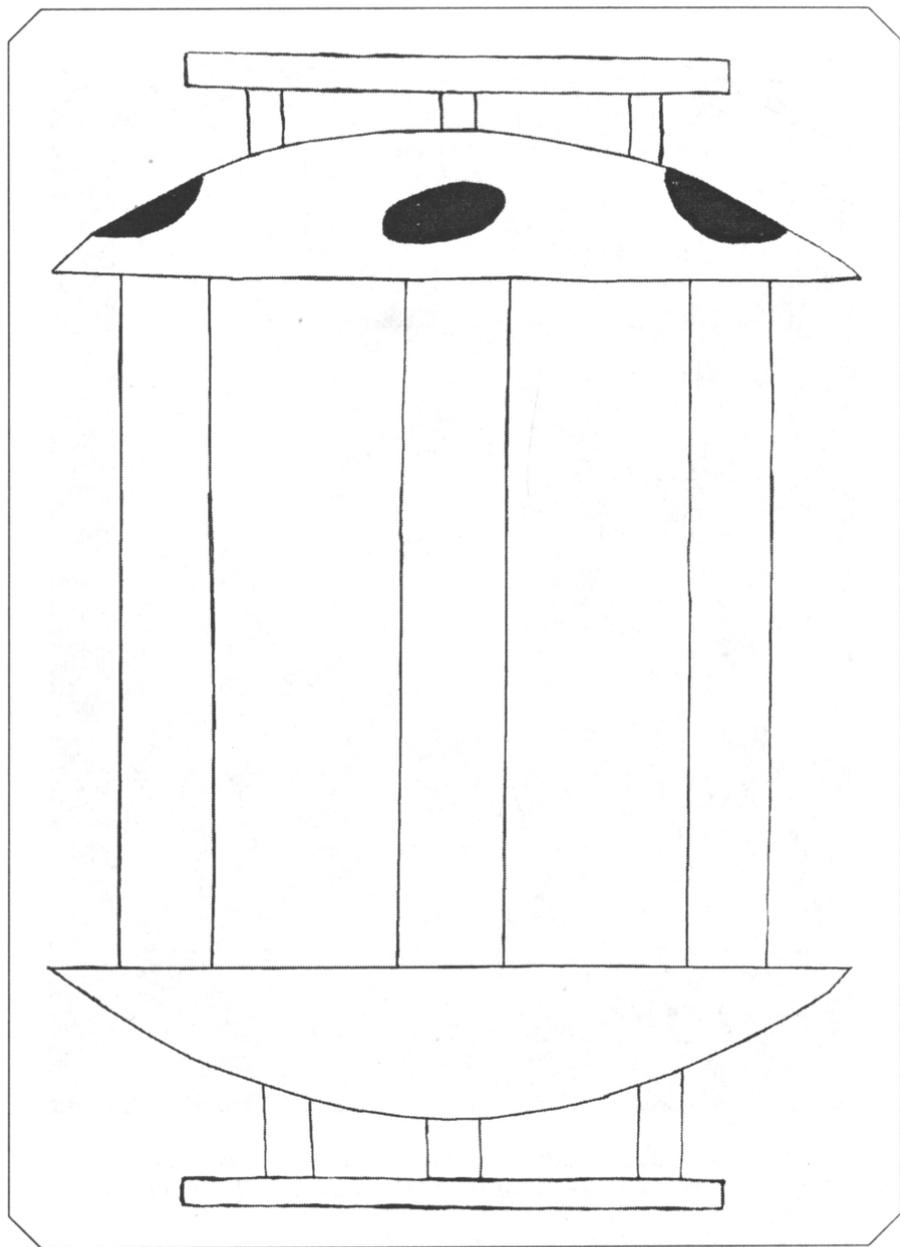
Первый лагерь Карла XII.

9. Командующий 2-й русской армией граф П.И. Панин, овладевший крепостью в 1770 г.

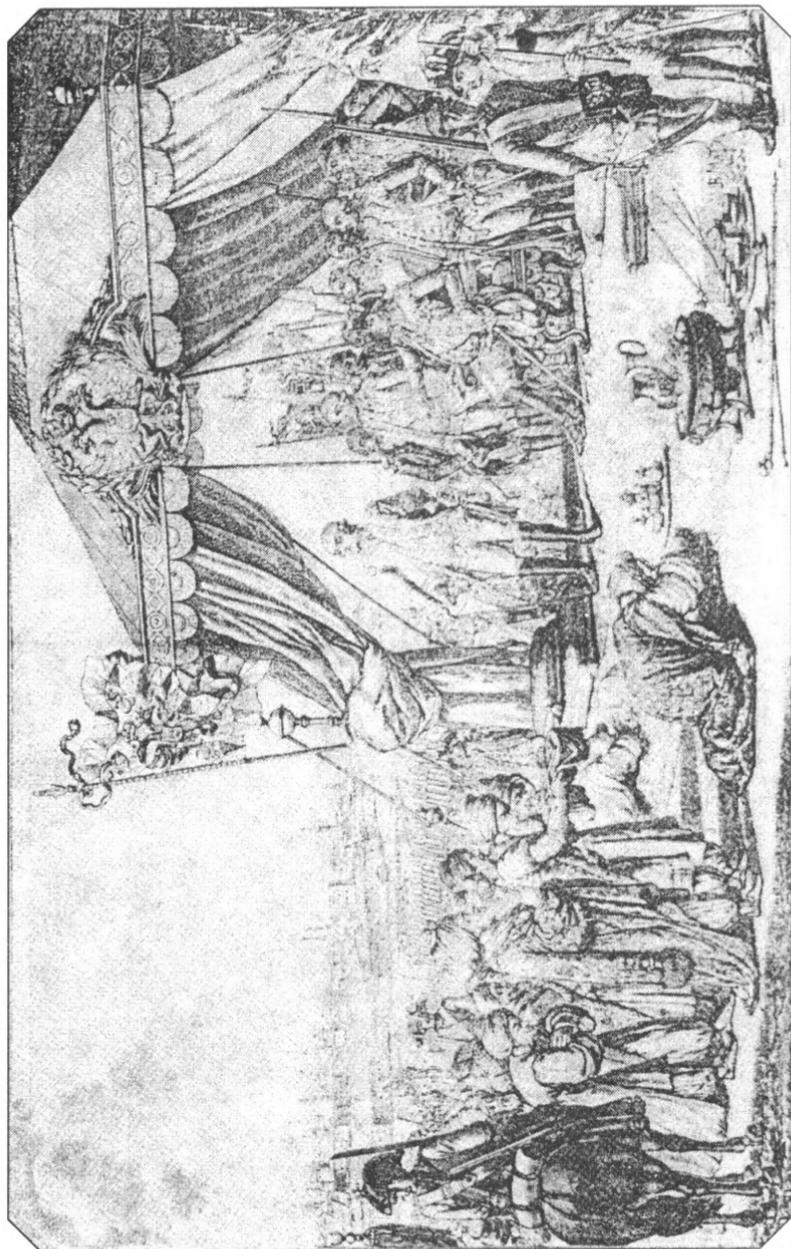
10. Фрагмент «Плана осады Бендер» 1770 г.

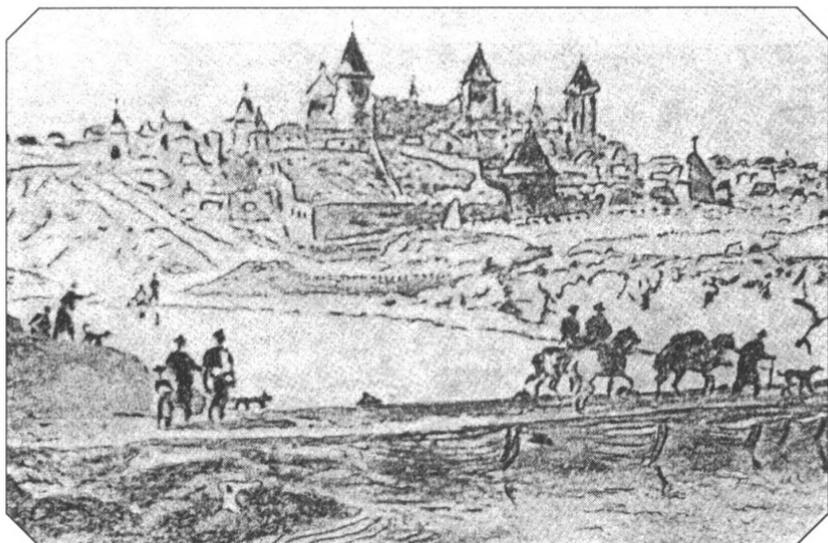
11. Каркас («теремок») – зажигательный снаряд, применявшийся при осаде Бендер в 1770 г.

12. Главкомандующий русской армией Г.А. Потемкин, овладевший Бендерской крепостью в 1789 г. Из книги П.Н. Батюшкова.

13. «Сдача турками крепости Бендеры». Гравюра Шютца (выполнена в 1790 г.). На заднем плане – вид города.
Из книги П. Н. Батушкова.

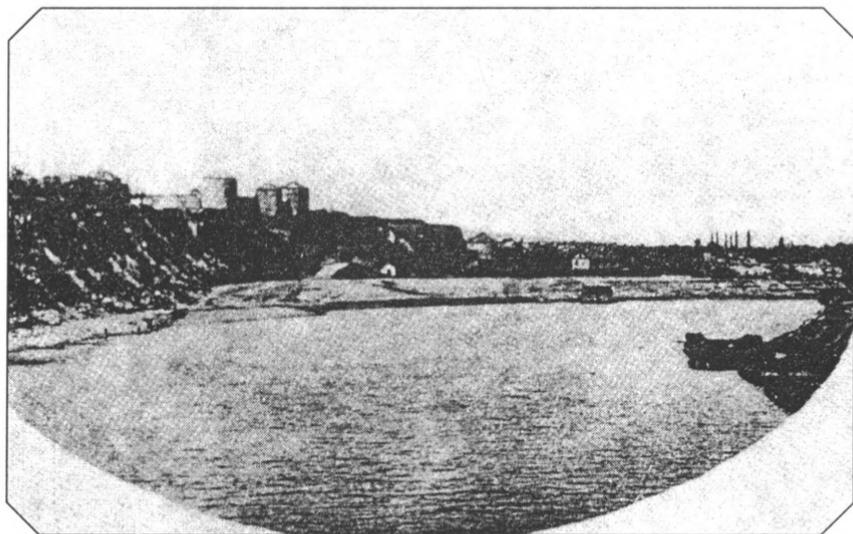
14. Вид Бендерской крепости с левого берега Днестра.
Рисунок М.М. Иванова (1790 г.)

15. Последний бендерский наместник турецкого султана
Гассан-паша. Из книги Д. Бантыша-Каменского

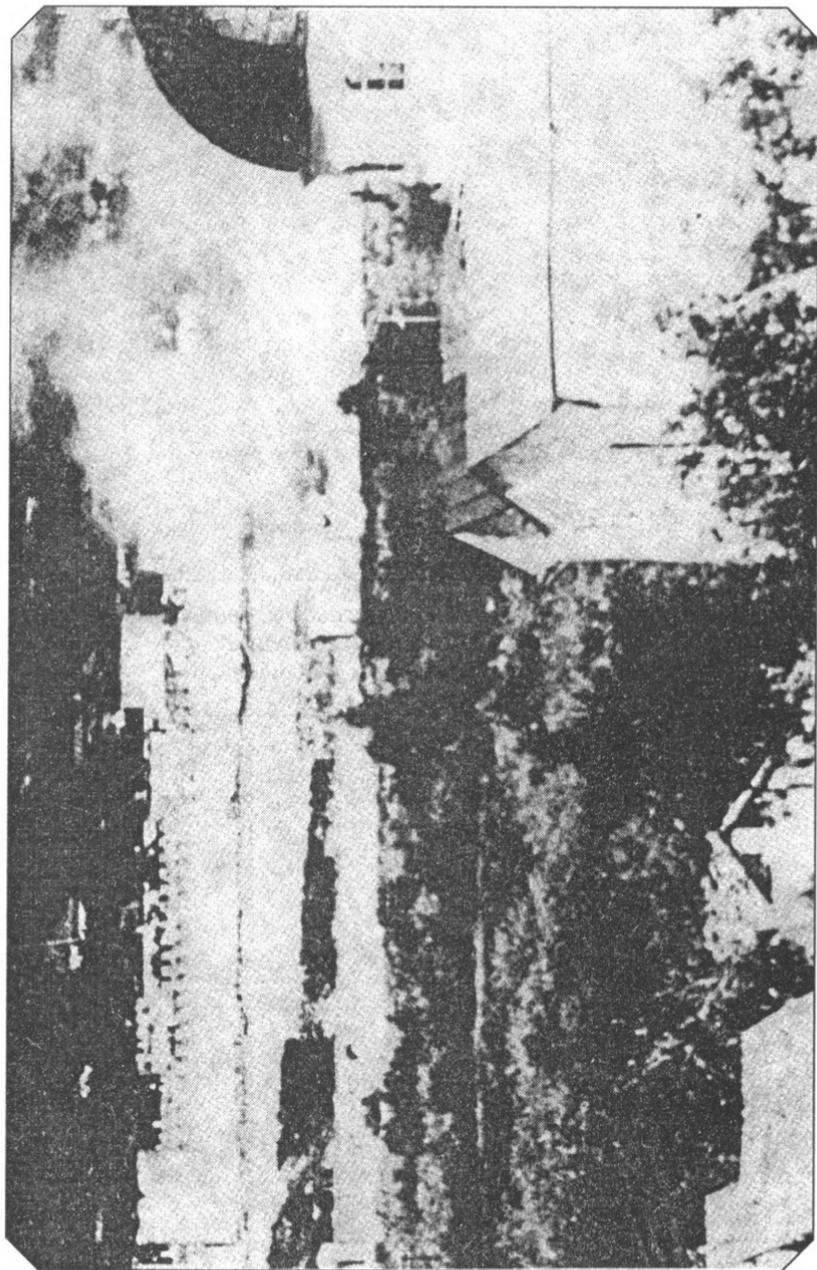

16. Могильная плита одного из первых российских, бендерских военных комендантов генерал-майора А И. Ведемейера, захороненного на старом кладбище.

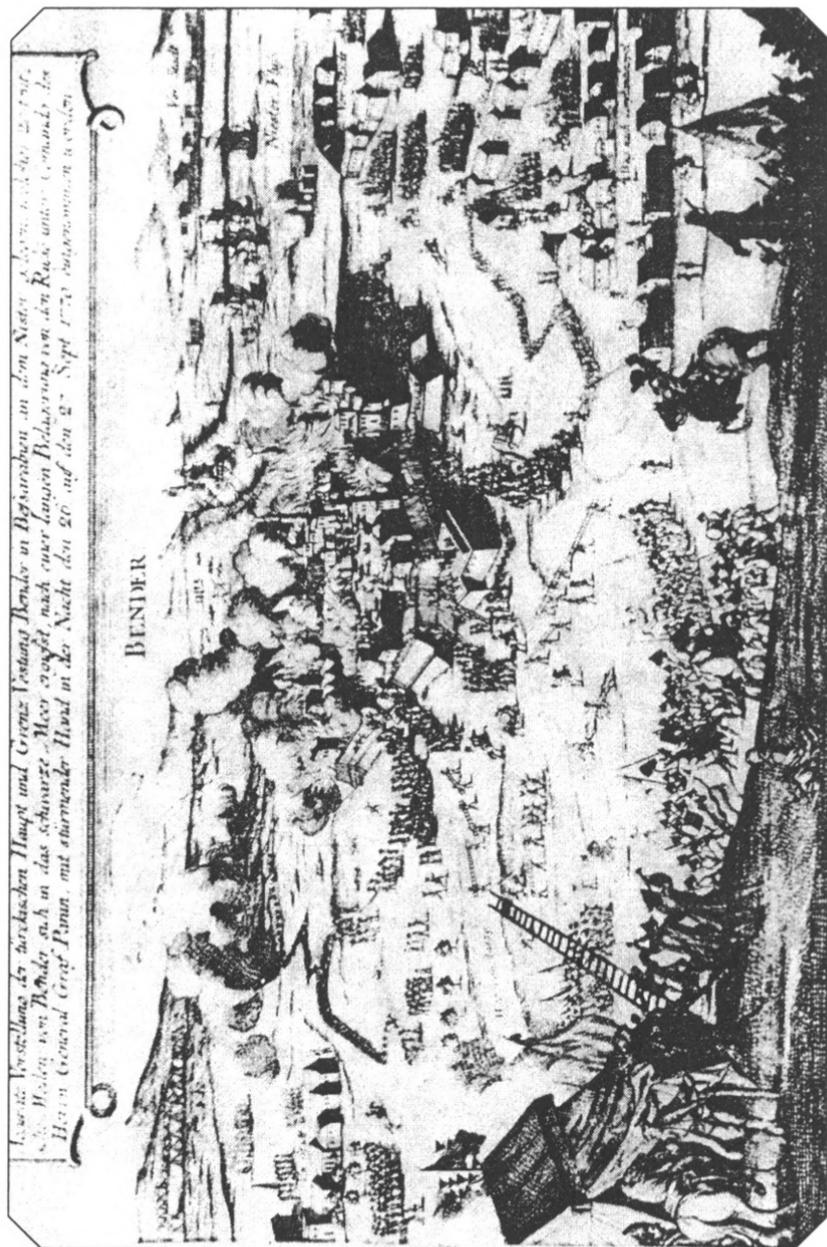
17. Вид крепости в начале XX века.

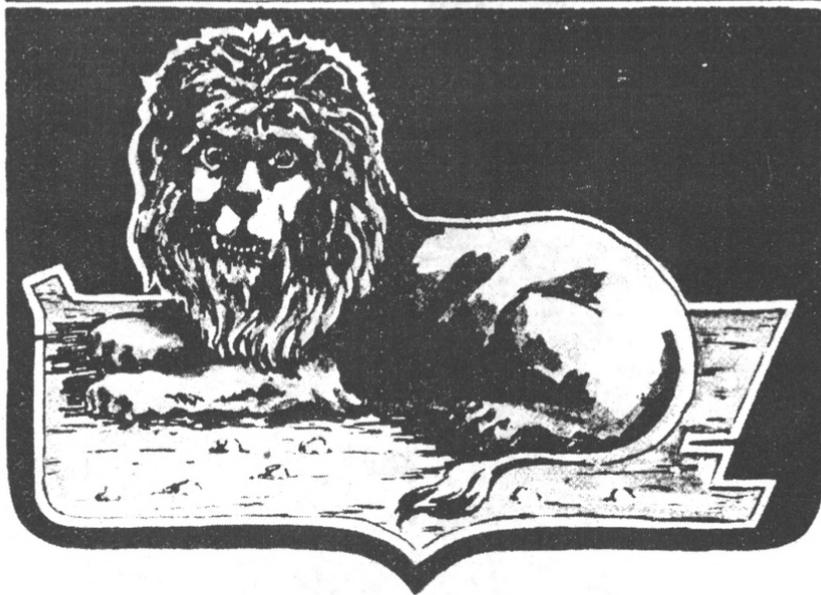
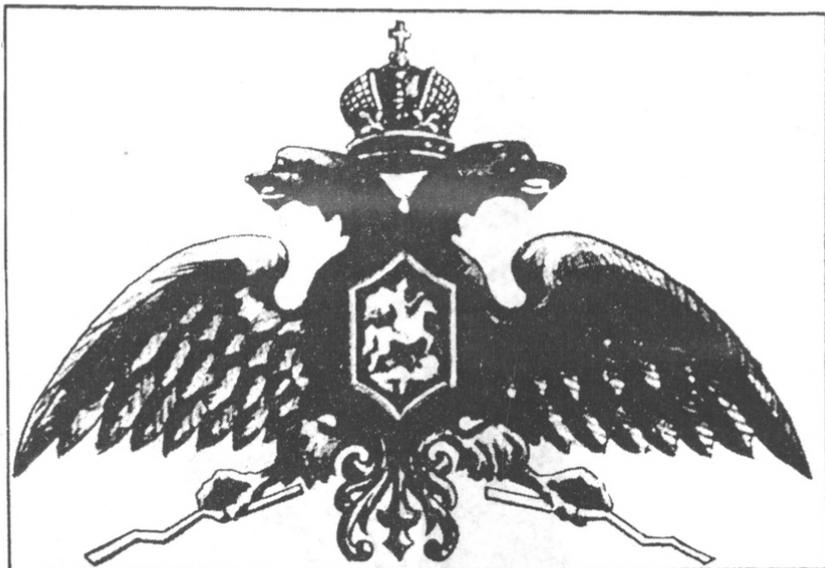
18. Крепость во время артиллерийского обстрела в апреле 1944 г.

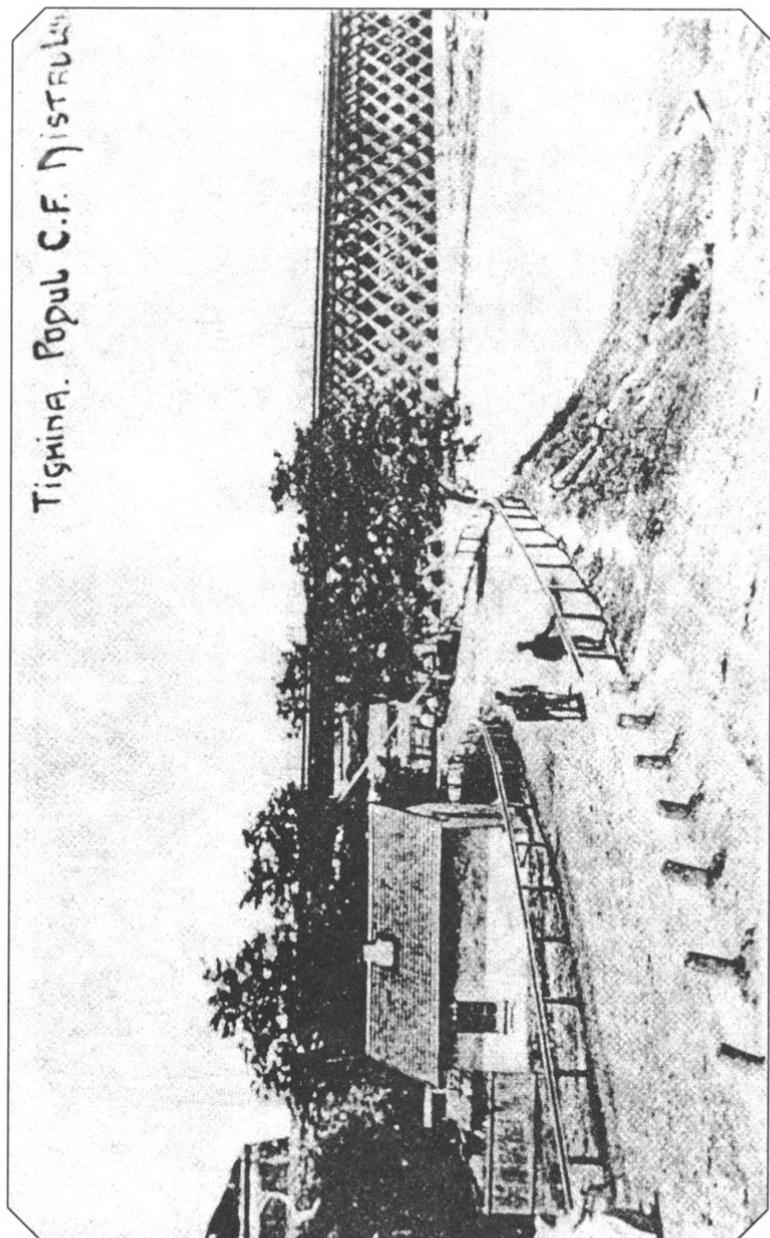
19. Портрет шведского короля Карла XII.

20. Штурм Бендерской крепости армией графа Панина в 1770 г.

21. Герб Бендерского уезда XIX в.

22. Первый железнодорожный мост через Днестр.

23. Памятник воинам – подольцам.

БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ: НАША ГОРДОСТЬ, НАША БОЛЬ

История не только города Бендеры, но и всей республики неразрывно связана с Бендерской крепостью, которая относится к числу старейших фортификационных сооружений на территории Молдавии. Являясь памятником истории и архитектуры, она свидетельствует о многолетней борьбе молдавского народа против турецкого ига.

О многом могут рассказать ее седые камни. О расширении и укреплении крепости за счет принудительного труда и бесчисленных средств молдавских крестьян. Об ее осаждении войсками господарей Александра Корни, Иоана-водэ Лютого, Михаила Храброго, запорожских гетманов Григория Лободы и Северина Наливайко. О русских знаменах, трижды штурмовавших ее крепкие бастионы и в каждый раз одерживая победу.

Хотя о Бендерской крепости, названной когда-то Тигина, читаем с гордостью на страницах по истории нашего края, хотя о ней напоминает зубчатая стена на современном гербе города на Днестре, символизируя его древность, она тем временем, разрушается на наших глазах. Действует на нее время. Но быстрее в несколько раз, чем время разрушают крепость нынешние ее хозяева. Разрушают своим полным равнодушием и бесчеловечным отношением к этому памятнику, связывающим нас с прошлым.

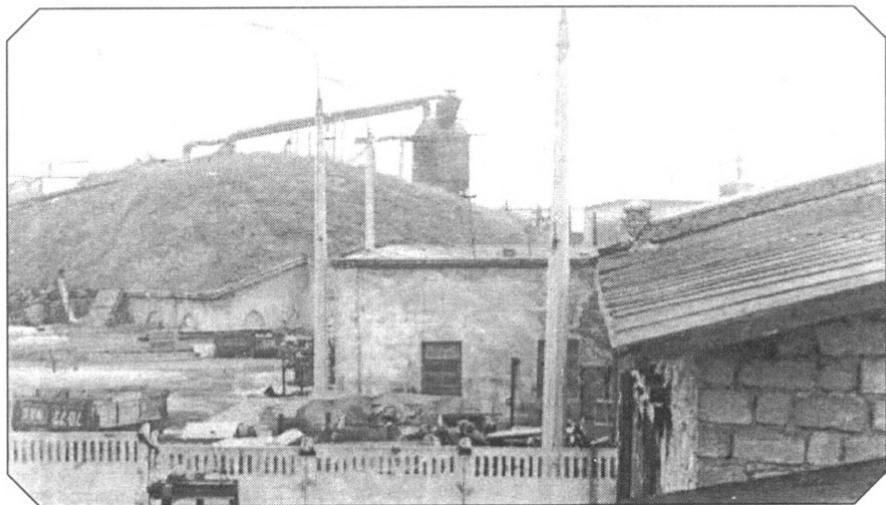
Патриоты города! Вступайте в ряды движения по спасению Бендерской крепости. Превратим ее в историко-архитектурный комплекс под открытым небом.

Верим в перестройку. Она должна восторжествовать и в отношении Бендерской крепости.

Обращайтесь в оргкомитет (тел. 2-33-55, 4-43-92, 2-52-00).

**Оргкомитет движения по спасению
Бендерской крепости.**

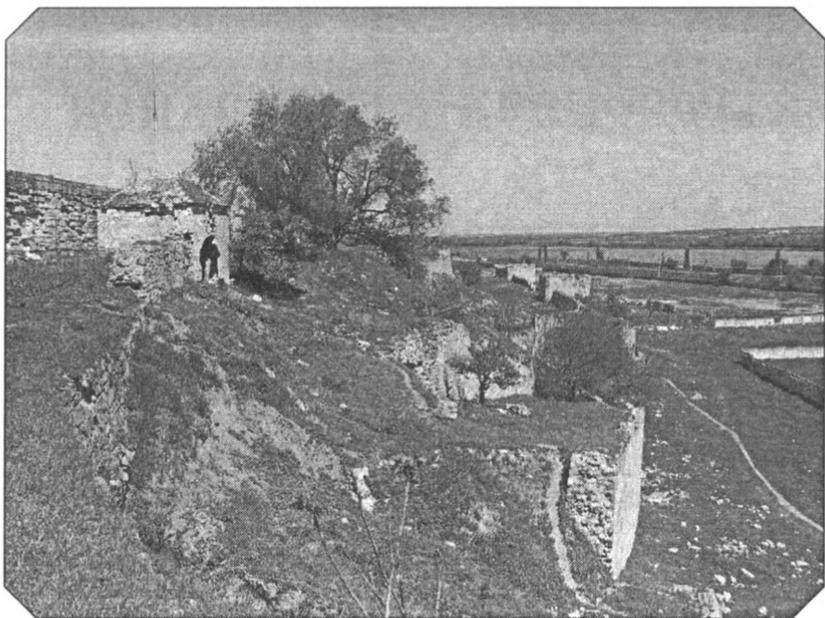
24. Листовка общества «Крепость». Автор – Д. Поштаренку.

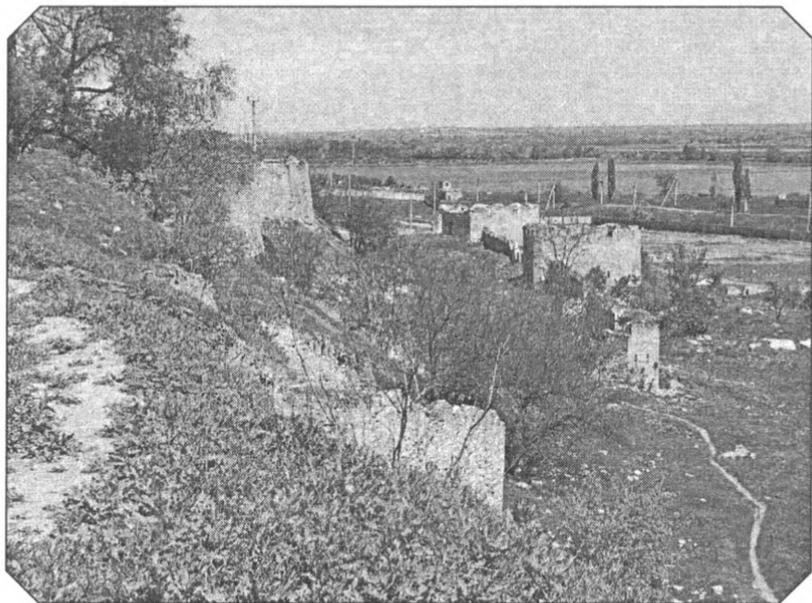
25. Пороховой погреб. 1981 г.

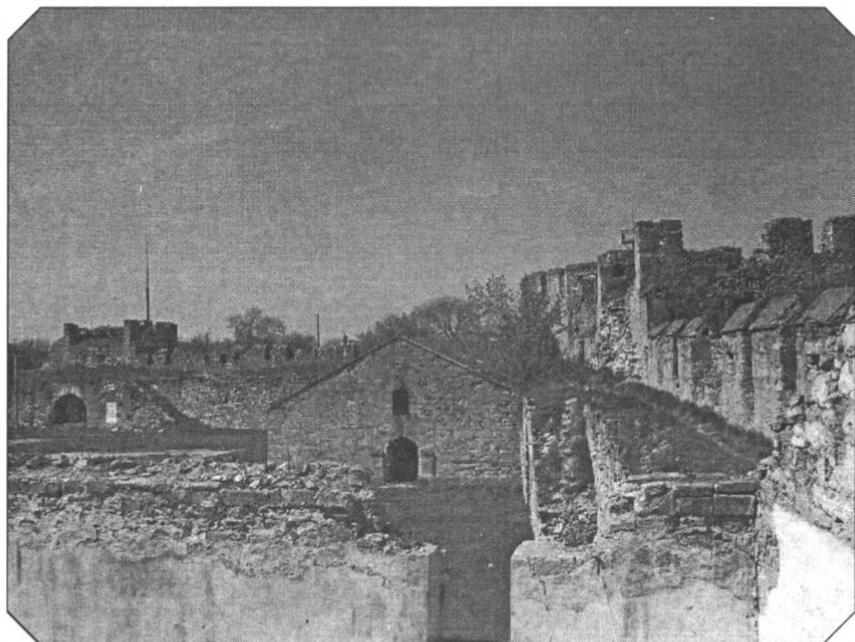
26. Северный участок сухого рва. 1983 г.

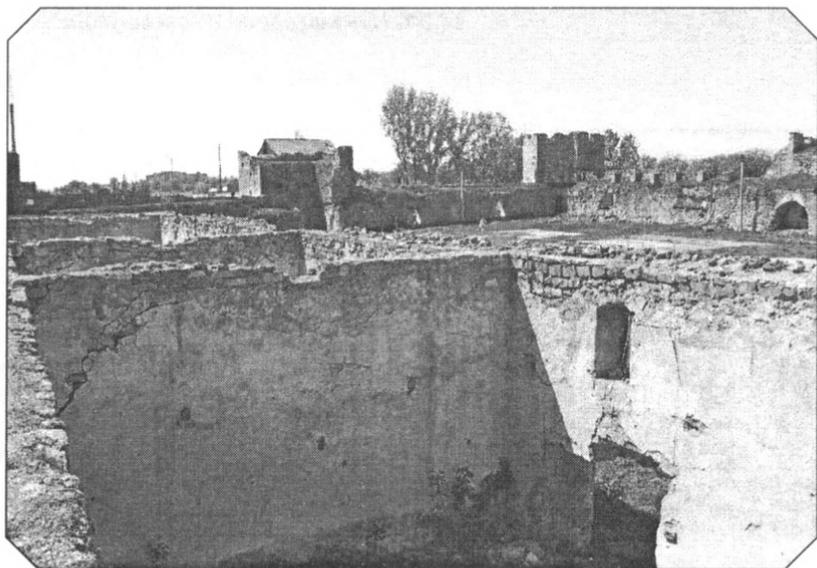
27. Сторожевая башня. 2003 г.

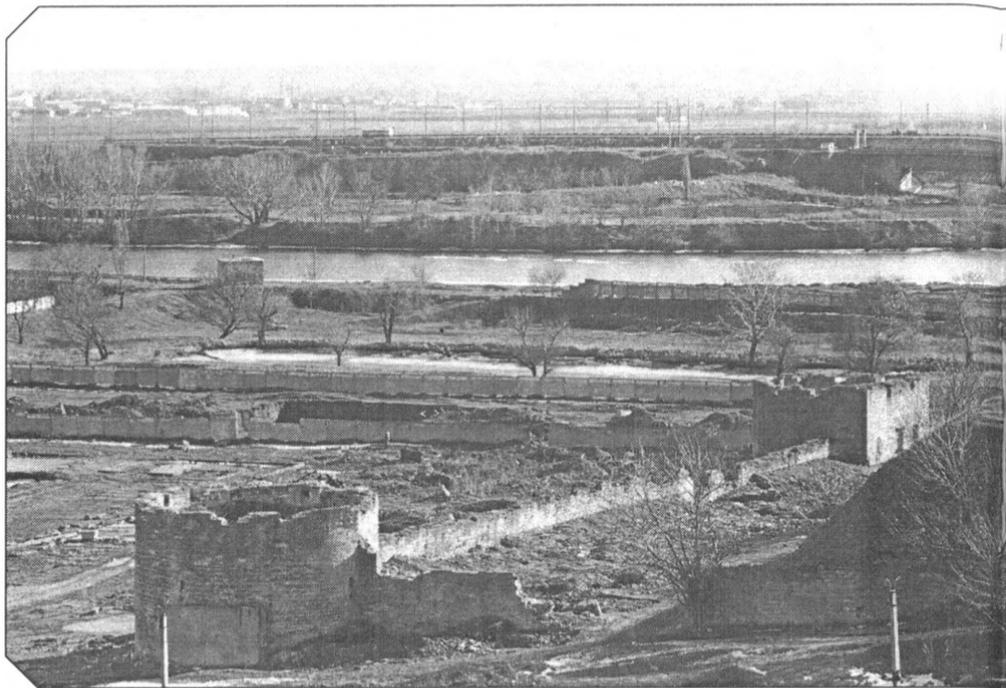
28. Башни нижнего города. 2003 г.

29. Северо-восточная часть цитадели. 2003 г.

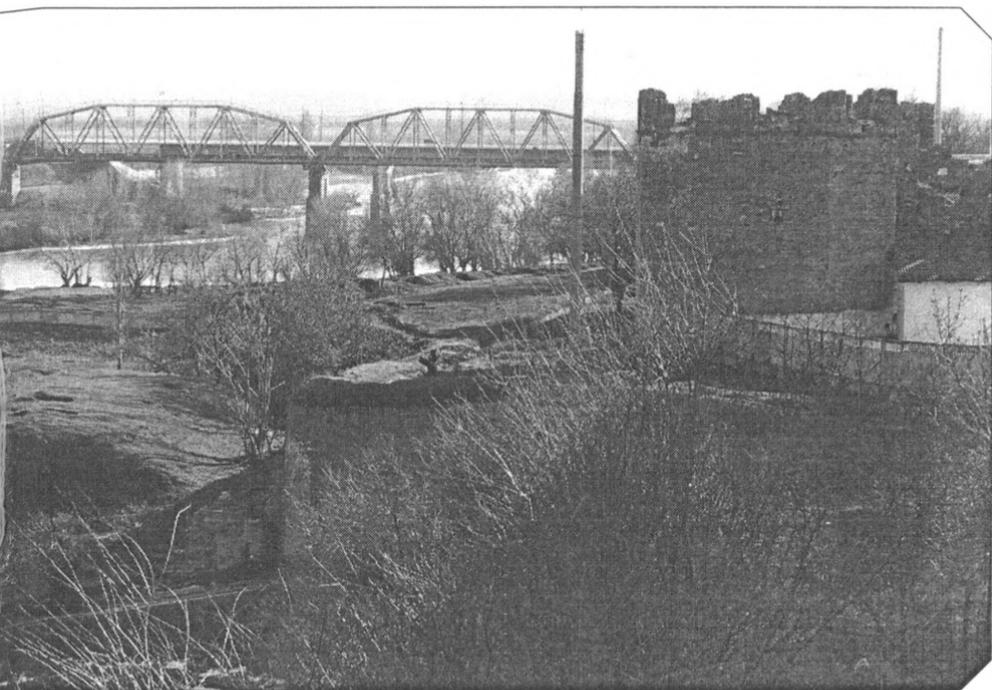
30. Казарма цитадели. 2003 г.

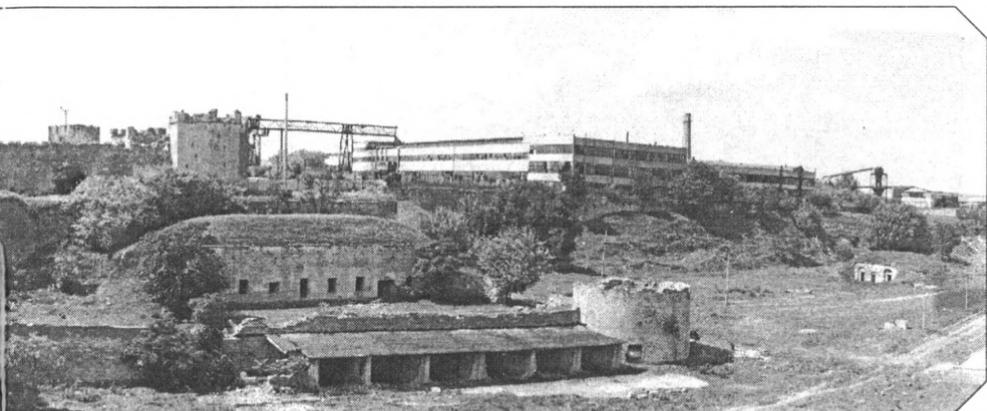
31. Нижний город и восьмиугольная

32. Три уровня крепости – нижний город,

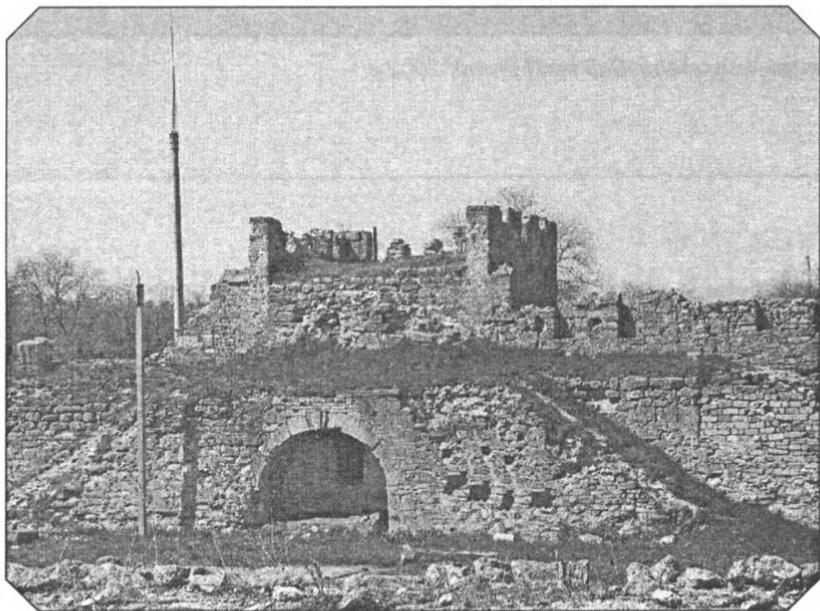
башня цитадели. Вид на Днестр. 2002 г.

основная территория, цитадель. 2003 г.

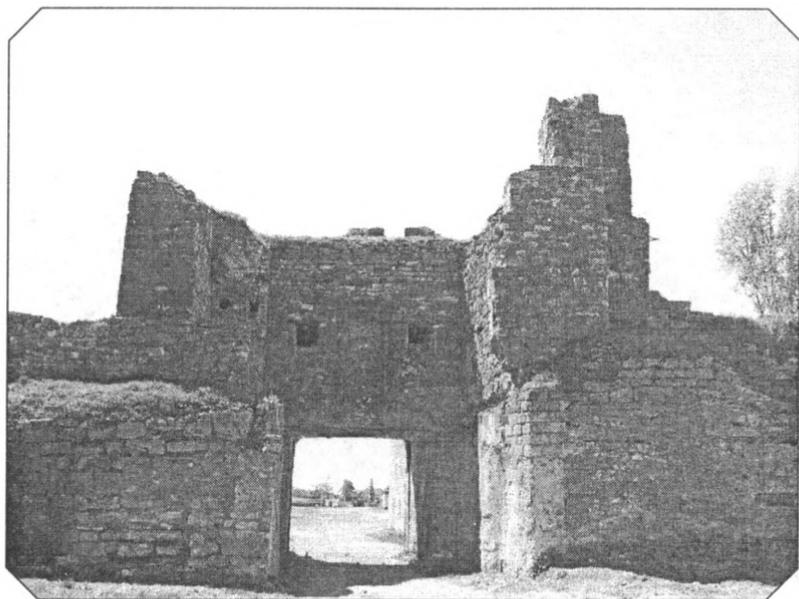
33. Вентиляционное отверстие в бойнице. 2003 г.

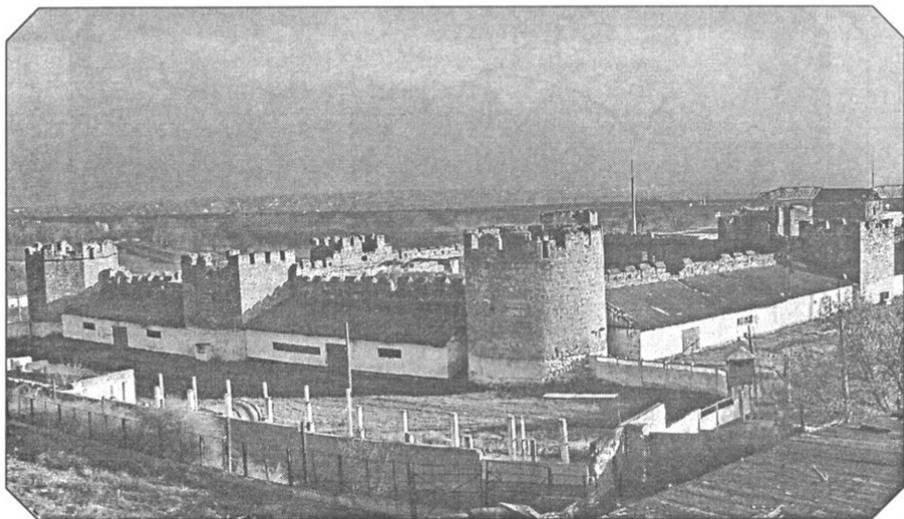
34. Западная башня цитадели. 2003 г.

35. Ворота цитадели. 2003 г.

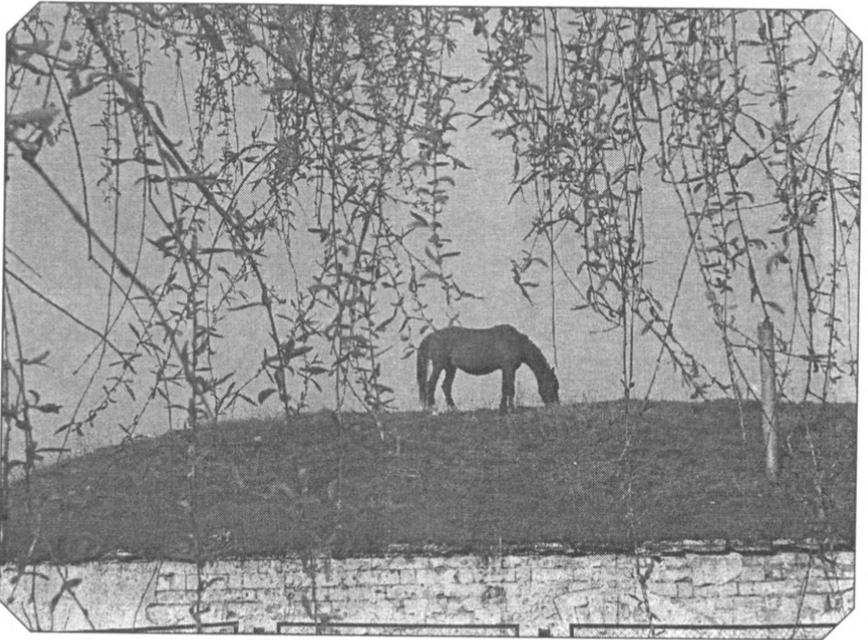
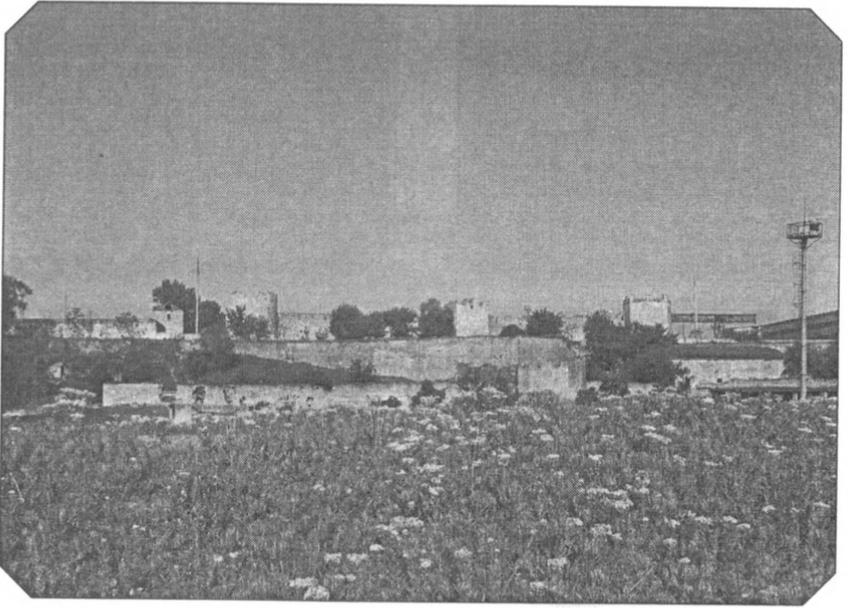
*36. Ворота цитадели с надвратным алтарем.
Вид изнутри цитадели. 2003 г.*

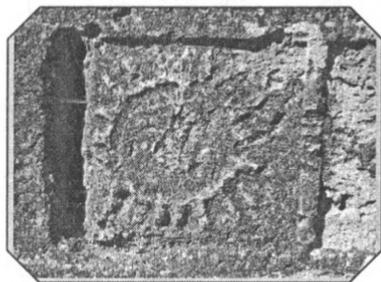
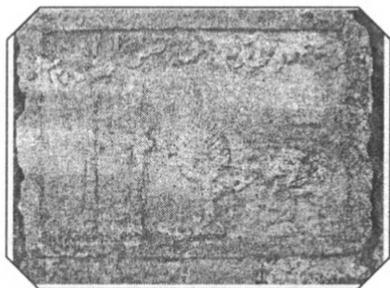
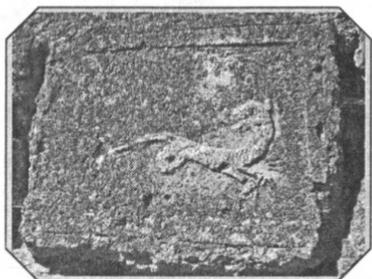
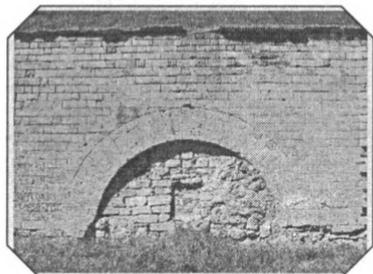
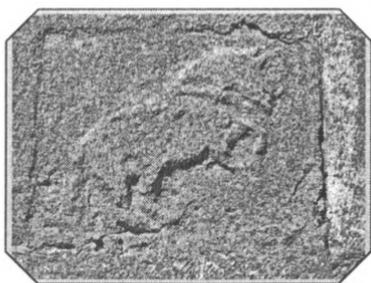
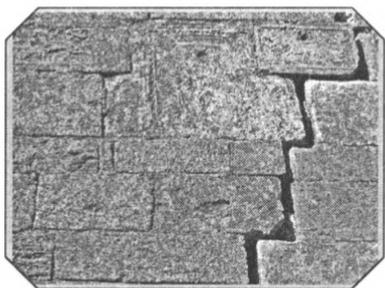

37. Вид на цитадель с северо-запада. 2003 г.

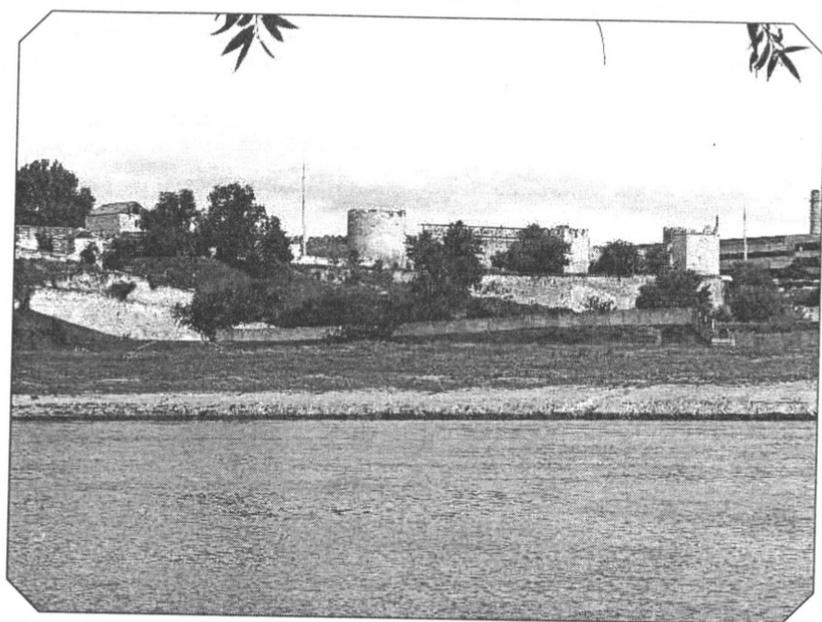
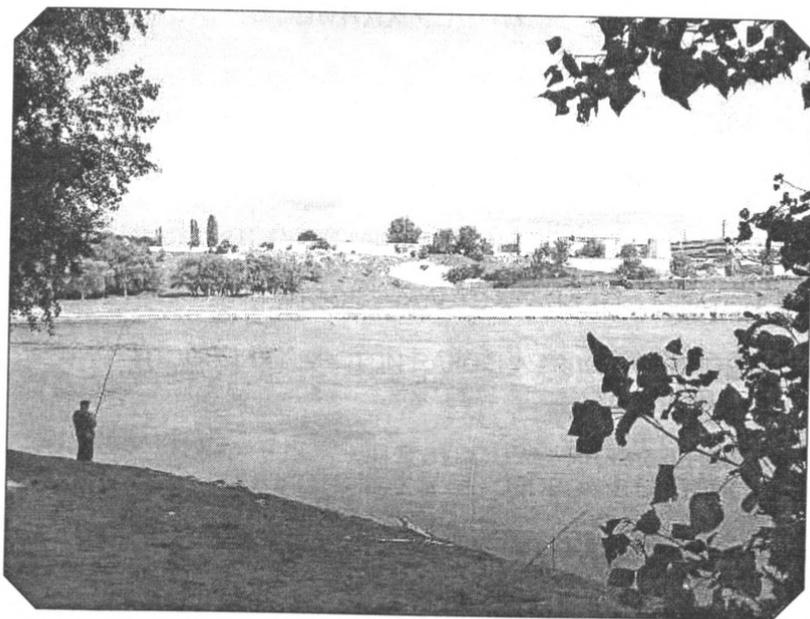

38. Сухой ров. 2003 г.

39. Петроглифы. 2003 г.

40. Вид крепости с левого берега. 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
<i>Глава 1. КОГДА ЖЕ ВОЗНИКЛА ТИГИНА?</i>	8
<i>Глава 2. ПРЕДЫСТОРИЯ БЕНДЕРСКОЙ КРЕПОСТИ</i>	26
<i>Глава 3. ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КРЕПОСТИ</i>	
<i>Глава 4. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КРЕПОСТИ В XVI–XVII ВЕКАХ</i>	58
<i>Глава 5. БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ В ПЕРИОД РУССКО- ТУРЕЦКОГО ПРОТИВОБОРСТВА В XVIII СТОЛЕТИИ</i>	72
<i>Глава 6. БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX СТОЛЕТИИ</i>	92
<i>Глава 7. УЗНИКИ БЕНДЕРСКОЙ КРЕПОСТИ</i>	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	111
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	114
ПРИМЕЧАНИЯ.....	115

Георгий Осипович Аствацатуров родился 1 февраля 1954 года в г. Бендеры. После окончания Парканской средней школы Слободзейского района в 1971 году поступил на исторический факультет Кишиневского государственного университета. С 1976 по 1982 год работал учителем истории в селах Конгаз Комратского района, Сукляя и Парканы Слободзейского района. С 1982 по 1989 год служил в рядах Вооруженных Сил СССР. Майор в отставке. После армии работал рабочим кишиневской фирмы "Типар колор". Научной деятельностью занимается с 1994 года. С 1996 года – научный сотрудник Института истории Академии наук Молдовы. Является заместителем председателя республиканского Научного общества болгаристов. В 1995 и 1996 годах вышли две части книги Г. Аствацатурова "Очерки истории села Парканы". Автор ряда научных и публицистических статей.

С 1996 года живет в г. Армавир Краснодарского края, где работает заместителем директора краевого института повышения квалификации педагогических кадров. В 1998 году защитил кандидатскую диссертацию по теме "Бендерская крепость". В ноябре 2007 года первая часть "Очерков истории..." была дополнена и издана под названием "Болгары – 200 лет в Парканах".